

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

10 (721)
2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State-Funded Educational Institution
for Higher Professional Education
«Moscow State Linguistic University»

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 10 (721)

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

**STUDIES IN LITERATURE
AND DISCOURSE OF FICTION**

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 10 (721)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
И. И. Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

Халеева И. И. (*председатель*)
Нечаев Н. Н. (*заместитель председателя*)

Гаджиев А. А. (Азербайджан)	Медведева Т. В.
Баранова Н. П. (Белоруссия)	Моисеенко Л. В.
Бурнацева З. К.	Мусаев А. И. (Кыргызстан)
Голубина К. В.	Ноздрина Л. А.
Воронина Г. Б.	Потапова Р. К.
Гаспарян Г. Р. (Армения)	Прохоров Ю. Е.
Гусейнова И. А.	Радченко О. А.
Дудик Н. А.	Русецкая М. Н.
Имомов М. С. (Таджикистан)	Семенова Т. И.
Ирисханова К. М.	Сорокина Т. С.
Ирисханова О. К.	Сухарев Ю. А.
Касюк А. Я.	Тарасова А. Н.
Краева И. А.	Титкова О. И.
Красноженова Г. Ф.	Убин И. И.
Кунанбаева С. С. (Казахстан)	Ли-Янке Х. (Швейцария)
Лодейро Ф. Г. (Испания)	Ченки А. Д. (Нидерланды)
Лю Лиминь (КНР)	Шулепов Н. А.
Маркес Д. С. (Испания)	Форстнер М. (Швейцария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИК МГЛУ». Выпуск 10 (721)

д-р филол. наук, проф. А. М. Каплуненко (*ответственный редактор*);
д-р филол. наук, проф. Т. И. Семёнова (*зам. ответственного редактора*);
д-р филол. наук, проф. Н. Н. Казыдуб (*ответственный секретарь*);
д-р филол. наук, проф. Т. Е. Литвиненко (*зам. ответственного секретаря*);
д-р филол. наук, доц. П. П. Дашинимаева (директор Ин-та филологии
и массовых коммуникаций БГУ); д-р филол. наук, проф. Е. Ю. Куницына;
д-р филол. наук, проф. С. Н. Плотникова; д-р филол. наук, проф. Е. Ф. Серебренникова;
д-р филол. наук, проф. В. А. Степаненко; канд. филол. наук, доц. О. М. Готлиб;
канд. пед. наук, доц. Т. В. Живокоренцева;
руководитель Российско-Испанского университетского центра
Университета Кадиса А. С. Аррибас

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Артюнина А. А.

Об особенностях онтологизации концепта
ВОСПОМИНАНИЕ / REMINISCENCE9

Ефимова Н. Н.

Концепт в мифологической системе *Lapsus Auris* 19

Якубовская Э. В.

Пространственная концептуализация целенаправленного
действия отыменными инструментальными фразовыми глаголами30

Раздел II

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Верхотурова Т. Л., Савватеева И. А.

Глагольные сочетания с наречным маркером семиотической
значимости поведения39

Каверина О. А.

Механизмы расширения значения английских прилагательных50

Кирюхина Л. В.

Категория падежа в трактовке китайского грамматиста
Ма Цзяньчжуна63

Кошкин А. П.

Особенности редупликации некоторых знаменательных
частей речи в китайском языке72

Магеррамли Б. Б.

Древние словообразовательные способы (метатеза, звуковая
редукция и протеза) в первичных корневых морфемах
тюркских языков82

Семенюк (Кирилук) О. В.

Основные принципы формирования реестра авторских
лексических новообразований Павла Тычины.....93

<i>Шаравьёва И. В.</i>	
Монадно-модусная модель как способ представления китайской письменности	101

Раздел III
МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

<i>Гаврилюк М. А.</i>	
Зооморфная метафора как фрагмент китайской и русской языковых картин мира	109
<i>Меньшикова Е. Е.</i>	
Метафора в рекламном туристическом нарративе как источник воображения	120

Раздел IV
АНАЛИЗ ДИСКУРСА

<i>Казыдуб Н. Н.</i>	
Дискурсивное переключение регистров в контексте культурно-языковых контактов	128
<i>Смирнова У. В.</i>	
Еще раз о проблеме исчезновения субъекта высказывания	140
<i>Яковлева Ж. В.</i>	
Конструирование прагматической ситуации счастья в рекламном дискурсе	158

Раздел V
**ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРНОМ
И МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТАХ**

<i>Межова М. В.</i>	
Поэтический текст в межлитературном диалоге культур (на материале творчества М. Ю. Лермонтова)	168
<i>Рябова С. Г.</i>	
Художественное воплощение идеи пути героя в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»	179

CONTENTS

Section I LINGUISTIC CONCEPTOLOGY

- Artyunina A. A.*
On characteristics of Ontologization of the Concept
ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE9
- Efimova N. N.*
Concept in Mythological System of Lapsus Auris19
- Yakubovskaya E. V.*
Spatial Conceptualization of Goal-directed activity by Denominal
Instrumental Phrasal Verbs30

Section II FORMATION AND FUNCTIONS OF LANGUAGE UNITS ON DIFFERENT STRATA

- Verkhoturova T. L., Savvateeva I. A.*
Verb Phrases With Adverbial Markers of Behavioral Semiotics39
- Kaverina O. A.*
On Mechanisms of Semantic Expansion of the English Adjectives50
- Kiryukhina L. V.*
The Interpretation of the Category of Case by Chinese Grammarian
Ma Jianzhong63
- Koshkin A. P.*
Special Features of the Reduplication of Some Significant Parts
of Speech in Chinese Language72
- Magerramly B. B.*
The Ancient Word-formation Methods (Metathesis, Sound Reduction
and Prothesis) in the Primary Root Morphemes of the Turkic Languages82
- Semiuk (Kyryliuk) O. V.*
On Principles of the Pavlo Tychyna Glossary Formation93
- Sharavieva I. V.*
Monade-and-Moduses Model as a Representation of Chinese Writing101

Section III
METAPHOR IN LANGUAGE AND SPEECH

Gavrilyuk M. A.
Zoomorphic Metaphor as a Part of Chinese and Russian Linguistic
World Image109

Men'shikova E. E.
Metaphor in Tourist Narrative of Advertising as a Source of Imagination120

Section IV
DISCOURSE ANALYSIS

Kazydub N. N.
Discourse Register-switching in the Context of Cultural Contacts128

Smirnova U. V.
Returning to the Problem of the Subject as the Author of his/her
Discourse140

Yakovleva Zh. V.
On Construction of the Pragmatic Situation of Happiness
in Advertising Discourse158

Section V
LITERATURE IN CULTURAL AND INTERCULTURAL CONTEXT

Mezhova M. V.
Poetical Text in the Context of Interliterary Dialogue of Cultures:
Discussing the Lermontov Literary Legacy and Its Translations168

Ryabova S. G.
The Artistic Expression of the Character's Path Idea in Bunin's
«the Life of Arseniev»179

Раздел I
КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81.00

А. А. Артюнина

аспирант кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации МГЛУ ЕАЛИ; ст. преподаватель кафедры общенаучных дисциплин Улан-Удэнского института железнодорожного транспорта (филиал ФГБОУ ВПО «ИрГУПС»); e-mail: artyunina@mail.ru

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОНТОЛОГИЗАЦИИ КОНЦЕПТА
«ВОСПОМИНАНИЕ» / «REMINISCENCE»**

В статье исследуются способы вербализации концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, а также проводится подробный дефиниционный анализ слов «воспоминание» в русском и английском языках. Выдвигается гипотеза о существовании концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE в виде нарратива. Для подтверждения гипотезы проводится лингвистический эксперимент и анализируются его результаты. Выдвинутая гипотеза находит подтверждение.

Ключевые слова: воспоминание; вербализация концепта; процессуальность; допустимая субъективность; субъективная модальность; неполноценная (неканоническая) коммуникативная ситуация; противопоставление во времени и в пространстве; повествователь; окружающий мир; событийность; онтологизация концепта.

Artyunina A. A.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; Senior Lecturer of General Scientific Subjects Department, affiliated Ulan-Ude Railway Institute of Irkutsk Railway University; e-mail: artyunina@mail.ru

**ON CHARACTERISTICS OF ONTOLOGIZATION
OF THE CONCEPT ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE**

The article examines the ways of concept REMINISCENCE verbalization. It also analyzes the definition of the word «reminiscence» in the Russian and the English languages. A hypothesis is brought forth that the concept REMINISCENCE is normally and regularly verbalized as a narrative. To prove the hypothesis, a linguistic experiment has been conducted and its results analyzed. The hypothesis has been confirmed.

Key words: reminiscences; narrative; concept verbalization; procedurality; acceptable subjectivity; subjective mode; imperfect (non-canonical) communication situation; place and time opposition; narrator and the world around; newsworthiness; concept ontologization.

В рамках когнитивного подхода к лингвистическим исследованиям понятие «концепт» стало стержневым. Концепт в случае коммуникативной необходимости может быть вербализован различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта.

Представляется, что известное мнение В. З. Демьянкова об организации дискурса вокруг концепта нуждается в уточнении [3, с. 7]. Метафора «вокруг» оставляет без ответа вопрос о формах функционирования дискурса. Это особенно важно для исследования концептов, в основу которых положен признак процессуального характера: ВОСПОМИНАНИЕ, РАССУЖДЕНИЕ, ОБЪЯСНЕНИЕ, РАЗУБЕЖДЕНИЕ, ПОКАЯНИЕ и т. д. В частности, правомерно выдвинуть гипотезу, что концепт ВОСПОМИНАНИЕ / REMINISCENCE существует в виде нарратива.

Связь содержания понятий «концепт» и «нарратив» весьма сложная, если анализировать ее с точки зрения общности дефиниций. Тем не менее в содержании концепта ВОСПОМИНАНИЕ / REMINISCENCE такие дефиниции имеются:

- воспоминание – *воспроизведение* в своем уме того, что индивид видел, слышал, делал и т. д. [11];
- воспоминание, воспоминания: 1) то, что сохранилось в памяти; мысленное *воспроизведение* этого [10];
- воспоминание: 1) мысленное *воспроизведение* чего-нибудь сохранившегося в памяти, 2) записки или рассказы о прошлом [6];
- reminiscence: 1) A story told about a past event remembered by *the narrator* [16];
- reminiscence: 1) *An act of remembering* long-past experiences, often fondly, 2) A mental image thus remembered [14];
- reminiscence: 1) *The act or process* of recalling the past; 2) A mental impression retained and revived; 3) Often, *reminiscences* a recollection *narrated* [17];

– reminiscence: 1) *The act or process* of recollecting past experiences or events, 2) An experience or event recollected, 3) A *narration* of past experiences. Often used in the plural [19];

– reminiscence: 1) *The act of recalling or narrating* past experiences, 2) (*Often plural*) some past experience, event, etc., that is recalled or narrated; anecdote [13].

Для целей нашего исследования весьма информативны такие определения, как «записки или рассказы о прошлом», «*reminiscences a recollection narrated*», «*a narration of past experiences*», поскольку в самой дефиниции ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE содержится референтная связь с нарративом.

Для дефиниционных словарей английского языка характерно использование слов *act, process* для интерпретации лексемы *reminiscence*. В таких дефинициях, как *the act or process of recollecting, the act of recalling or narrating*, онтологизируется признак процессуальности. Данные словосочетания *the act or process of recollecting, the act of recalling or narrating* прямо указывают на наличие процессуальности, так как в английском языке процессуальность имеет формальное выражение – суффикс *-ing*.

Для толковых словарей русского языка характерно использование слова «воспроизведение» для интерпретации лексемы «воспоминание»:

– воспроизведение (книж.) – только ед. действие по глаголу воспроизвести [10];

– воспроизведение – процесс *действия* по значению глагола воспроизводить, воспроизвести, воспроизводиться, воспроизвестись [4].

Очевидно, что в дефиниции слова *воспроизведение* также есть референтная связь с процессуальностью.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля, изданного в 1863–1866 гг., дефиниционная единица *воспоминание* присутствует в глагольной форме «воспоминать, вспомнать что, кого или о чем, вспоминать, вспомнать или вспомнить или вспамятовать, поминать, припоминать; приводить себе на память, освежать, будить, обновлять в уме своем память о ком, чего; перебирать в мыслях или словами прошлое, бывшее; || напоминать кому о чем, поминать кому что; *-ся*, быть воспоминаему, приходить на память» (курсив наш. – А.А.) [2]. Тот факт, что глагол «воспоминать» интерпретируется в словаре В.И. Даля глаголами и глагольными словосочетаниями

несовершенного вида, является одним из главных признаков процессуальности. То же самое можно отнести и к дефинициям слова *воспроизведение*, в которых также преобладают глагольные формы интерпретации.

Обращает на себя внимание и тот факт, что и английское слово *reminiscences* и русское слово *воспоминания* обычно используются во множественном числе. Это, в свою очередь, указывает на два важных признака процесса: дискретность и собирательность. Иными словами, своего рода цепь, последовательность высказываний, отражающих последовательность событий, т. е. нарратив.

С целью получить релевантные лингвистические сведения о переживании концепта REMINISCENCE/ВОСПОМИНАНИЯ в форме нарратива мы обратились к пользователям социальных сетей, родившихся в США, для которых английский язык является родным, с просьбой поделиться воспоминаниями о своем школьном опыте. Та же просьба была адресована российской аудитории одного из вузов, причем вопрос задавали и студентам, и преподавателям. Нашей целью было получить развернутый ответ на данный вопрос. Участники опроса откликнулись, прислав свои ответы в форме эссе объемом от 250 до 1060 слов. В общей сложности было рассмотрено 58 текстов, из них от англоязычных информантов – 25, от русскоязычных – 33. Из 25 англоязычных авторов студентами колледжей являются 19 человек, люди старшего возраста и различных профессий – 6. Из 33 русскоязычных авторов студентами оказались 26, причем 16 студентов получают техническое образование и 10 – гуманитарное, а 7 информантов – преподаватели и сотрудники вуза.

В своем исследовании мы опирались на определение нарратива, данное Е. А. Поповой: «Нарратив – это текст, в котором рассказывается о людях и происходящих с ними событиях в той последовательности, которая устанавливается говорящим» [8, с. 12]. Д. Шиффрин также определяет нарратив как «форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других» [18, с. 321]. Традиционный нарратив – это повествовательная форма, при которой залогом коммуникативной целостности текста служит сознание повествователя [7, с. 206].

Внутри традиционного нарратива различают перволичное повествование (т. е. повествование от первого лица) и нарратив третьего лица. В текстах автобиографического содержания, к которым

относятся исследуемые нами эссе, повествование ведется от первого лица. Следовательно, концепт ВОСПОМИНАНИЕ будет существовать в виде перволичного, или, как он чаще обозначается в настоящее время, личностного нарратива.

В исследованиях таких авторитетных специалистов в области нарратологии, как Е. В. Падучева и В. Шмидт, выделены следующие характерные признаки личностного нарратива:

1. Допустимая субъективность и субъективная модальность в основном корпусе повествования.
2. Наличие неполноценной (неканонической) коммуникативной ситуации, когда собеседник отсутствует. В норме внутренний адресат появляется только в лирических и риторических отступлениях.
3. Противопоставление – расстояние во времени и в пространстве между повествователем и изображаемым миром.
4. Событийность, т. е. наличие в тексте событий.

Субъективность, как известно, является неотъемлемым свойством человеческого мышления и в силу этого проявляется в языке. Термином «субъективная модальность» охватываются разнообразные языковые явления. Е. В. Падучева определяет субъективную модальность как эгоцентричность минус дейксис [7, с. 299]. Общим для всех проявлений субъективной модальности являются: 1) неэксплицитность в выражении модального субъекта; 2) участие говорящего в эксплицитной формулировке их значения. Например:

- (1) I went to school in a movie, at least that's what it felt like.
- (2) High school nostalgia over time really becomes deception.
- (3) Начну с того, что, на мой взгляд, все школьные дни, начиная с первого и заканчивая одиннадцатым классом, для меня были самыми впечатляющими.

В приведенных примерах субъективное восприятие школьных лет как самых счастливых и уникальных (при том, что авторы данных строк еще очень молоды, и очевидно, что в их жизни будет еще большее количество важных событий), а также субъективное ощущение нереальности, «киношности» введено в основной корпус их текстов. Кроме того, выделенные фрагменты *really* и *на мой взгляд* являются элементами субъективной модальности. К сфере субъективной модальности относят, прежде всего, те языковые средства в составе данного высказывания, с помощью которых говорящий характеризует

свое отношение к этому самому высказыванию – к любому его аспекту или части. Однако это отношение должно быть выражено неэксплицитно, т. е. оно не может находиться в составе данного высказывания с помощью отдельного предложения с подлежащим в первом лице, обозначающим говорящего [7, с. 300].

Нарратив существует в условиях неполноценной (неканонической) ситуации общения. Неканоническая коммуникативная ситуация характеризуется следующими моментами: пространство говорящего не совпадает с пространством адресата; время произнесения высказывания (время говорящего) не совпадает со временем восприятия (время адресата); высказывание может не иметь конкретного адресата. Неканоническим коммуникативным ситуациям присуще также получение нового адресата при каждом новом обращении к тексту [7]. Все эти признаки свойственны анализируемым нами текстам воспоминаний о школьных годах. Эти тексты не были адресованы какому-либо конкретному лицу. Излагались те события, чувства, мысли, которые возникают в памяти при упоминании школьных лет. В нарративе внутренний адресат появляется только в лирических и риторических отступлениях:

(4) You don't realize who your true friends are until after graduation.

Из всех полученных нами текстов только один содержал формальное обращение к собеседнику. Данное обращение является примером риторического отступления, и местоимение второго лица *you* не обозначает адресата действия. Во всех рассматриваемых нами текстах внутренний адресат отсутствует, что объясняется их автобиографическим характером. Одной из наиболее характерных особенностей нарратива является противопоставление – расстояние во времени и в пространстве между повествователем и изображаемым миром, именно в жанре автобиографического рассказа это противопоставление раскрывается в полной мере:

(5) I was always blessed to have a good and loyal set of friends throughout my adolescence and throughout my adulthood, and I believe they were really my saving grace during the rough patches. I made many compromises and mistakes in this effort and soon wasn't able to recognize much of my «old» self.

В данном примере достаточно четко прослеживается расстояние во времени между личностью автора сейчас и в прошлом. Автор находится над ситуацией, с высоты прожитых лет и пережитых событий

смотрит на прежнего себя. Осмыслен жизненный опыт, полученный во время обучения в старших классах школы, признаны ошибки:

- (6) И в заключение хочется сказать одно – школьные годы были самыми беззаботными, в отличие от взрослой студенческой жизни.

В этом примере суммируется личный опыт автора, то, что было им пережито в прошлом. Беззаботные школьные годы противопоставляется тому, что он ощущает в данный момент (ответственность за самого себя в студенческой жизни).

Таким образом, в примерах 5–6 мы видим, что авторы как бы смотрят на себя со стороны и в эссе о школьных годах излагают свой личностный опыт в виде личностного нарратива. Как только появляется расстояние во времени и в пространстве между изображаемым временем и настоящим мы наблюдаем уход от протокольных номинаций. Формируется локальный миф, имеющий большое значение в системе социокультурного самоопределения человека. Согласно современным интерпретациям мифа, в частности определению Р. Барта, означаемое мифа – это и есть концепт [1, с. 72–84]. Таким образом, прослеживается связь «нарратив» – «миф» – «концепт». В нарративе время мифологично. В повествовании от первого лица рассказчик выступает как одно из действующих лиц изображаемых событий. Он принадлежит к описываемой нарративной реальности и рассказывает о ней сквозь призму своих восприятий, чувств, взглядов, мнений, что мы и видим в исследуемых нами текстах [5, с. 176]. Время «школа» переживается как цельный образ.

По определению Э.Окс, личностный нарратив (*personal narrative*) – это нарратив о личном опыте (*narrative of personal experience*). Личностный нарратив чаще всего носит ретроспективный характер, так как в тот момент, когда события происходят, их участники не в состоянии сразу же рассказать о своих поступках, чувствах и мыслях, возникающих в данной ситуации. Личностный нарратив становится способом размышления об опыте и средством для придания ему автобиографической формы. Роль рассказа о себе в жизни человека состоит в том, что он позволяет соотнести свои поступки в прошлом и представление о себе в пока еще не реализованном будущем со своим пониманием себя в настоящем, что создает у человека чувство целостности и непрерывности собственной личности [15, с. 285].

Событийность как характерная черта нарратива присутствует во всех текстах, полученных нами:

- (7) Самые яркие воспоминания оставили о себе занятия спортом и поездки на соревнования, они поглощали практически все мое свободное время. В одиннадцатом классе мы выиграли первенство Бурятии по волейболу командой, которая состояла только из моих одноклассников. Так же я был участником школьной команды КВН, до сих пор остались записи с нашими выступлениями. В одиннадцатом классе каждый день после уроков у нас были репетиции последнего звонка и выпускного вечера. На одной из последних репетиций во время жонглирования гирями я получил сотрясение мозга и попал в больницу, тем самым был освобожден от репетиций.

Приведенный текст до предела насыщен событиями. По определению В. Шмида, термин «событие» обозначает нечто внеочередное, неожиданное, нетривиальное. Событие заключается в некоем отклонении от законного, нормативного в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира [12, с. 13–14]. И участие в КВН, и выигранный чемпионат по волейболу, и подготовка к последнему звонку, безусловно, являются отклонением от привычного течения школьной жизни, от повседневных действий. Крайне неожиданным, можно сказать, чрезвычайным, является травма автора во время репетиции.

Каждое событие – изменение состояния, но отнюдь не каждое изменение состояния – событие. Для того чтобы изменение состояния могло считаться полноценным событием в собственном смысле этого слова, оно должно удовлетворять определенным требованиям.

Основное условие события – это его *реальность*, или *фактичность*, изменение должно действительно произойти. Для события недостаточно, чтобы субъект действия только желал изменения, о нем мечтал, его воображал. И хотя изложение воспоминаний о школьных годах является субъективным взглядом отдельного индивидуума на свое прошлое, но сами события, связанные в памяти наших авторов с их школьной жизнью, реально происходили.

С фактичностью связано другое основное условие событийности: результативность. Изменение, образующее событие, должно быть совершено до конца наррации (результативный способ действия). Нельзя говорить о событии, если изменение только начато (инхоативный способ действия), если субъект только пытается его осуществить

(конативный способ действия), или если изменение находится только в состоянии осуществления (дуративный способ) [12, с. 14]. В примере 7 идет перечисление событий с очень небольшими описательными комментариями. Иными словами, все события были совершены до конца, закончены. Фактичность и результативность представляют собой необходимые условия события. Без них изменение претендовать на статус события не может. Итак, в исследуемом концепте присутствуют все признаки нарратива, следовательно, концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE вербализуется с помощью нарратива.

Концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE уже содержит в качестве одного из ключевых признаков прямую связь с нарративом. Об этом свидетельствуют анализ текстов и дефиниции. Для автобиографического рассказа, к которому относятся все полученные нами тексты, естественным типом повествования будет повествование от первого лица, т. е. личностный нарратив. Каждый автор по-своему интерпретирует прошедшие события, это взгляд на мир глазами автора. Субъективность, как и субъективная модальность, являются неотъемлемой частью автобиографического повествования.

Воспоминание относится к ретроспективному событийному нарративу. Авторы текстов отделены от своего высказывания и от своих читателей в силу неполноценной коммуникативной ситуации. Иначе говоря, авторы и читатели существуют в разном времени и пространстве. Между повествователем и описываемыми им событиями также существует расстояние во времени и пространстве. Этот признак нарратива, с одной стороны, позволяет повествователям соотнести свой прошлый опыт с осознанием себя в настоящем, а с другой – способствует формированию локального мифа, который, в свою очередь, является одним из способов вербализации концепта.

Без событий не может быть рассказа о прошлом. По определению И. В. Силантьева, нарратив есть последовательность изложенных в определенном коммуникативном акте событий [9, с. 15] т. е. не существует нарратива без событий.

Таким образом, дефиниция «воспоминание» существует в виде межкультурного инварианта «мысленное воспроизведение в памяти чего-либо из прошлого». Концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE онтологизируется преимущественно как нарратив. Иными словами, как действительность языка и сознания воспоминание существует в текстовой форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>
3. *Демьянков В. З.* Тетради новых терминов № 039. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Методы анализа текста. – Вып. 2. – М. : Всесоюзный центр переводов, 1982. – 290 с.
4. *Москаленко Е. С.* Личностный нарратив как когнитивный принцип организации массмедийного дискурса // Вестник ИГЛУ. – 2009. – № 1. – С. 175–181.
5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2000. – 944 с.
6. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М. : Языки славянской культуры, 1996. – 480 с.
7. *Попова Е.А.* Коммуникативные аспекты литературного нарратива: дис. ... д-ра филол. наук. – Липецк, 2002. – 353 с.
8. *Силантьев И. В.* Газета и роман: риторика дискурсных смещений. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.
9. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru>.
10. *Филиппов А. В., Романова Н. Н., Летягова Т. В.* Тысяча состояний души. Краткий психолого-филологический словарь. – М. : Флинта, 2011. – 284 с.
11. *Шмид В.* Нарратология. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
12. *The American Heritage® Dictionary of the English Language.* – URL : <http://www.thefreedictionary.com>.
13. *Collins English Dictionary – Complete and Unabridged.* – URL: <http://www.thefreedictionary.com>.
14. *English Wiktionary.* – URL : <http://en.wiktionary.org/wiki>.
15. *Ochs E.* Narrative lessons // In Duranti A (ed) A Companion to Linguistic Anthropology. – Oxford : Blackwell, 2004. – P. 269–287.
16. *Oxford Dictionaries,* Oxford University Press. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/reminiscence>
17. *Random House Kernerman Webster’s College Dictionary.* – URL: <http://www.thefreedictionary.com>
18. *Schiffrin D.* In other words: variation in reference and narrative. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 373 p.

УДК 84'42

Н. Н. Ефимова

кандидат филологических наук, докторант кафедры перевода и межкультурной коммуникации МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: caprico2009@yandex.ru

КОНЦЕПТ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ *LAPSUS AURIS*

В статье, подготовленной при поддержке РГНФ (грант № 14-04-00302), предпринята попытка показать возможности реконструкции алгоритма создания индивидуального мифа на основе ряда положений коннотативной семиотики Р. Барта. Установлена корреляция между характеристиками концепта как элемента мифологической системы и свойствами концепта как фактора когнитивного искажения в системе *lapsus auris*.

Ключевые слова: когнитивное искажение; адресат; ошибка речевой деятельности; мифологизация; концепт; означающее; означаемое; квазислово; внутреннее время *ego*.

Efimova N. N.

Candidate of Philology, Post-Doctoral Scholar, MSLU EALI;
e-mail: caprico2009@yandex.ru

CONCEPT IN MYTHOLOGICAL SYSTEM OF *LAPSUS AURIS*

The paper focuses on reconstruction of individual myth algorithm based on the postulates of Barthes' connotative semiotics. Correlation between concept as an element of mythological system and concept as a factor of cognitive distortion in the system of *lapsus auris* is addressed.

Key words: cognitive distortion; addressee; speech error; mythology; concept; signified; signifier; quasi-word; internal time of *ego*.

Классифицируя ослышку – *lapsus auris* – как разновидность парaprаксиса, З. Фрейд практически не уделяет внимания этому виду ошибок в работе «Психопатологии обыденной жизни» [10]. Его исследовательский интерес сосредоточен на ошибках продуктивной речевой деятельности – оговорках и очитках, причем главной задачей постулируется выяснение причин конкретной ошибки. Зададимся аналогичным вопросом в отношении рецептивной речевой деятельности: почему ослышка или очитка оказывается такой, а не иной? Ошибки речевой деятельности признаются нежелательными, рассматриваются как преграды на пути к успеху коммуникации, поскольку нарушают обыденную логику. Тем не менее они дают информативный материал для изучения индивидуальной картины мира участников коммуникации. Обращение к рецептивному искажению, на наш взгляд, позволяет

приоткрыть завесу над «правдой человеческой души», далеко не всегда совпадающей с «истиной внешнего мира» [1].

Деформация смысла в ходе рецептивной речевой деятельности иллюстрирует оппозицию между позитивистской истиной внешнего мира (тождеством между знаком и смыслом адресанта) и феноменологической правдой внутреннего мира (тождеством между знаком и значением адресата). Истолкование знака адресатом в унисон толкованию адресанта демонстрирует позитивистское тождество, тогда как ослышка / очитка знаменует отсутствие тождества между смыслом (в понимании Р. Барта – означающим) и значением знака. Отсутствие позитивистского тождества между истиной внешнего мира и значением адресата само по себе информативно и задает апофатический вектор рассуждения: если адресат услышал / прочитал не то, что сказал / написал адресант, то чему соположено его восприятие? Исследуя «воображение как познавательную способность в разрезе логики», Я. Э. Голосовкер обращается к мифологии чудесного, утверждая, что «в аспекте формальной логики здравого смысла здесь все основывается на *error fundamentalis* ... Но в аспекте логики чудесного это ... основоположное заблуждение есть основоположная аксиома» [4, с. 22].

Мифологичность сознания постулируется феноменологией как одно из его фундаментальных свойств. Согласно А. М. Пятигорскому, «миф сам по себе в определенном смысле есть форма сознания, реализующая себя через содержание текста и через восприятие этого содержания» [8, с. 89]. Именно благодаря мифу как феномену сознания картина мира обретает целостность и полноту – «пункт прибытия смысла образует отправную точку мифа» [2, с. 88]. Любое нарушение целостности картины мира должно быть исправлено в силу *horror vacui* – неясное, неслышанное, недослышанное должно быть восполнено, и тут на помощь приходит миф, складывая в единое целое разорванные фрагменты смысла.

В концепции Р. Барта миф как вторичная семиологическая система есть результат манипулятивных стратегий, запускающих семиозис в заданном направлении. Однако схема взаимодействия языковой и мифологической систем релевантна и для мифологизации в более широком понимании – подчинения входящих сигналов извне законам собственной правды – правды человеческой души. Концепция механизма намеренного создания идеологического мифа с помощью лексических и визуальных средств, выдвинутая Р. Бартом, на наш взгляд, может быть применена к реконструкции алгоритма создания

индивидуального мифа, лежащего в основе феноменологического тождества между знаком и значением.

По Р. Барту, основополагающим фактором, преобразующим знак в новое означающее, является концепт как побудительная причина возникновения мифа. Поскольку означающее мифа двулико, оно является и смыслом в языковой системе, и формой в мифологической системе, оно полно и пусто одновременно, для наполнения его новым содержанием нужно освободиться от прежнего. Если форма имеет физические пределы, обладает протяженностью и многомерностью, то концепт – это «целостность, туманность». Описывая механизм формирования нового значения, Р. Барт указывает на то, что знак, проходя через концептуальную систему представлений, утрачивает изначальный смысл и обретает новый. «Подобно тому, как у З. Фрейда латентный смысл поведения деформирует его явный смысл, так и в мифе концепт деформирует смысл» [2, с. 67].

Согласно концепции Р. Барта означающее мифологической системы есть конечный элемент языковой системы. Для актуализации мифологического начала и запуска мифологизации необходимо опустошить этот элемент, отказав в релевантности прежнему смыслу, где «уже содержится готовое значение, которое могло бы оказаться самодостаточным, если бы им не завладел миф» [2, с. 81]. Так языковой знак регрессирует к означающему мифа, причем форма не уничтожает смысл полностью, а отодвигает его в тень, обрекая на «смерть в рассрочку». «История, которая словно сочится из формы мифа (означающего), целиком и полностью впитывается концептом (означаемым)» [2, с. 83]. Какая история прочитывается адресатом в означающем, которое адресант не наделяет способностью к мифологизации?

Задаваясь вопросом о причинах появления мифологического значения, Р. Барт утверждает, что оно не совершенно произвольно, а основано на исторических аналогиях; в нашем случае это индивидуальные, феноменологические аналогии. С. Коннор сравнивает ослышку с тестом Роршаха, высвечивающим эмоциональное состояние слушателя в данный момент [12]. Если описать эмоциональное состояние адресата как интенциональный горизонт, где латентно присутствует множество концептов, получающих языковое воплощение благодаря стимулу извне, можно провести параллель между механизмом идеологической мифологизации и механизмом своего рода феноменологической, индивидуальной мифологизации.

Концепт как «побудительная причина, вызывающая к жизни миф», согласно Р. Барту, обладает следующими свойствами: историчность, интенциональность, событийная центричность, акцентуация представлений о реальности, а не самой реальности, открытость, предназначенность, способность выражаться множеством означающих. Поскольку положение о мифообразующей функции концепта носит общегносеологический характер, не ограничиваясь идеологической концептосферой, можно предположить, что и индивидуальный концепт, творящий индивидуальный миф, обладает этими свойствами.

Индивидуальный концепт *историчен*, но историчность эта феноменологична, за историей концепта стоит фрагмент личной истории адресата. Историчность характеризует принадлежность концепта некоему временному периоду в жизни адресата. Многочисленны примеры рецептивных деформаций у детей, что, вероятно, связано с их готовностью моделировать собственную реальность – некий возможный мир. В автобиографическом рассказе «Книга» Н. А. Тэффи описывает следующий эпизод: «Иногда слово прочитывается не совсем верно, но тем лучше: оно приобретает особый, непонятный, еле улавливаемый, таинственный смысл» [9, с. 199]. Рассматривая иллюстрацию к роману «Дети капитана Гранта», героиня вместо «Паганель бодрствовал» «сгоряча» прочла «Паганель *бодрсовал*» и запомнила ощущение, порожденное этим необычным словом. «Через несколько лет эта книга снова попала мне в руки, и узнала я, что Паганель просто-напросто бодрствовал, – и загрустила. Жалко стало яркого, особенного впечатления, какое дало то несуществующее слово» [там же]. Осознание и «исправление» деформации нередко сопровождается разочарованием и сожалением о разрушенном возможном мире. Немало примеров этому находим в мемуарной литературе. Любопытен пример ослышки, приводимый А. П. Чудаковым в автобиографическом романе «Ложится мгла на старые ступени»: он вспоминает, как в голодные послевоенные годы его дед, ставя на стол миску с печеной картошкой, восклицал: «Ребята, *мимоскаль* за нами!». «Замечательное слово «мимоскаль» означало: налетай. Только много позже Антона осенило, что дед говорил: “Ребята, не Москва ль за нами!”. Клич нравиться перестал» [11, с. 235]. В обоих случаях результатом интерпретации стали квазислова – единицы, не существующие в фонде языка, но обретающие и сохраняющие смысл во внутреннем времени его, которое, изменившись, отвергает их. Всякая ошибка рецепции демонстрирует

факт «опустошения смысла» и «выветривания из него истории» в том смысле, что знак утрачивает – в момент и на момент рецепции – то, что в него заложил адресат, и оказывается во власти адресанта. Именно историчность концепта делает его уязвимым перед историей, которая может легко упразднить его, что и происходит при «возвращении похищенного смысла».

Интенциональность – побудительная сила концепта, которая в случае бартовской внешней мифологизации исходит от адресанта, а в случае индивидуальной мифологизации оказывается направленностью сознания адресата на некое поле латентных концептов, один из которых актуализируется при восприятии. В рассказе В.В.Набокова «Лебеда» мальчик-гимназист, только что узнавший о предстоящей дуэли отца, вместо диктуемого фрагмента «поросший кашкою и цепкой лебедой...» пишет на доске «поросший кашкою и цепкой *ли бедой*», вызывая негодование учителя: «Какая там “беда”... Откуда ты взял беду? Лебеда, а не беда... Где твои мысли витают?» [7]. На его интенциональном горизонте доминирует всепоглощающая тревога за отца, предчувствие непоправимой утраты. Еще не зная о дуэли, мальчик чувствует себя одиноким, скучая по уехавшей матери и редко видя отца, который посещает службу и фракции – «то есть сборища, на которых, вероятно, все во фракках» [там же]. Такая этимологизация слова «фракции» многое говорит об эмоциональном состоянии мальчика и складе его мышления – он склонен интерпретировать непонятное сам и не находит собеседника, с которым мог бы поделиться своими догадками. Событийным центром мифологизированного дискурса оказывается концепт «беда», значимость которого возрастает и благодаря определению «цепкая» – ведь тревога неотвязно преследует мальчика. Неотвратно надвигающаяся дуэль оказывается в фокусе переживаний и ощущений героя, властно изгоняя знаки и признаки реального мира. При этом, как «африканский солдат, отдающий честь, не является символом французской империи» и его «реальность не самостоятельна, отодвинута на второй план... она вступает в сговор с явившимся к ней во всеоружии концептом “французская империя”» [2, с. 83], так и «лебеда» не является символом беды, но «вступает в сговор» с соответствующим концептом.

Менее прозрачна интенциональность эфемерных концептов, означающими которых становятся квазислова, например, *mondegreen*. Однако сам факт порождения таких единиц уже указывает возможные

пути расшифровки мифа. Термин «мондегрин», описывающий когнитивное искажение аудиального восприятия, ведущее к образованию нового текста, был предложен американской писательницей С. Райт в эссе «The Death of Lady Mondegreen», опубликованном в «Harper's Magazine» в 1954 г. [13]. Строки шотландской баллады «The Bonny Earl O' Moray», напеваемые матерью Сильвии:

Ye Highlands and ye Lowlands,
Oh, where hae ye been?
They hae slain the Earl O' Moray,
And laid him on the green

были услышаны девочкой так:

Ye Highlands and ye Lowlands,
Oh, where hae ye been?
They hae slain the Earl O' Moray,
And Lady Mondegreen.

С. Райт подробно описывает возникшую в ее детском воображении картину смерти Леди Мондегрин, «таинственной трагической партнерши Графа»:

I saw it all clearly. The Earl had yellow curly hair and a yellow beard and of course wore a kilt. He was lying in a forest clearing with an arrow in his heart. Lady Mondegreen lay at his side, her long dark brown curls spread out over the moss. She wore a dark green dress embroidered with light green leaves outlined in gold. It had a low neck trimmed with lace (Irish lace I think). An arrow had pierced her throat: from it blood trickled over the lace. Sunlight coming through the leaves made dappled shadows on her cheeks and her closed eyelids. She was holding the Earl's hand¹.

Тот факт, что героиня не упоминается в балладе ни до, ни после описываемой сцены, не значим для Сильвии – на горизонте ее внутреннего времени *ego* доминирует концепт смерти, притягивая знаки извне, похищая их смысл и наделяя собственными значениями. Вероятно, общая трагическая тональность баллады, описание уже свершившейся смерти Графа требуют некоего развития и завершенности; в представлении девочки финальным аккордом баллады становится смерть Леди Мондегрин. Подобно тому, как «французская империя – настоящая побудительная причина сотворения мифа» [2, с. 83], так

¹ Цит. по: [12].

и осознание девочкой идеи смерти и готовность воплотить ее в слове есть причина мифологизации знака.

Постулируя связь концепта с конкретной ситуацией, Р. Барт утверждает, что «через концепт в миф вводится новая *событийность*» (курсив наш. – Н. Е.) [2, с. 83]. Обнародованный в начале царствования Александра III «Манифест о незыблемости самодержавия» с легкой руки оппозиционеров стал называться в народе «ананасный манифест» благодаря неуклюжему обороту: «Объявляем всем верным Нашим подданным: Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученическою кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления» [6]. Церковное пение делало неуместный «ананас» весьма заметным. Этот пример иллюстрирует деформацию смысла, которая могла быть изначально ненамеренной, но далее стала намеренно тиражироваться. Социально-политический кризис в стране после убийства Александра II набирал силу, народовольцы направили Александру III ультиматум с требованием реформы системы управления, политической амнистии и либеральных свобод. Среди сторонников перемен были не только вольнодумцы и террористы, но и представители власти, признававшие ее кризис. Растущее антимонархическое движение требовало ответа от царя – и получило «Манифест о незыблемости самодержавия». Знаковое единство «а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления», являясь третьим, результирующим, элементом языковой системы, выступает как первый элемент мифологической системы – означающее. В России последней четверти XIX в. концепт «самодержавие» обрел черты чего-то неустойчивого, утратившего доверие, и в то же время цепляющегося за привилегию и роскошь. Нейтральный знак языковой системы «а на нас...», вполне понятный и представляющий собой стандартное речевое клише соответствующего стиля, порождает аксиологически окрашенное означаемое мифа – концепт «ананас», который «вводит в миф новую событийность». Кульминационным событием континуума «кризис монархии» становится «ананасный манифест» – один из ключевых знаков эпохи кризиса монархии. Вероятно, в ином концептуальном поле мифологизация не состоялась бы. Согласно Р. Барту, смысл мифа «является частью некоторого события» [2, с. 81], а реакции реципиентов на языковые сообщения неизбежно связаны с переживанием событий [3, с. 103].

В индивидуальный концепт адресата, как и в навязываемый концепт «впитывается не сама реальность, а скорее определенные представления о ней» (курсив наш. – Н. Е.) [2, с. 84]. При восприятии незнакомого текста адресат, стремясь сохранить общую целостность услышанного фрагмента речи, невольно пренебрегает поиском идеального совпадения услышанного со стандартными единицами языковой системы. Не найдя воспринятого означающего в своем ментальном лексиконе, рецептор адаптирует его под доступные единицы. Так, герой романа Дж. Сэлинджера Холден Колфилд слышит строку Р. Бернса «Comin thro the rye» как «*Catcher in the Rye*» и представляет себе ржаное поле с играющими детьми, которым грозит неведомая опасность. Эта метафора развивается в его сознании по мере формирования жизненных ценностей и осознания своего предназначения, – он начинает видеть себя спасителем детей, который «ловит» их, не давая упасть в пропасть.

Герой повести Б. Морроу и одноименного фильма «*Rain man*» расчетливый бизнесмен Чарли, узнав своего брата Рэймонда, страдающего аутизмом, начинает постигать ценность человеческих отношений. Кульминацией личностной трансформации Чарли становится осознание того, что *Rain Man* – полузабытый чудесный персонаж детских воспоминаний, спасающий его от страха и одиночества, – это и есть Рэймонд, чье имя звучало непонятно и потому превратилось в таинственное, но объяснимое *Rain Man*.

Героиня рассказа Н.А.Тэффи «В вагоне», спросив соседку по купе: «А где вы, извините мене, имеете постоянное жительство?», получает ответ «Мы живем себе в Риге», но слышит «в Риме» [9, с. 148]. Эта ослышка определяет ее отношение к попутчице и весь тон дальнейшей беседы – узнав правду, она резко меняет тон с заискивающего на вызывающий и не желает признать, что ослышалась, полагая, что ее ввели в заблуждение. Проживание в Риме ассоциируется у героини с богатством и высоким общественным положением и успехом. Желание хотя бы отчасти приблизиться к этому идеалу и порождает ослышку.

Эти примеры иллюстрируют эфемерность индивидуального концепта, его принадлежность «правде человеческой души», которая не всегда осознается самим человеком.

Постулируя *открытость* концепта, Р. Барт полагает, что он – «никоим образом не абстрактная, стерильная сущность, а скорее

конденсат неформившихся, неустойчивых, туманных ассоциаций; их единство и когерентность зависят прежде всего от функции концепта» [2, с. 84]. Любопытно, что, не упоминая о концепте (и бартовской концепции мифа в целом), британский лингвист С. Коннор так описывает попытки слушателя интерпретировать песенную лирику:

listeners to popular music seem to grope in a fog of blunder, botch and misprision, making flailing guesses at sense in the face of what seems to be a world of largely-unintelligible utterance [12].

Представляется неслучайной параллель в описании поведения слушателя у С. Коннора и характеристиками концепта, приводимыми Р. Бартом. И в том, и в другом случае речь идет о «туманности». «При переходе от смысла к форме образ теряет какое-то количество знаний, но зато вбирает в себя знания, содержащиеся в концепте» [2, с. 84].

Предназначенность – индивидуальный концепт, творящий индивидуальный миф, предназначен конкретному адресату, для других он не существует или нерелевантен: так, в приведенном примере из рассказа В.В. Набокова все гимназисты, кроме одного, правильно написали диктант, и только для нашего героя концепт «беда» заслонил смысл обыденных слов. Адресатом может быть и группа людей – так «ананасный манифест» появился в сознании русского народа в исторически обусловленное время. «Концепт точно соответствует какой-то одной функции, он определяется как тяготение к чему-то» [Там же]. В примере из рассказа «Лебеда» на горизонте ожидания мальчика доминирует дуэль, ассоциируемая с бедой. И «лебеда» преобразуется в «беду» именно для него. Р. Барт указывает на намеренность, рассчитанность концепта, его нацеленность на определенный эффект, а также интегрированность в некую более общую систему. Каламбурная фраза «Сенат и Синод живут под Арками» значима для рецептора, знакомого с особенностями архитектурных решений зданий Сената и Синода в Санкт-Петербурге.

Мифологический концепт, как и означаемое в языке, может иметь **множество означающих**; нередко один и тот же концепт репрезентируется целым рядом означающих; «повторяющаяся репрезентация одного и того же концепта посредством ряда форм представляет огромную ценность для мифолога, так как она позволяет произвести расшифровку мифа» [там же]. Мифологизация становится возможной благодаря отсутствию регулярного соответствия между означающим

и означаемым: рецептор «выбирает» форму концепта из ряда возможных. Так, каламбур «Сенат и Синод живут под Арками» вписывается в концептуальное поле представлений о коррумпированности петербургских чиновников. Поскольку означаемое может иметь много означающих, оно «выбирает» одно из них через доминирующий концепт.

Таким образом, концепт как часть индивидуальной концептосферы обладает свойствами означаемого мифологической системы. Сходство механизмов идеологической и индивидуальной мифологизации позволяет предположить, что любое восприятие потенциально мифологично – именно благодаря этому становится возможной мифологизация, навязываемая социальными дискурсивными практиками. Концепты, понимаемые «не только как «намек на возможные значения», «алгебраическое их выражение», но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом» [5, с. 281], представляют собой конструируемые динамично меняющегося времени *ego*. В непрерывной последовательности событий-переживаний, образующей горизонт внутреннего времени *ego*, «надлежит определить место переживания единого образа» [3, с. 46]. *Lapsus auris* иллюстрирует действие доминирующего концепта, который преобразует поступающий извне знак, приводя его в соответствие с внутренним временем *ego* адресата – создателя и рецептора мифа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Виденье и виденье (проблема достоверности) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2008. – С. 92–104.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: дис. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 2004. – 290 с.
4. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М. : Наука, 1987. – 217 с.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287.
6. Манифест о незыблемости самодержавия: высочайший манифест 29 апр. 1881 г. // Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней: сб. док. / под ред. Ю. С. Кукушкина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 233–235.

7. *Набоков В. В.* Лебеда [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.libok.net/writer/1436/kniga/53025/nabokov_vladimir_vladimirovich/lebeda/read.
8. *Пятигорский А. М.* Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 280 с.
9. *Тэффи Н. А.* Собрание сочинений: в 3 т. – СПб. : РХГИ, 1999. – Т. 1: Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. – 460 с.
10. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: лекции. – М. : Наука, 1991. – 456 с.
11. *Чудаков А. П.* Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. – М. : Время, 2012. – 640 с.
12. *Connor S.* Earlips: Of Mishearings and Mondegreens. – URL : <http://www.stevenc Connor.com/earlips/>.
13. *Wright S.* The Death of Lady Mondegreen // Harper's Magazine. – 1954. – P. 48–51.

УДК 811.111

Э. В. Якубовская

соискатель кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ;
ст. преподаватель кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: yakubovskaya7@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ ОТЫМЕННЫМИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫМИ ФРАЗОВЫМИ ГЛАГОЛАМИ

В статье рассматривается группа прототипических отыменных инструментальных глаголов «ladle», «scoop», «spoon» с пространственно-направительными послелогоми. Проанализирована роль пространственно-направительных послелогов в значениях фразовых глаголов и особенности пространственной концептуализации целенаправленного действия посредством данных фразовых глаголов.

Ключевые слова: отыменные инструментальные фразовые глаголы; пространственные измерения; пространственная концептуализация; пространственные послелогои; когнитивный подход.

Yakubovskaya E. V.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; Senior Teacher MSLU EALI; e-mail: yakubovskaya7@mail.ru

SPATIAL CONCEPTUALIZATION OF GOAL-DIRECTED ACTIVITY BY DENOMINAL INSTRUMENTAL PHRASAL VERBS

The article deals with the spatial conceptualization of goal-directed activity. A group of prototypical denominal instrumental phrasal verbs with spatial particles is analyzed from the point of view of cognitive approach.

Key words: denominal instrumental phrasal verbs; spatial relations; spatial conceptualization; spatial particles; cognitive approach.

Трехмерность как совокупность шести видов места «вверху и внизу, спереди и сзади, справа и слева» [2, с. 116] была описана еще Аристотелем. Эти три измерения, по Аристотелю, выражают целостность и совершенство мира [там же]. Позже категория «пространство» и его трехмерность стали предметом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных ученых-лингвистов. Под трехмерностью (как в объективном свойстве действительности) А. В. Кравченко понимает отражение когнитивных механизмов, лежащих в основе восприятия и познания мира человеком [9, с. 29]. Дж. Лакофф и М. Джонсон

указали в своем труде «Метафоры, которыми мы живем», что «ориентационные противопоставления проистекают из того, что наше тело обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем нас мире» [10, с. 9].

Следуя за Дж. Лайонсом [15], А. В. Кравченко помимо традиционно выделяемых понятий «вертикаль» и «горизонталь» отмечает в языке понятие «вмещенность», которое также участвует в представлении трехмерности пространства, где «отношения между предметами характеризуются не только отдельными линейными измерениями “горизонталь”, “вертикаль”, но и соотношением совокупных измерений “горизонталь – вертикаль”, дающих представление об объемности того или иного предмета в его отношении к другим объемным предметам» [8, с. 8]. При этом наиболее значимым измерением является вертикаль. Особую значимость вертикальной оси измерения можно объяснить отражением характерной для человека пространственной ориентированности его тела в нормальных условиях, т. е. в положении стоя, которое можно назвать «каноническим положением» [13]. А. В. Кравченко считает, что «восприятие и концептуализация холистической предметной сущности “человеческое тело” направлено по оси “верх – низ”, поэтому человеческому телу “вертикальность” присуща как изначальное свойство, составляющее когнитивную сторону предметной сущности» [9, с. 30]. Осевые горизонтальные измерения «перед – зад» (асимметричное), «право – лево» (симметричное), по его мнению, основаны исключительно на положении говорящего в пространстве относительно квалифицируемого предмета

В рамках когнитивной парадигмы большое внимание отводится связи человека с миром через его познавательные процессы со всеми способами получения, осмысления и передачи знаний о мире, которая затем обретает свое отражение в языковой форме. Накопленная информация, полученная, главным образом, через органы восприятия, подвергается концептуализации. Под концептуализацией мы понимаем формирование концептов, т. е. осмысление общего представления об объекте. Согласно определению Н. Н. Болдырева концептуализация – «это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т. е. фиксированных в сознании человека смыслов), например: концепт дома, времени, пространства, вечности, движения и т. д.» [3, с. 22].

Одним из наиболее важных и интересных с точки зрения семантики средств выражения пространственных отношений в современном английском языке являются пространственно-направительные послелогои. Присоединяясь к глаголам, они образуют фразовые глаголы, исследование которых может раскрыть некоторые особенности пространственной концептуализации номинированного ими целенаправленного действия. В семантике фразового глагола, помимо указания на само действие, содержится также эксплицитное или имплицитное указание на его способ, и если действие предполагает перемещение, для его обозначения используются глаголы с послелогоами, которые модифицируют лексическое значение глагола, выражая направление движения или действия в пространстве.

С. Ю. Богданова выделяет следующие типы пространственных отношений в системе фразовых глаголов: «вертикаль», «горизонталь», «вмещенность», «соприкосновение», «удаление», «разнонаправленность», а также рассматривает способы выражения обратной направленности действия [4].

Адвербиальный компонент фразового глагола имеет несколько названий: послелог, наречный компонент, постпозитив, постверб, предложное наречие, постпозитивная приставка, частица. Мы, вслед за И. Е. Аничковым, используем в нашей работе термин «послелог» [1]. Послелогои в основном выражают пространственные и временные отношения. Стоит отметить, что адвербиальные послелогои являются специфической особенностью английского языка, так как они, обладая функциями приставок и суффиксов, могут быть средством образования слов с новыми значениями, т. е. выполнять, помимо модифицирующей, и словообразовательную функцию [4].

В качестве объекта исследования в данной статье мы выбираем глаголы *ladle*, *scoop* и *spoon*, образованные от инструментальных существительных, обозначающих всем известные предметы: поварешку, совок для сыпучих продуктов, ложку.

Судя по дефинициям мотивирующих глаголы существительных, они идеально вписываются в фрейм «инструмент» со структурой «a tool + description of appearance and materials + (used) for V-ing»:

– *ladle* – a large long-handled spoon with a cup-shaped bowl, used for serving soup or sauce;

– *scoop* – a utensil resembling a spoon, with a short handle and a deep bowl, used for removing dry or semi-solid substances from a container;

– *spoon* – an implement consisting of a small, shallow oval or round bowl on a long handle, used for eating, stirring, and serving food [17].

Кроме того, данные существительные полностью отвечают основным признакам лексической категории инструментальности, выделенным нами ранее [11] на основе анализа лингвистических трудов, корпусных данных и знаний о мире в целом, а именно:

- принадлежность к материальным предметам;
- принадлежность к классу артефактов;
- дискретность;
- нестационарность;
- посредничество;
- связь с действием;
- направленность на результат действия.

Таким образом, для определения лексической категории инструментальности мы основывались на двух показателях: первым является соответствие фрейму «инструмент»; вторым – наличие ряда общих признаков этой категории. Принимая вслед за Л. М. Ковалевой определение прототипической единицы как самого лучшего образца (самодостаточного, неизбыточного, самого частотного), признаки которого «извлекаются говорящим из окружающего мира в результате его восприятия и осмысления» [6, с. 10–11], мы делаем вывод о том, что указанные существительные представляют собой прототипические названия инструментов, и их можно отнести к ядру лексической категории инструментальности.

Следует обратить внимание на то, что образованные от данных существительных глаголы также имеют некоторое сходство: во-первых, они обозначают действия, выполненные предметами, названия которых были задействованы в образовании указанных глаголов; во-вторых, предметы, обозначенные мотивирующими существительными, похожи (все предметы, от названий которых образованы глаголы *ladle*, *scoop* и *spoon*, представляют собой приспособления схожей формы и имеющие рукоятку, за которую держится человек, осуществляя соотношенное с целью действие). Сравнив приведенные словарные дефиниции существительных в словаре английского языка «Oxford English Dictionary» [17], можно прийти к выводу о том, что их определения отличаются описанием как формы и размеров предмета, так и тем, для чего данный инструмент обычно используется (его функции).

Можно предположить, что глаголы, образованные по конверсии от анализируемых существительных, присоединяют одни и те же послелогии с пространственными значениями, так как движения, осуществляемые этими предметами, похожи. В словарях «Английские фразовые глаголы» [7] и «Oxford Phrasal Verbs Dictionary» [16] зафиксированы два фразовых глагола с глагольным компонентом «spoon» – *spoon up* и *spoon out*; два фразовых глагола с глагольным компонентом «scoop» – *scoop up* и *scoop out*; один фразовый глагол с глагольным компонентом «ladle» – *ladle out*.

Послелог *up* в составе фразового глагола определяет направление по вертикальной оси, зрительно воспринимаемой говорящим как то, что расположено выше направления взгляда. Точкой отсчета пространственных отношений часто является плоскость направления взгляда вертикально стоящего субъекта [8]. Тем не менее при обозначении разных ситуаций точкой отсчета может быть любая поверхность, например, в предложении «Mouthful after mouthful the boy *spooned up*, before he had time to swallow each bite» [7], пространственный послелог *up* указывает на направление движения ложки вверх по отношению к тарелке (или другой емкости), выступающей в качестве точки отсчета, из которой данной ложкой производится действие. Значение фразового глагола *spoon up* в этом случае – ‘черпать ложкой’.

В словаре “Oxford English Dictionary» мы обнаружили примеры с глаголом *spoon*, значение которого достаточно необычно: *spoon* – (of two people) lie close together sideways and front to back, so as to fit together like spoons [17]. Здесь глагол обозначает действие, в результате которого образуется нечто, похожее на инструмент.

В следующих предложениях положение двух лежащих вместе партнеров внешне напоминает две сложенные ложки:

Caleb turned off the light and spooned up beside her and kissed the back of her head before he closed his eyes and tried to sleep [17].

She spooned up against him, hooking her chin on his neck [там же].

В данных примерах послелог *up* указывает на завершенность, результат выполненного действия.

Наличие послелoga *up* у фразового глагола *scoop up* в значении ‘нагребать/выгребать/черпать ковшом/совком’ имеет отношение к движению наверх, т. е. *scoop up* – ‘собирать, извлекать, вынимать наружу, наверх’:

*We **scoop up** water and splash our bodies so that we don't get too dry and warm sitting in the sun [14].*

Глагол *scoop up* зафиксирован также в значении ‘схватить, сгребсти’, образованном, по всей видимости, на основе ассоциативной связи от глагола, обозначающего действие с предметом, обозначенным существительным *scoop*:

*She had seen him, ten days before and four days before, **scoop up** the letters from the kitchen table and put them in his briefcase [12].*

Еще одно значение фразового глагола *scoop up* – ‘урвать/удачно приобрести’. Данное значение является переосмысленным, а послелог *up* указывает на завершенность воспринимаемого действия:

*The Liberals **scooped up** four fifths of the seats [16].*

Отыменный глагол *ladle* с послелогом *up* не зафиксирован. Вероятно, это можно объяснить тем, что более характерное действие с поварешкой, половником – это разливание по тарелкам, т. е. оно основано на движении наружу, в сторону. Возможно поэтому в рассматриваемых нами словарях зафиксирован только один фразовый глагол с глагольным компонентом *ladle* – *ladle out*:

*Alice had picked up a spoon ready **to ladle out** the stew on to a plate, but she paused and looked at her daughter hard as she said, ‘You don't know what it's all about, do you?’ [12].*

Однако есть у глагола *ladle out* и переносное значение ‘раздавать направо и налево; распределять без разбора’ [7]. Можно предположить, что в данном случае имеет место метафорический перенос, основанный на сходстве раздачи блюда половником по принципу ‘у себя забираем и раздаем другим’:

*It's no surprise that tech companies **ladle out** options, but it turns out that financial firms can be quite generous too; for example, Bank of America and American Express have option run rates of 3,6 and 3 %, respectively [14].*

Прямое значение фразового глагола *spoon out* похоже: ‘разливать ложкой’. Однако аналогичного переносного значения у него нет. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что в выражениях, основанных на метафорических переносах, обычно используются предметы или явления, наиболее ярко характеризующие что-либо. Так и здесь, разливание половником от себя к другим точнее и нагляднее опишет процесс, нежели это же действие, но выполненное ложкой.

Глагол *scoop* тоже может присоединять послелог *out*, фразовый глагол *scoop out* имеет прямое значение ‘to remove sth from the inside of sth else using a curved tool, such as a spoon, or your hand’ [17], что вполне понятно, так как вынесение содержимого наружу выражается послелогом *out*, характеризующим пространственное отношение «вмещенность»:

Scoop out the seed mass of the squash or pumpkin, and rinse the seeds in a strainer under running water [14].

They scoop out the earth and form three sides of it and then collect all the rainwater, which is completely different from here in the United States where we collect all our rainwater off our roofs and dump it into the rivers and streams and have to pay your city to take it away for you [там же].

Послелог *down* с рассматриваемыми глаголами в словарях не зафиксирован, но в но в базе данных «Corpus of Contemporary American» были найдены примеры с глаголами *spoon* и *scoop*. Рассмотрим некоторые из них:

Watched her scoop down into the pot and stir it with her finger, dip something in that shined [там же].

Spoon down into the bottom and you'll find sweet maple syrup, tangy sherry vinegar and explosions of salt [там же].

Значения данных глаголов в обоих предложениях являются прямыми и легко объяснимыми: движения предметов по направлению «вниз, вглубь» переданы с помощью послелога *down*. Глагол *ladle* с данным послелогом не зафиксирован.

По данным материалов *Corpus of Contemporary American*, частотным является фразовый глагол *spoon over* в описании рецептов в кулинарии:

Spoon over sorbet to completely fill each citrus cup [14].

Spoon over the top in an even layer and sprinkle with the remaining Parmesan [14].

Послелог *over* обычно используется для описания ситуации движения объекта над поверхностью ориентира. Прототипическим ядром *over* является его исконное значение «над, на» в движении [5, с. 128]. Так, в указанных примерах наличие пространственного ориентира подтверждает присутствие аналогии между отношениями предметов в пространстве, т. е. в нашем случае некое действие ложкой сверху ‘придавить, разравнять’.

Глаголы *scoop* и *ladle* с послелогом *over* не зафиксированы, что позволяет предположить, что именно основные функции предметов и опыт их использования в быту оказывают важное влияние на выбор пространственных послелогов говорящим и на интерпретацию фразового глагола адресатом.

На основании рассмотренного материала можно сделать вывод о том, что отыменные инструментальные глаголы весьма продуктивны с точки зрения семантической деривации. Присоединяя послелог, они образуют фразовые глаголы. В большинстве случаев пространственно-направительный послелог помогает категоризовать действие, обозначенное фразовым глаголом, как осмысленное с точки зрения определенных пространственных отношений. На выбор необходимого послелога для отыменного инструментального глагола влияет не только семантика послелога, но и сам предмет, название которого мотивирует глагол. Фразовые глаголы с отыменными глагольными компонентами *ladle*, *scoop* и *spoon* имеют как прямые, так и переосмысленные пространственные значения. Из всех рассмотренных лексических единиц самая развитая индексальная у глагола *spoon*, он может образовывать фразовые глаголы как с прямым, так и переносным значением с четырьмя послелогам *up*, *out*, *down*, *over*; ср. : индексальная парадигма глагола *scoop* – *up*, *out*, *down*, индексальная парадигма глагола *ladle* – *out*. Некоторые из выявленных нами фразовых глаголов еще не зафиксированы в лексикографических источниках.

В составе фразовых глаголов пространственно-направительные послелог демонстрируют роль пространственных отношений в концептуализации деятельности человека и в случае с отыменными инструментальными глаголами позволяют увидеть разницу в восприятии человеком действий с внешне схожими предметами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аничков И. Е. Английские адвербиальные послелог: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1947. – 342 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 687 с.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – 2-е изд, стереотип. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 123 с.
4. Богданова С. Ю. Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 180 с.

5. Голубкова Е. Е. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). – М.: Геос, 2002. – 175 с.
6. Ковалева Л. М. О прототипических и непрототипических единицах модально-предикативного конституента предложения // Прототипические и непрототипические единицы в языке: коллективная монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 9–34.
7. Кортни Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2004. – 767 с.
8. Кравченко А. В. Индексальные конструкции с глаголами чувственного восприятия в современном английском языке: автореф. ... канд. филол. – Л., 1987. – 14 с.
9. Кравченко А. В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 159 с.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
11. Якубовская Э. В. Семантическая категория инструментальности в современном английском языке // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конф. молодых ученых, Иркутск, 3–6 марта 2014 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2014. – С. 93–96.
12. *British National Corpus*. – URL : <http://corpus.byu.edu/>.
13. Clark H. H. Space, time, semantics, and the child // *Cognitive development and the acquisition of language* / T. E. Moore (ed.). – New York & London : Academic press, 1973. – P. 27–63.
14. *Corpus of Contemporary American* [Electronic resource]. – URL : <http://corpus.byu.edu/>.
15. Lyons, J. *Semantics*. – London et al. : CUP, 1977. – V. 1-2. – 897 p.
16. *Oxford Phrasal Verbs Dictionary for learners of English* / ed. by Colin McIntosh. – Oxford University Press, 2010. – 400 p.
17. *The Oxford English Dictionary Online* [Electronic resource]. – URL : <http://www.oed.com/>.

Раздел II
ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

УДК 811.11

Т. Л. Верхотурова, И. А. Савватеева

Верхотурова Т. Л., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: Taverkh@mail.ru

Савватеева И. А., аспирант кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ; преподаватель кафедры иностранных языков ИрГАУ; e-mail: Savvrina@mail.ru

**ГЛАГОЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С НАРЕЧНЫМ МАРКЕРОМ
СЕМИОТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ПОВЕДЕНИЯ**

Исследование посвящено когнитивным истокам языковой лексической категоризации и способам выражения концепта BEHAVIOUR в обыденной картине мира английского языка на примерах глагольных сочетаний с наречными маркерами семиотической значимости поведения. Инструментарием когнитивных исследований, используемым при анализе фрагментов картины мира, выражающих в эксплицитной или имплицитной форме концепт BEHAVIOUR, служат понятия «наблюдатель» и «наблюдаемое».

Ключевые слова: наблюдатель; наблюдаемое; адвербиальный маркер; поведение.

Verkhoturova T. L.

Doctor of Philology, Professor, MSLU EALI, e-mail: taverkh@mail.ru

Savvateeva I. A.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; lecturer MSLU EALI; e-mail: savvrina@mail.ru

**VERB PHRASES WITH ADVERBIAL MARKERS OF BEHAVIORAL
SEMIOTICS**

The article is devoted to the cognitive sources of lexical categorization and to the ways the concept BEHAVIOUR is expressed in the English world view on the examples of verb phrases with adverbial markers of behavioral semiotics. The notions Observer and the Observed discovered in the structure of the concept BEHAVIOUR in implicit/explicit forms serve as analytical instruments.

Key words: the observer; the observed; adverbial marker; verbalization.

Цель настоящей статьи состоит в определении когнитивных языковых механизмов формирования поведенческих смыслов и вербализации концепта BEHAVIOUR глаголами с наречными маркерами. Для этого необходимо выявить основные характеристики таких сочетаний, при помощи которых возможно выражение поведения в английской языковой картине мира в семиотическом и оценочном аспектах.

Мы исходим из гипотезы о том, что поведение относится к системам невербальной семиотики [7] и базируется на знаках, определяющих одну из форм межличностных отношений [9]. Последнее означает, что в структуру концепта BEHAVIOUR включены два субъекта – субъект поведенческого акта и субъект, оценивающий этот акт как поведение.

Поведение может описываться глагольными сочетаниями, содержащими перцептивно-оценочный компонент, а глагольные сочетания могут быть самыми различными по семантике. Глаголы речи и жестов в силу своей семантики легко приобретают семиотическую поведенческую значимость. Кроме того, вербализация концепта BEHAVIOUR происходит и посредством глаголов, не имеющих в своей семантике подобных «поведенческих» характеристик и далеких от каких-либо семиотических действий. Они также «охотно» превращаются в предикаты поведения в определенном контексте, указывая на «семиотизацию личности – ее речевых и поведенческих проявлений» [10, с. 137].

Семиотическая значимость поведения выражается в том факте, что в языковой картине мира обнаруживаются многочисленные случаи преобразования различных жестов, речевых действий, телодвижений, движений мимических мускулов, а также действий, не обладающих выраженными знаково-поведенческими характеристиками, в поведенческие акты благодаря употреблению соответствующих глаголов в контексте некоторых наречий образа действия. Такие наречия представляют собой маркеры семиотической значимости поведения.

Так, наречие *effusively* является производным от прилагательного *effusive*, которое толкуется в словарях следующим образом: *marked by the expression of great or excessive emotion or enthusiasm* [13]; *showing or expressing gratitude, pleasure, or approval in an unrestrained or heartfelt manner* [16]. В словарной дефиниции содержится указание на «наблюдаемую симптоматику поведения» [1, с. 31]: выражение очень сильных чувств, идентификация Наблюдателем таких чувств,

как энтузиазм, удовольствие, а также отношения к социальному миру в виде приветствия, одобрения, благодарности. Помимо этого толкования включают достаточно критическую оценку (Наблюдателем) образа действия (проявления, демонстрации эмоций) – чрезмерное, безудержное. Кроме того, выражать чувства, тем более демонстрировать отношение, можно только в поле зрения Наблюдателя – адресата, на которого рассчитан поведенческий акт, например:

(1) *She waved **effusively** and he couldn't pretend he hadn't seen her* [11].

Коммуникативно-жестовый – а значит, знаковый – глагол *wave* уже в силу своей семантики указывает на присутствие в ситуации двух Наблюдателей. Один из них – обозначим его Наблюдатель_А – одновременно выполняет функцию субъекта (Агенса) знакового действия как такового. Поскольку множество коммуникативных жестовых действий по природе своей производится в расчете на Наблюдателя, то субъект действия должен наблюдать (видеть) тех, кому он (в данном примере «она – she») машет рукой. Кроме того, жестовый глагол *wave* приобретает смысл поведенческого акта вследствие употребления наречия образа действия, свидетельствующего об оценке действия со стороны другого Наблюдателя – обозначим его Наблюдатель_П (перцептор). Наблюдатель_П воспринимает знаковое действие и, главное, оценивает жест: слишком эмоционально, с избыточным энтузиазмом, с чрезмерной, несдержанной демонстрацией чувств. В целом такую оценку можно считать достаточно неодобрительной: экспансивные действия в норме вызывают у наблюдателей критику и даже раздражение. В контексте данного предложения/высказывания Наблюдатель_П представлен максимально эксплицитно, как и Наблюдатель_А («он – he»). Рассмотрим еще один пример с жестовым знаковым глаголом подобного типа *greet*:

(2) *He greeted us **effusively**, clasping Benjamin warmly by the hand* [11].

Категория поведения представляет собой особый семиотический объект, наделяемый значимостью перцептивно-когнитивным субъектом – Наблюдателем_П. Сам Наблюдатель_П играет двойную роль в формировании концепта поведения: он является и адресатом, на которого ориентирует свое поведение субъект поведения – Наблюдатель_А, и тем интерпретатором поведения, который воспринимает его и оценивает в существующей системе ценностей.

Таким образом, при вербализации концепта BEHAVIOUR всегда присутствует эксплицитное / имплицитное указание на Наблюдателя,

что автоматически предполагает наличие Наблюдаемого [3, с. 33–41]. Наблюдаемое – это целый знаковый комплекс поведенческих симптомов, воспринимаемый Наблюдателем, который «расшифровывает» эти знаки, оценивает поведение по определенно нормативной шкале и интерпретирует отношение субъекта поведения к его окружению. Поведенческая симптоматика – это знака для интерпретации и оценивания самого поведения как такового и экстериоризованного из внутреннего мира субъекта его отношения к окружающему [10], как правило, социальному миру.

Сравним следующие высказывания:

(3) *After replacing the receiver she sat down on the edge of the coffee table and smiled to herself* [11].

(4) *He smiled **effusively**, gave a mock bow, and went to stand beside one of the thrones* [Ibid].

(5) *Zambia smiled **warmly, lovingly, encouragingly**, remaining utterly silent so as not to frighten him off* [там же].

Эти примеры употребления глагола *smile* в различных контекстах убедительно демонстрируют принципиальное различие в трактовке мимического действия. Как известно, главным признаком предикатов действия является признак контролируемости со всем набором сопровождающих или определяющих этот признак аспектов контролируемого действия: намеренность, целенаправленность, осознанность и т. д. [6; 8]. Хотя глагол *smile* и не относится к центральным глаголам действия (подобно глаголам физического действия типа *cut, wash, paint* и т. д.), *улыбаться* означает – определенным образом осознанно двигать мышцами лица: *to raise the corners of your mouth when you are happy, pleased, or being friendly, or when you think something is funny* [17]. Как следует из словарной дефиниции, глагол может указывать на эмоциональное состояние (пример 3), которое не нуждается в присутствии Наблюдателя, но в определенном контексте он становится предикатом поведения (примеры 4–5).

Наречия образа действия *effusively, warmly, lovingly, encouragingly* свидетельствуют о наличии Наблюдателя. Как уже отмечалось ранее, он играет двойную роль в формировании прагмо-семантической особенности предикатов поведения. Поведение, с одной стороны, ориентировано на Наблюдателя, с другой – всегда оценивается Наблюдателем [4].

В следующем примере глагол перцептивного действия становится предикатом поведения благодаря влиянию непосредственного контекста наречия образа действия *impertinently*, содержащего в своей семантике указание на Наблюдателя и оценочные смыслы (*rudely, not showing respect*) [16]:

(6) *They stopped rollicking for a couple of seconds and looked **impertinently** in their direction* [11].

Такая же метаморфоза происходит под воздействием контекста и с глаголами речевых действий, преобразующихся в глаголы поведения:

(7) *'How sweet of him to remember me,' Doreen **said effusively*** [там же].

(8) *'Hungry, Missus?' he **impertinently inquired*** [там же].

Так как наречия, являющиеся маркерами семиотической значимости, в силу своей семантики относятся к «области аксиологических понятий» [2, с. 65], для них возможно соотнесение с нормативной оценочной шкалой, причем та часть шкалы, которая нейтральна в отношении оценок «хорошо» или «плохо», очень слабо выражена. Иными словами, отмечаются и вербализуются такие поведенческие акты, которые «впечатлили» Наблюдателя, вызвав у него оценку «хорошо» или «плохо», оставляя серединную, нормативную часть шкалы почти без интереса. Поэтому выделяется целое множество маркеров с положительной оценкой, например таких, как *graciously, lovingly, warmly, friendly, encouragingly*, и целый ряд маркеров с отрицательной оценкой поведения, таких как *ostentatiously, impudently, insolently, impolitely, rudely, insultingly*. Нейтральный оценочный «центр» встречается гораздо реже – *expressively*, в некоторых контекстах *demonstratively* и *effusively*.

Например, наречие *graciously* образовано от прилагательного *gracious*, которое толкуется следующим образом: *characterized by kindness and warm courtesy* [15]; *very polite in a way that shows respect: having or showing the attractive things (such as charm, good taste, and comfort) that are associated with having a lot of money* [13]; *courteous, kind, and pleasant, especially towards someone of lower social status or showing the elegance and comfort brought by wealth or high social status* [16]. В дефинициях содержатся такие фрагменты толкований, как «вежливость», «способ проявить уважение», положительные характеристики «шарм, хороший вкус, элегантность» и даже оценка

высокого социального статуса субъекта поведения в его отношении к субъектам более низкого статуса. Все они «высвечивают» поведенческий аспект, приобретаемый в прагмо-семантическом отношении любыми глаголами, которые употребляются в контексте этого наречия: ориентацию на Наблюдателя (определенного социального статуса), демонстрацию конкретных знаков, их интерпретацию и оценку, например, в сочетании с жестовым глаголом *nod*:

(9) *The youth **nodded graciously*** [11].

В следующем примере наречие *graciously* естественным образом сочетается с центральным глаголом поведения *behave*:

(10) *The ballerina has **to behave as graciously and confidently** as her partner* [там же].

Такое сочетание, помимо дефиниций, свидетельствует о том, что наречие *graciously* может выполнять функцию маркера поведения, когда в его контекст попадают любые другие глаголы, например, коммуникативно-речевые глаголы *add* и *give in*:

(11) *However, they **graciously added**, could they keep his £12 joining fee 'as a donation to party funds?'* [там же].

(12) *But, 'Yes, of course,' she **gave in graciously**, and was rewarded when his smile did make it* [там же].

Наречий с нейтральной оценкой, как уже указывалось, гораздо меньше. К таковым относится, например, наречие *expressively*, которое является производным от прилагательного *expressive* и имеет следующее толкование: *showing your feelings in your voice, behavior, or appearance* [12]. В приведенной словарной дефиниции прослеживается эксплицитно представленный поведенческий аспект значения этого наречия: *showing your feelings in your behavior*:

(13) *Erica Lucas **laughed expressively*** [11].

Наречий с отрицательной коннотацией довольно много: *impudently, insolently, impolitely, rudely, insultingly, ostentatiously, effusively* и т. д.

Слегка отрицательную оценку (экспансивно, с чрезмерным энтузиазмом) может иметь упомянутое наречие *effusively*, например:

(14) *He had only met them once briefly at a party, but they remembered him **effusively*** [11].

Любопытно употребление глагола *remember* в качестве вербализатора концепта поведения, о чем указывает наречие *effusively*,

поскольку глагол *remember* имеет, в первую очередь, «неповеденческое» значение – значение ментального акта. Именно этот адвербиальный маркер и снимает глагольную многозначность, «превращая» его в единицу, манифестирующую поведенческий смысл, т. е. концепт поведения.

Рассмотрим наречие *ostentatiously*, образованное от прилагательного *ostentatious* и имеющее следующее толкование: *displaying wealth, knowledge, etc., in a way that is meant to attract attention, admiration, or envy* [13]; *too obviously showing your money, possessions, or power, in an attempt to make other people notice and admire you* [12]. Дефиниции указывают на то, что наречие характеризует такие поступки и действия людей, которые позволяют им выставить напоказ богатство, знание, власть для привлечения к себе внимания, чтобы вызвать чувства восхищения и даже зависти:

(15) *Like Jackson, he enjoyed a comfortable life style, **staying** in quality hotels and **dressing** rather **ostentatiously*** [11].

В следующем примере глагол *smoke*, не являющийся по своей семантике глаголом поведения, с рассматриваемым наречием приобретает поведенческий смысл. Субъект поведенческого акта, как явствует из контекста, определенно действовал напоказ и его действия были направлены на Наблюдателя_П, на то, чтобы произвести определенное впечатление:

(16) *Nigel **was ostentatiously smoking** a big cigar to give an illusion of poise* [11].

То же можно проследить и в следующем примере с глаголом *order*, который также не обладает поведенческой семантикой, но в сочетании с наречием *ostentatiously* является знаком для Наблюдателя_П, который подается для него субъектом действия – Наблюдателем_А:

(17) *He **ostentatiously orders** a can of Worthington with his lunch, to show where his sympathies lie* [11].

Прилагательное *insolent* имеет следующее толкование: *rude and not showing respect* [12]; *insultingly contemptuous in speech or conduct* [13]; *showing a rude and arrogant lack of respect* [16]. Помимо имплицитного указания на наличие двух Наблюдателей, такие фрагменты толкований, как «наглое неуважение», «не показывая должного уважения», высвечивают поведенческий аспект с отрицательной оценкой, который приобретают в прагмо-семантическом отношении любые

глаголы, которые употребляются в контексте наречия, образованного от этого прилагательного:

(18) *A student with a punk haircut and a goose (husa in Czech) strapped into his rucksack was greeted with applause all round as he **insolently walked** the length of Wenceslas Square [11].*

(19) *The last word was **stressed insolently** [там же].*

(26) *She did not answer him this time, but **stared back** at him almost **insolently**, only a slight moistening of her lips betraying her nervousness [Ibid].*

Глагол *walk* имеет значение способа передвижения человека. Такое действие само по себе не является каким-либо типом поведения, но анализируемый адвербиальный маркер придает данному глаголу поведенческий смысл – нагло прогуливался, выражая нарочито наглое поведение. Подобным образом осмысляются примеры с глаголом *stress* (a word), выражающим речевое действие, и с глаголом перцептивного действия *stare* (back) at sb.

Наречий, в сочетании с которыми глаголы можно расценивать как вербализующие концепт BEHAVIOUR, много. Они могут быть как полисемантическими, так и моносемантическими.

Рассмотрим, например, наречие *demonstratively – freely and openly showing emotion or feelings* [13], в дефиниции которого содержатся элементы толкования, указывающие на выражение открытых и свободных эмоций, предполагающих наличие Наблюдателя. Наречие имеет только одно значение – поведенческое:

(21) *He **tensed** his chest **demonstratively** [11].*

(22) *During the Waldheim visit to Munich, Streibl **demonstratively invited** the Austrian President to sign the golden book of the Bavarian State in the Prinz-Carl palace, where Mussolini liked to stay [Ibid].*

(23) *There are ways of trying to manipulate even the sortes Biblicae, but he had meticulously and **demonstratively avoided** them [там же].*

В приведенных примерах глаголы *tense* (one's chest), *invite*, *avoid* являются абсолютно разными по семантике, но все они становятся предикатами поведения именно в сочетании с анализируемым наречием.

Наречие *affectionately*, образованное от прилагательного *affectionate*, имеет два значения. Первое значение относится к сфере чувств: *having great affection or love; loving* [14], а второе значение имеет поведенческий смысл, а именно: *affectionate – displaying*

warmth or affection [13]; *showing affection or love; fondly tender* [14]. Во втором значении оно может служить поведенческим маркером, как демонстрация любви, нежности, ласки:

(24) *'Silly old thing!' she said, and cuffed him affectionately* [11].

(25) *He squeezed her arm affectionately* [11].

В рассмотренных примерах глаголы *cuff* и *squeeze* с наречием *affectionately* также становятся предикатами поведения, т. е. указывают на поведенческий характер описываемых действий.

В свою очередь, в сочетаниях с полисемантическими адвербиальными маркерами именно глагол или же контекст высказывания является указателем того, какое именно из значений употребляется в предложении [5]: является ли оно «поведенческим» или используется как характеристика эмоционального состояния, ср., например:

(26) *I found myself **thinking affectionately** that I ought to be straightforward with him; the English liked that* [11].

(27) *Michael Collins wrapped his arm around her shoulder and **squeezed affectionately*** [11].

Эти примеры демонстрируют различие в трактовке наречия *affectionately*: как характеристики эмоционального состояния (пример 26), или же, как поведенческого знака (пример 27) в зависимости от сопровождаемого глагола (и контекста высказывания).

Приведем для сравнения примеры с многозначным наречием *decently*, одно из значений которого характеризует поведение: прил. *decent* – *socially or conventionally correct* [17]; (*of people or behavior*) *honest and fair; treating people with respect; acceptable to people in a particular situation* [16]. Дефиниции характеризуют те объекты (людей и поведение), которые могут определяться данным прилагательным, а также подчеркивают социальный аспект поведения. Следовательно, соответствующее производное наречие характеризует поступки или действия людей как честное и справедливое поведение, демонстрирующее уважительное отношение, и с другой стороны, воспринимаемое и интерпретируемое как социально приемлемое. Безусловно, такая характеристика поведения соотносится исключительно с положительной оценкой.

Наречие *decently* естественным образом сочетается с центральным глаголом поведения:

(28) *Marxism attempts to replace that code without providing any serious motive to induce people **to behave decently** and for the common good* [11].

Указанное наречие также сочетается и с ближайшими синонимами глагола *to behave*:

(29) *Here at Tudorbury, we will try **to treat** clients **decently**, get them good listed stocks at competitive prices* [11].

Сам глагол *treat* – это поведенческий глагол по семантике, несет значение поступка, который обязательно направлен на других; в силу этого обстоятельства эти «другие» всегда имеют место и выражаются в синтаксисе высказываний с глаголом *treat*.

В предлагаемых ниже примерах значение поведения приобретают глаголы социальных событий *rebel, surrender*:

(30) *I believe that my own children **have rebelled** properly and **decently**, and found their own paths* [11].

(31) *Many deserted before the battle even started, and a number of nobles **surrendered** as soon as they could **decently do** so* [11].

Когда дети проявляют мятежность, когда люди благородного происхождения сдаются и делают это в соответствии с приемлемыми нормами порядочности, уважительного отношения к другим, то такие социальные действия интерпретируются как поведенческие акты с весьма одобрительной, положительной оценкой со стороны Наблюдателя, имплицированного в семантике наречного маркера, хотя и не имеющего синтаксической выраженности.

Следующий пример с данным наречием интересен тем, что речь идет о людях, которые не могут продолжать делать что-то или вообще поступать и жить сообразно социальным приличиям (*decently*), которые и превращают совокупности человеческих действий и поступков, выражаемых глаголом *carry on*, в поведение:

(32) *'What I want to know is, why can't they carry on decently, like we used to do?'* [11].

Итак, при анализе вербализаторов концепта поведения человека – глагольных предикатов с адвербиальными маркерами – обнаружено, что они осмысляются в картине мира английского языка как поведенческие акты. Действия или поступки становятся поведением только в восприятии и интерпретации другого (других), т. е. поведение ориентирует на Наблюдателя. Для Наблюдателя целый комплекс симптоматической семиотики становится значимым Наблюдаемым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Арутюнова Н. Д. Знать себя и знать другого (По текстам Достоевского) // Слово в тексте и в словаре: сб. ст. к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна» / отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин; сост. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 22–41.
3. Верхотурова Т. Л. Аналитический комплекс Наблюдатель + Наблюдаемое в лексической семантике // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – Т. 6. – Вып. 2. – С. 33–41.
4. Верхотурова Т. Л. Лингвофилософская природа метакатегории «наблюдатель»: дис... д-ра филол. наук. – Иркутск, 2009. – 366 с.
5. Дегальцева А. В. Адвербиализация как способ усложнения семантики предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2012. – 21 с.
6. Иванова Е. Ю. Признак контролируемости действия в исследовательском аппарате сопоставительного синтаксиса (на материале славянских языков) // Acta Linguistica/ Eurasia Academic Publishers. – 2009. – Vol. 3. – P. 61–70.
7. Крейдлин Г. Е. Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
8. Падучева Е. В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка: Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 69–77.
9. Сандомирская И. И. Эмотивные глаголы со значением поведения (на материале русского и английского языков): автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1999. – 24 с.
10. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости: монография. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. – 237 с.
11. British National Corpus. – URL : <http://corpus.byu.edu/bnc/>.
12. Cambridge Dictionary: online version. – URL :<http://dictionary.cambridge.org>.
13. Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. – URL : <http://www.merriam-webster.com>.
14. House R. Dictionary of the English Language. – New York, 1970. – 1960 p.
15. The American Heritage Dictionary of the English Language [Electronic resource]. – URL : <http://www.bartleby.com/dictionary>.
16. The Oxford Advanced Learner's Dictionary: online version. – URL : <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
17. WordNet3.0. – URL : <http://www.onlineordbog.dk/wordnet/en>.

УДК 81.372

О. А. Каверина

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: vastik37@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ РАСШИРЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Статья посвящена анализу когнитивных механизмов расширения значений прилагательных «huge» и «sick». Контексты употребления данных прилагательных в новых значениях демонстрируют расширение своих исходных значений, что находит языковую актуализацию в двух направлениях – по сходству и по смежности. Метафора и метонимия выступают ведущими когнитивными механизмами, посредством действия которых у прилагательных «huge» и «sick» появляются новые смыслы.

Ключевые слова: концептуализация; категоризация; каузация; когнитивные механизмы семантического развития слова; распределение внимания; метафорический и метонимический переносы.

Kaverina O. A.

Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Chair,
MSLU EALI; e-mail: vastik37@mail.ru

ON MECHANISMS OF SEMANTIC EXPANSION OF THE ENGLISH ADJECTIVES

The article focuses on the analysis of cognitive mechanisms of semantic expansion of the English adjectives *huge* and *sick*. The modern contexts of these words reveal that the meaning of *huge* becomes broader, whereas the meaning of *sick* becomes more positive. Two cognitive mechanisms – metaphorical and metonymic meaning changes take place in the development of new meanings of these adjectives. Also important is that new meanings may be effected by both linguistic and extralinguistic factors.

Key words: conceptualization; categorization; causation; cognitive mechanisms of semantic change; attention spreading; metaphorical and metonymic shifts.

Одной из центральных проблем лингвистики является языковая многозначность, или полисемия. Использование «старого» знака для обозначения «новой» ситуации, процессы языкового расширения и механизмы формирования новых значений лежат в основе полисемии, изучение которой в рамках когнитивного подхода предполагает не фиксацию существующих значений в словаре, а выявление концептуальных структур, связанных с языковыми знаками,

благодаря которым эти знаки распространяются и на другие ситуации [7, с. 11].

Человек в своей жизнедеятельности, концептуализируя и категоризируя окружающую его действительность, выражает себя, свое восприятие и ощущение, дает оценку происходящему, что находит объективацию в языке. Вместе с тем, язык не охватывает всего многообразия ситуаций в мире, а человек как будто специально не заинтересован в номинации каждой из них, предпочитая вторичное использование исходного знака применительно к новому явлению. Содержание и форма языкового знака находятся в состоянии подвижного равновесия и характеризуются стремлением к нарушению такого равновесия, поскольку потребности общения побуждают человека к переосмыслению формы, ее наполнению новым содержанием [4, с. 85]. Форма знака приобретает новую функцию, не теряя исходной, но создает дополнительную оценочную, эмоциональную, модальную нагруженность, «отражает творческое начало в использовании языка – рождение новых смыслов» [15, с. 356].

Активные процессы расширения значений представлены в сфере употребления адъективной лексики – прилагательных. Полисемия в области признаков слов, как и у предметных, используется преимущественно для именованья более обобщенных и абстрактных понятий, в результате чего семантические структуры прилагательных обнаруживают тенденцию развития от более конкретных значений к более абстрактным. Помимо наименования признаков и свойств, особенностью многозначного прилагательного является актуализация оценки и интенсивности [9]. Дифференциация прилагательных на разные семантико-категориальные классы и уровни функционально-синтаксического использования предполагает разные механизмы языкового освоения реальности.

Примерами, демонстрирующими расширение значения, являются английские прилагательные *huge* и *sick*. Данные слова имеют различный признаковый потенциал. Прилагательное *huge* относится к параметрическим прилагательным, тогда как *sick* принадлежит к экспериенциальной сфере. Тем не менее между параметричностью и экспериенциальностью нет жесткого противопоставления, а внутри самих этих сфер есть шкала переходных случаев. Так, внутри параметрической зоны существует продвижение в сторону экспериенциальности, поскольку в любой ситуации участвует человек, который

что-то чувствует, ощущает, интерпретирует происходящее вокруг, полагаясь на собственный опыт и знания [7, с. 282]. Подвижность значений слова в процессе коммуникации подтверждает идею о том, что концептуальные структуры расположены в сознании человека не беспорядочно, а строго определено, так как концепты каузируют друг друга в концептуальном пространстве. Процесс вывода одного концепта из другого составляет суть когнитивного механизма каузации, в процессе которого происходит «не только развитие цельных концептов, но и развитие концептуальных признаков внутри концепта, т. е. производных значений многозначного слова» [13, с. 54].

Прилагательное *huge* имеет значение *very large: very great in size, amount, or degree* [23]; *extremely large* [20]. Прототипическое значение прилагательного *huge* – *очень большого размера, больше нормы*. Так как прилагательные относятся к ряду лексем, которые не могут быть соотнесены с определенной единицей денотативного уровня, понятия, которые выражаются с помощью данных лексем, актуализируются в сознании человека через предметы реального мира, являющиеся их носителями:

Now began a new phase of his life in which he tried to live a grand, filmstar-type life in a *huge* house on three acres of land [16].

Оперируя понятием нормы, человек имеет представление о предмете или явлении, превышающем норму, что вербализуется на языковом уровне через лексему *huge*, содержащей в своем толковании интенсификаторы *very, extremely*, которые актуализируют превышение нормы. На градационной шкале норма занимает серединное место, при этом имеет некоторую степень отклонения в ту или другую сторону шкалы в зависимости от области приложения. Прилагательное *huge* всегда имеет значение «больше нормы», однако сама норма меняется в зависимости от семантики определяемого им существительного. В рассмотренном примере дом, расположенный на трех акрах земли, категоризуется как огромный, тогда как для сада тот же параметр оказывается недостаточным, ср.:

Her garden is not *huge* – three acres – but there are some spectacular trees grown for their multi-coloured bark, and 80 different old-fashioned roses [там же].

Таким образом, норма представляет собой социально обусловленную меру, которой на шкале градации отводится определенное пространство.

Человек не ограничивает себя имеющимися в его распоряжении рамками, а движется дальше в стремлении понять все многообразие окружающего его мира и существующих в нем смысловых значений. Большинство предметов, признаков или явлений, присутствующих в действительности или в сознании человека, приобретает на ментальном уровне знаковую соотнесенность с другими предметами или явлениями. Способность сознания приспособлять «старые» знаки к новым функциям, распространять их на другие ситуации, подтверждает метафорическую и метонимическую природу человеческого мышления – концептуализировать предметы и явления действительности на основе их сходства и смежности с другими знаками. Большая часть обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична и метонимична, т. е. язык и вся информационно-когнитивная система человека функционируют на основе метафоро-метонимических моделей, посредством которых осваивается и структурируется окружающий мир [8, с. 25]. При этом, когда в качестве имени выступает уже готовая языковая форма, происходит не просто эффект переосмысления, а формирование нового концептуального содержания на базе существующей языковой единицы.

Анализ эмпирического материала показал, что значение прилагательного *huge* не ограничивается параметрическими свойствами. В следующем примере представлено его новое значение – *важный*:

“You know, cooking isn’t one of my *huge* things,” she admitted, laughing when asked for a favorite recipe. “My view on this stuff is I’m just trying to be myself, trying to be as authentic as I can be. I can’t pretend to be somebody else” [26].

В этом примере субъект высказывания (Мишель Обама) не считает приготовление пищи важным для себя занятием. Параметрический признак *огромный* развивается в сторону оценочного *важный*, актуализируя, таким образом, движение внутри параметрической зоны в сторону экспериенциальности. Нормальное ощущение человека, его обычное самочувствие при взаимодействии с объектом, отсутствие дискомфорта определяются как физиологическая норма. В случае, когда человек ощущает что-то не соответствующее его представлениям, концептуальным параметрам собственного мирозмерения, имеет место отклонение от нормы, что способствует выделению объекта, ощущению его значимости, особого отношения к нему, ведь «стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций»

[1, с. 234], поэтому отклонения от нормы представлены в языке разнообразием значений, одним из примеров которого является новое значение прилагательного *huge* – *важный*:

There's a hundred years of history on that count and what's interesting is that for the year that Custer was defeated by the Lakota people, it didn't factor into their tribal history as an important event. It was a **huge** event in terms of the Americans and their mythology of themselves, but from the point of view of the Lakota people, they chose instead for that year to talk about the theft of some ponies [26].

Данный пример отсылает к событиям более чем столетней давности, когда в период «золотой лихорадки» индейский народ Лакота одержал победу над отрядом генерала Кастера. Спустя время, однако, аборигены Америки не относят эту победу к числу важных исторических событий своего племени, в отличие от современных американцев.

Каждый человек сам определяет для себя важность и ценность вещей и явлений в мире. Для одного человека значимым является собственное жильё, например:

“That was **huge**, to be able to walk in and up the stairs to my own apartment, sit down, and shut the door,” Boudreau says, “You don't realize how meaningful that is. I'm grateful every day” (www.bbc.co.uk).

Для другого человека важное место занимает возможность получить образование как единственный путь к стабильной жизни, ср.:

“Other students don't quite understand how **huge** college is for former foster youth; it's our only way to a stable life,” Peterson said [26].

Эмфатическое употребление лексемы *huge* в представленных примерах актуализирует психологическое и эмоциональное отношение говорящего к ситуации.

Приоритетным фактором в процессе восприятия становится такая когнитивная способность человека, как внимание, представляющая собой «остановку» в процессе обработки информации на одном из её объектов путем фокусировки всех когнитивных усилий для его выделения, опознания, описания и классификации» [5, с. 15]. Распределение внимания опирается на два взаимосвязанных механизма – фокусирование и дефокусирование. Объекты мира не могут располагаться одинаково – одни попадают в центр внимания, другие «затемняются», «затушевываются» [3, с. 4]. Понятие «фокусирование» соотносится с другим понятием когнитивной парадигмы – «выделенность»,

которая находит когнитивное обоснование как эффективная процедура установления существенной, релевантной информации [5, с. 24]. Идея выделения более значимой, новой информации с точки зрения говорящего также коррелирует с иерархией внутри семантического представления, предложенной Р. Лангакером. Значения языковых единиц изображаются в виде схем, на каждой из которых есть выделенные участки, что составляет профиль, а остальное является базой профиля [19]. Перцептивно воспринимаемые признаки оказываются значимыми/выделенными для когнитивной базы вторичных наименований, наполняя их новым концептуальным содержанием, ср.: *David Hasselhoff is huge in Germany* [20], *His memoir is huge in Britain* [2]. В примерах имплицитруется значение *популярный, известный*. Параметрическое превосходство концептуализируется как пространственная тенденция, массовое увлечение, ср.: *Staying home is huge these days; you save so much money when you don't go out to eat* [2]. Количество людей, предпочитающих питаться в домашних условиях с целью экономии, выходит за рамки конвенциональной нормы, и такой образ жизни становится известным, общепринятым, следовательно, популярным.

Высокая степень популярности чего-либо или кого-либо в определенной области выделяет предмет или явление из ряда ему подобных: *The huge, new bestseller by the author of "The spy who came from the cold"*. Данный пример представляет собой рекламное послание на обложке новой книги «*The looking glass war*». Издатель привлекает внимание потенциальных читателей, ссылаясь на другой роман автора Джона ле Карре. Значение прилагательного *huge* в примере не равно значению *популярный*, так как это новое произведение писателя. Соответственно, оно не может быть известным широкой общественности, однако, модально маркированная пропозиция «от создателя», имплицитующая неременный успех нового творения автора, заведомо ориентирует читателя на что-то неординарное, выдающееся. Популярность, известность продукта, знаменитость его создателя предвосхищают успех и в будущем, например:

King: Naturally, but you do new satire tomorrow?

Imus: Yes.

King: And since we can hear you every day there might be less appeal to run out and spend money.

Imus: It's going to be a huge album, I am telling you now.

King: Big hit?

Imus: Yes, huge album.

King: Because?

Imus: Well, because comedy albums are - and we're going to do it well.

King: Are they back now?

Imus: Yes, they really are, so.

King: That's good to hear because they were a favorite [26].

В интервью известного американского тележурналиста Л. Кинга с радиоведущим, писателем и юмористом Д. Имусом идет разговор о выходе новой комедийной радиопрограммы Дона, которая, по словам автора, будет популярной, успешной ввиду своей новизны и высокого качества. Автор программы проецирует успех своей работы, полагая, что если в полюбившийся публике жанр сатиры добавить что-то новое, то программа будет иметь грандиозный успех.

Итак, в концептуальной структуре прилагательного *huge* параметрический признак *огромный по размеру, степени, количеству* профилируется на оценочные признаки *важный, значимый, популярный, успешный*. Полисемия, как когнитивный механизм концептуализации окружающей действительности, актуализирует семантическое движение / преобразование исходного денотативного содержания на пути к освоению нового знания о мире. Прототипическое значение прилагательного *huge* – *имеющий огромный размер* – активизирует его непрототипические значения *важный, значимый, популярный, успешный* в результате действия когнитивного механизма метафоризации. Перцептивно выделенный предмет, превышающий параметрическую норму, профилируется в сознании говорящего на ментально значимые сущности, превышающие аксиологическую норму. Подобно тому как человек категоризует какую-то сущность, превосходящую другие по размеру, происходит актуализация других объектов, имеющих интенсивность выше нормы. Параметрический признак в значении прилагательного *huge* дефокусируется, уходит на задний план, давая выход экспериенциальной сфере – эмоциям, ощущениям, оценкам. Модели метафорических переносов в приведенных контекстах можно представить следующим образом:

	→ (важная) деятельность
	→ (значимое) событие
(очень большой) предмет	→ (эмоциональное) состояние
	→ (популярный) человек
	→ (успешный) продукт

Возможность одного и того же признака «подстраиваться» под семантику новой концептуальной зоны свидетельствует о «когнитивной проницаемости» границ между взаимодействующими при метафоризации концептуальными областями [14].

Рассмотрим расширение значения прилагательного *sick*. По данным словарей, прилагательное *sick* имеет следующие дефиниции: *suffering from a disease or illness; being angry, jealous; bored; strange / cruel* [20]; *inclined or likely to vomit; mentally, psychologically, or spiritually disturbed; not in working order* [17]. Прототипическое значение *sick* – *испытывающий физиологическое недомогание, боль, тошноту; психологический дискомфорт*. Однако в настоящее время в разговорной речи слово *sick* употребляется в новом значении – *excellent, wonderful* [25]. Онлайн-словари слов и фраз англоязычного сленга фиксируют значения *crazy, cool, insane* (www.urbandictionary.com); *awesome, cool* (www.yourdictionary.com); *impressive, especially because of being fashionable or attractive* (www.macmillandictionary.com). Внутрисловная связь значений по противоположности известна в лингвистике как энантиосемия [10], авто-антонимия [22]. Существует мнение, что у лексической единицы может быть более одного прототипического значения (прототипическая многофокусность), которые имеют между собой отношения амбивалентности, т. е. противоположной векторности в развитии смыслов слова – от отрицательных к положительным [6]. Однако вопросы, связанные с тем, каким образом слово *sick* приобретает совершенно противоположное значение, какие когнитивные механизмы задействованы в трансформации концептуального содержания от негативного ощущения в сторону положительной оценки, остаются неясными. Обратимся к этимологии развития новых значений у прилагательного *sick*.

Новые значения прилагательного *sick* – *классный, отличный, потрясающий* – появляются в 1980-х гг. в Америке. Согласно Оксфордскому словарю английского языка, слово *sick* в значении *unbelievably good* начинает употребляться в среде людей, занимающихся экстремальными видами спорта – скейтбордингом, сноубордингом, серфингом [24]. Экстремальный спорт – увлечение преимущественно молодых людей, привлекающее к себе любителей преодолеть свой страх, ощутить высокую степень риска. Желание приблизиться к опасности не привлекает обычных людей. Экстремалов, выполняющих сложные выражи в воздухе и на воде в сочетании со скоростью и различного

рода препятствиями, считают людьми неординарными, даже не совсем здоровыми, вследствие либо особого устройства сознания, либо воздействия психотропных препаратов: “*You’re sick in the head because you did that trick*” [26].

В следующем примере прилагательное *sick* переходит в класс признаков слов, категоризирующих высокую сложность, классность самого трюка, ср.:

These totally unconventional athletes are usually seen in the streets or at the local half-pipe making repeated attempts to master the latest *sick* trick, pushing their bodies to the extreme and risking injury in the unforgiving environment of their sports – cement and steel terrain parks, packed snow, turbulent water [26].

Смысловой переход от характеристики субъекта к характеристике вида его деятельности обуславливается сменой фокуса внимания. В сознании говорящего происходит сближение значений прилагательного *sick* – ‘человек, находящийся в измененном состоянии сознания’, и ‘трюк, не поддающийся пониманию с точки зрения здравого смысла’.

Следует отметить, что развитие у слова нового значения детерминировано не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами, в частности, социальной и этнической структурой общества [18]. Параметры внеязыковой социальной действительности, обуславливающие изменения в языке, оказываются важным основанием для понимания процесса эволюции значений. Ф. Лунц в своей книге «*Words that work*» пишет о том, что новый язык создается не элитарным обществом, живущим в богатом пригороде, а молодежной поп-культурой американских городов [21].

Как показывает эмпирический материал, новое значение прилагательного *sick* вышло за пределы корпоративного (спортивного) сленга и употребляется широкими кругами носителей языка, не ограниченными определенными социальными рамками. Так, слово *sick* в значении *классный, превосходный, крутой* используется в онлайн-дискурсе, например, в описании технических характеристик нового автомобиля:

He has taken an '08 GT500 and built it into a *sick* machine that could probably break the land speed record for a milk run, while also dominating at the track or any other late-night adventures [26];

внешности незаурядного человека, знаменитости:

Love Christina Aguilera's entire look! The hair, make up and outfit is *sick*! She looks amazing! [26];

публичного выступления, например, концерта поп-группы:

The Fleetwood Mac concert was *sick* [24].

Недавно английская корпорация *BBC* на одном из каналов сервиса «*BBC Learning English*» выпустила подкаст, в котором ведущие объясняют новое значение прилагательного *sick*:

William: Li, are you wearing make-up?

Yang Li: Yes, do you like it? It's not too much?

William: I think you look sick.

Yang Li: What?

William: Sick!

Yang Li: But I feel fine. I'm perfectly healthy.

William: No, you don't look ill Li, you look sick!

Yang Li: Sorry I just don't get it. I'm not ill!

William: Sorry Li, I should explain. It's our expression for the day. Lots of young people in the UK use the word *sick* to mean cool or great.

Yang Li: English can be weird can't it? Sick means cool?

William: Yes, it is a bit odd. ... (www.bbc.co.uk).

В данном примере представлено исходное значение прилагательного *sick* – *испытывающий недомогание*, и новые – *отличный, превосходный, крутой*. В ситуации языковой игры намеренно совмещаются противоположные значения с целью выделить два смысловых центра. В представленной ситуации имеет место смещение внутреннего предиката человека на внешнюю ситуацию принципиально другой природы. Экспериментальный признак *ощущение боли, недомогания* модифицируется и становится атрибутом предметной сферы, т. е. совершенно другого элемента мира, в результате чего возникают синкретичные значения, представляющие собой, по словам М. В. Пименовой, проявления формально-содержательной языковой асимметрии на лексическом уровне. Данные значения характеризуются связью одновременно с двумя или несколькими денотатами и сигнификатами [12, с. 133]. Распространение знака одной ситуации на другую, смежную, является прерогативой метонимии. Метонимический перенос в случае прилагательного *sick* происходит внутри семантики прилагательного, траекторию движения которого можно проследить в модели:

человек, испытывающий состояние физического / психического расстройства (физиологическое свойство) → необычная деятельность, характеризующаяся этим свойством → неординарный / привлекающий внимание объект.

Метонимическая модель развития значения прилагательного *sick* получает следующую интерпретацию:

- субъект, находящийся в некотором измененном состоянии сознания, выходит из фокуса внимания наблюдателя;
- в фокус попадает само действие (трюк), характеризующийся высокой степенью не только риска, но и классности;
- признаки *риск, опасность* дефокусируются, на передний план выходят признаки *неординарность и привлекательность*, подходящие для любого объекта.

В процессе словоупотребления предметная отнесенность слова и его концептуальное содержание применительно к конкретной речевой ситуации могут не совпадать. В таком случае происходит сдвиг в предметной отнесенности слова, в результате которого данный словесный знак становится именем другого предмета/явления или его значение подвергается преобразованию. Количественное обогащение исходного значения слова приводит к качественному «скачку» в виде акта рождения новой языковой единицы, служащей наименованием уже иного явления [11]. В этой когнитивной деятельности состоит сущность вторичной номинации – метафоры и метонимии, ведущих когнитивных механизмов полисемии. Прилагательные *huge* и *sick* демонстрируют работу когнитивных механизмов метафоры и метонимии, на примере которых можно наблюдать деятельность когнитивного аппарата человека и проследить пути формирования новых значений прилагательных в современном английском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Виссон Л. Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке. – М.: Р. Валент, 2010. – 160 с.
3. Ирриханова О. К. Игры фокуса в языке // Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с. – (Studia philologica).

4. *Карцевский С. И.* Обасимметрическом дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. / сост. В. А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. 2. – С. 85–90.
5. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.
6. *Кульгавова Л. В.* Соол – «живое» слово с удивительной судьбой: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – 70 с.
7. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с. – (Studia Philologica).
8. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
9. *Лецева Л. М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. – М.: Языки славянских культур, 2014. – 256 с.
10. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
11. *Марков В. М.* О семантическом способе словообразования в русском языке. – Ижевск: УГУ, 1981. – 29 с.
12. *Пименова М. В.* Семантическая деривация и синкретизм // Ученые записки Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154, кн. 5. – С. 132–136.
13. *Плотникова С. Н.* Многозначность vs омонимия: трактовка с позиций когнитивной семантики // Многозначность языковых единиц в когнитивном аспекте. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – С. 46–60.
14. *Рахилина Е. В., Карпова О. С., Резникова Т. И.* Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). – Вып. 8 (15). – М.: РГГУ, 2009. – С. 420–426.
15. *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с. – (Монографические исследования: лингвистика).
16. *British National Corpus.* – URL : www.natcorp.ox.ac.uk.
17. *Cambridge English Dictionary.* – URL : <http://dictionary.cambridge.org>.
18. *Hollmann W. B.* Semantic change // English Language: Description, Variation and Context. – Palgrave Macmillan, 2009. – P. 525–536.
19. *Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar // Theoretical Prerequisites. – Vol. 1. – Stanford University Press, 1987. – 540 p.
20. *Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition.* – Harlow, Essex : Longman Group Ltd., 1997. – 1680 p.

21. *Luntz F.* Words That Work: It's Not What You Say, It's What People Hear. – Hatchette, UK, 2007. – 350 p.
22. *Maxwell K.* Brave New Words: A Language Lover's Guide to the 21st Century. – Pan Macmillan, 2014. – 240 p.
23. *Merriam-Webster* Dictionary. – URL : www.merriam-webster.com.
24. *Oxford* English Dictionary. – URL : <http://www.oed.com/> .
25. *The Concise New Partridge* Dictionary of Slang and Unconventional. – Routledge, 2014. – 880 p.
26. *The Corpus* of Contemporary American English. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca>.

УДК 811

Л. В. Кирюхина

аспирант кафедры восточных языков (отд. китаеведения) МГЛУ ЕАЛИ;
ст. преподаватель кафедры восточных языков (отд. китаеведения) МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: lyubabukhtulova@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В ТРАКТОВКЕ КИТАЙСКОГО ГРАММАТИСТА МА ЦЗЯНЬЧЖУНА

В статье описывается падежная система Ма Цзяньчжуна, разработанная на материале китайского литературного языка вэньянь. Подробно представлены все падежи и приведены примеры автора. Дан анализ критериев для выделения падежей.

Ключевые слова: падеж; Ма Цзяньчжун; Ма ши вэнь тун; китайский язык.

Kiryukhina L. V.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; Senior Lecturer MSLU EALI;
e-mail: lyubabukhtulova@mail.ru

THE INTERPRETATION OF THE CATEGORY OF CASE BY CHINESE GRAMMARIAN MA JIANZHONG

The article highlights Ma Jianzhong's case system that was developed on the basis of Chinese literary language wenyān. The cases and author's examples are presented in detail; the criteria for selection of the cases are also analyzed in the article.

Key words: case; Ma Jianzhong; Ma shi wen tong; Chinese.

Изучению падежей на материале разных языков посвящено немало исследований: есть работы по истории развития падежных форм, семантике отдельных падежей и т. д. Что касается китайского языка, то вопрос о наличии в нем падежей является до сих пор нерешенным. В данной статье мы рассмотрим интерпретацию падежа, предложенную китайским лингвистом Ма Цзяньчжуном в его книге по грамматике «*马氏文通*» *Ма ши вэнь тун*.

До появления работы Ма Цзяньчжуна (1898) китайские авторы не пользовались понятием «падеж», поэтому для рассмотрения падежей китайского языка мы выбрали именно эту работу, где впервые в китайском языкознании появляется сам термин «падеж».

Ма Цзяньчжун определяет падеж следующим образом:

凡名代诸字在句读中所序之位，曰次。[5, 页 21]. *Позиция, которую существительное или местоимение занимает в предложении*

или фразе, называется падежом (перевод наш. – Л. К.). Как видим, падеж – синтаксические отношения существительных или местоимений.

Падежи Ма Цзяньчжуна представляют собой систему оппозиций:

- 主次 субъектный падеж – 宾词 объектный падеж;
- 偏次 атрибутивный падеж – 正次 падеж определяемого;
- 同次 сочинительный падеж – 前次 предшествующий падеж.

Рассмотрим оппозицию 主次 субъектный падеж – 宾词 объектный падеж:

1. 凡名代诸字为句读之起词者，其所处位曰主次。[Ibid]. Если существительное или местоимение в предложении выполняют функцию подлежащего, то такая их позиция называется 主次 субъектным падежом.

2. 凡名代诸字为止词者，其所处位曰宾次。[5, 页. 21]. Если существительное или местоимение в предложении выполняют функцию дополнения, то такая их позиция называется 宾次 объектным падежом.

Эти два падежа – 主次 субъектный (досл. главный, ведущий + падеж = главный падеж) и 宾次 объектный (досл. подчиняться, дополнение, объект + падеж = подчиняющийся падеж) – противопоставлены друг другу.

К 主次 субъектному падежу относятся также обращения:

1. 而今而后，吾知免夫，小子！[Ibid, 页86]. Теперь я знаю, как не навредить себе, ученики. 小子 – так обращался философ Цзэн Цзы к своим ученикам.

2. 赐也，非尔所及也。[Ibid]. Цы, ты не сможешь этого сделать. 赐也 – это имя собственное, обращение Конфуция к своему ученику Дуаньму Цы.

3. 子罕言利与命与仁。[Ibid, 页108]. Конфуций редко говорил о выгоде, о судьбе и о гуманности: 利 польза, выгода, 命 жизнь, судьба и 仁 гуманность, человечность стоят в одном ряду, они все являются 宾次 объектным падежом по отношению к 言 говорить, соединяются при помощи соединительного союза 与 и, а также.

К 宾次 объектному падежу относится 司词 косвенное дополнение:

1. 王坐于堂上。[Ibid, 页 22]. Правитель сидит на троне: 于 в, на – предлог, 堂上 на троне – 司词 косвенное дополнение.

2. 杀人以梃与刃，有以异乎？[Ibid]. Какая разница, чем убить человека, палкой или ножом? 梃 палка и 刃 лезвие – существительные,

их соединяет союз 与 и; 以 при помощи в первом случае связывает слова 挺 палка и 刃 лезвие с лексемой 杀 убивать.

К *宾次 объектному падежу* автор также причисляет все существительные, указывающие в высказывании на место, время, стоймость, меру, единицы длины:

1. 于是天子始种苜宿、蒲陶肥饶地。[5, 页 95]. *Тогда сын неба начал засеивать плодородные земли люцерной и виноградом. 肥饶地 плодородные земли – 宾次 объектный падеж.*

2. 见燕使者咸阳宫。[Ibid]. *Принял посла царства Янь во дворце в Сяньян. 咸阳宫 Сяньянский дворец – 宾次 объектный падеж.*

3. 高祖以亭长为县送徒骊山。[Ibid]. *Когда Гао-цзубыл начальником станции, он конвоировал [крестьян] в горы Лишань. 骊山 горы Лишань – 宾次 объектный падеж.*

4. 南荣赧羸粮七日七夜, 至老子之所。[Ibid, 页96]. *Наньжун взял с собой достаточно еды, шел семь дней и семь ночей и добрался до Лао-цзы.*

5. 七日七夜 семь дней и семь ночей указывает на время в пути, это *宾次 объектный падеж.*

6. 晋侯在外十九年矣, 而果得晋国。[Ibid]. *Вэнь-гун провел за границей 19 лет и в итоге смог добраться до княжества Цзинь. 十九年 девятнадцать лет – 宾次 объектный падеж.*

7. 朱儒长三尺馀, 奉一囊粟, 钱二百四十。 [Ibid, 页 98]. *Коротышка ростом в три чи с лишним, получает мешок зерна и 240 монет. 三尺馀 три чи с лишним, 一囊 один мешок, 二百四十 240 – это все меры.*

8. 乃病免家居。[Ibid]. *Тогда ушел со службы по состоянию здоровья и жил дома: 病 болезнь причина того, что 免 лишать должности, увольнять; 家 дом – место, где 居 жить, проживать. Слова 病 болезнь и 家 дом – существительные, они стоят перед глаголами, но подлежащими не являются, поэтому рассматриваются как 宾次 объектный падеж.*

9. 公子威振天下。[5, 页 99]. *Наследник государя величием своим наводил страх на Поднебесную. 威 величие, могущество 振 приводит в трепет, устрашает. 威 величие, могущество – 宾次 объектный падеж.*

Давая определения *主次 субъектному* и *宾词 объектному падежам*, Ма Цзяньжун говорит, что *主次 субъектный падеж* – это *起词 подлежащее*, а *宾词 объектный падеж* – это *止词 дополнение*. Далее он пишет, что у *宾词 объектного падежа* есть значения *причины, инструмента, времени и т. д.* Члены предложения и падежи в книге

«马氏文通» *Ma ши взнь тун* дополняют друг друга, они тесно сплелись между собой. Нельзя не отметить, что в своем труде автор высказывал идеи, близкие к семантическому синтаксису.

Следующая пара противопоставленных падежей – *正次падеж определяемого* (досл. *прямой, центральный + падеж = прямой падеж*) и *偏次 атрибутивный падеж* (досл. *косой, второстепенный, вспомогательный + падеж = вспомогательный падеж*). В данном случае Ма Цзяньчжун пишет, что на письме случается так, что несколько существительных используются вместе, тогда сначала идет определяющее слово (*偏 наклоняться, перекошенный*), а затем – главное (*正 прямой*) [Ibid, 页 21]. Автор приводит следующий пример:

天时不如地利，地利不如人和。 [Ibid]. *Благоприятная [для сражения] погода не так важна, как удобное географическое расположение, а удобное географическое расположение не так важно, как сплоченность народа.*

Два существительных *天 естественный, правильный* и *时 сезон, время* употребляются вместе (*天时* досл. *правильное время*). Главное слово – *时 время*, определяет его – *天 небо*, поэтому оно и стоит впереди. То же самое и в отношении *地利 (земля + выгода = географические преимущества местности)* и *人和 (человек + гармония = сплоченность народа)*.

Часто два существительных, связанных атрибутивной связью, соединены при помощи *之*, как например:

道千乘之国. [5, 页 22]. *Управлять государством с тысячей боевых колесниц: 千乘 тысяча боевых колесниц и 国 государство* соединены между собой при помощи слова *之*, которое показывает, что *千乘 тысяча боевых колесниц* определяет слово *国 государство*.

Ма Цзяньчжун приводит следующие дефиниции *正次 падежа определяемого* и *偏次 атрибутивного падежа*:

1. 凡数名连用而意有偏正者，则正意位后，谓之正次。 [Ibid]. *Когда несколько существительных используются вместе и значение одного определяет другое, то главное из них стоит последним, такая его позиция называется 正次 падежом определяемого.*

2. 凡数名迅用而意有偏正者，偏者居先，谓之偏次。 [Ibid]. *Когда несколько существительных используются вместе и значение одного определяет другое, тогда то, которое определяет, стоит первым, такая его позиция называется 偏次 атрибутивным падежом.*

Когда перед 主次 субъектным падежом или 宾次 объектным падежом есть определение, то можно их назвать 正次 падежом определяемого. Однако они все также останутся и 主次 субъектным падежом или 宾次 объектным падежом. Например:

1. 君行周公之事。[Ibid]. Ты служил у Чжоу Гуна (досл. Ты занимался Чжоу Гуна делами): 君 ты – это 主次 субъектный падеж, 事 дела – это 宾次 объектный падеж, 事дела уточняется при помощи 周公 Чжоу Гун – это 主次 падеж определяемого.

2. 霍氏之祸, 萌于驂乘 [5, 页 22]. Неудачи рода Хо начались тогда, когда замыслили убийство императрицы Сюй и устроили заговор: 祸 неудача – это 主次 субъектный падеж, а также 正次 падеж определяемого, 霍氏 род Хо – это 偏次 атрибутивный падеж.

偏次 атрибутивный падеж может выражать принадлежность.

Например:

1. 且吾尝闻少仲尼之闻而轻伯夷之义者。[Ibid, 页87]. Я слышал, что Конфуций мало в чем разбирался, также [слышал, что] недооценивали высокую принципиальность Бо И: 闻 осведомленность, знания принадлежит 仲尼 Чжун Ни (Конфуций), 义 порядочность – 伯夷 Бо И.

2. 仲尼之徒, 无道桓文之事者。[Ibid, 页 88]. Никто из учеников Конфуция не рассказывал о Ци Хуань гуне и Цзинь Вэнь гуне (досл. Не говорил о Ци Хуань гуна и Цзинь Вэнь гуна делах): 桓文 Ци Хуань гун и Цзинь Вэнь гун определяет 事 дела.

偏次 атрибутивный падеж может говорить о количестве.

Например:

1. 千乘之王, 万家之侯, 百室之君, 这样的人也担心经济条件不够好, 何况普普通通的老百姓呢。[Ibid]. Уж даже если император, у которого тысяча боевых колесниц, феодал, у которого десять тысяч дворов, сановник, у которого удел в сто домов, и то боятся бедности, что уж говорить об обычных людях? В этом случае 千乘 тысяча боевых колесниц, 万家 десять тысяч дворов и 百室 сто домов указывают на владение или имущество 王 императора, 侯 феодала и 君 сановника соответственно.

2. 千金之裘, 非一狐之腋也。[Ibid]. Чтобы шить шубу в тысячу золотых, потребуется шкура не одной лисицы: 千金 тысяча золотых – это стоимость 裘 шуба.

偏次 атрибутивный падеж может указывать на сходство.

Например:

1. 秦, 虎狼之国, 不可信, 不如无行。[5, 页88]. Царство Цинь подобно тигру и волку, ему нельзя верить, не стоит туда ездить: 秦 царство Цинь такое же, как тигр и волк.

2. 非附青云之士, 恶能施于后世哉! [Ibid]. Если не стать последователем известного человека, то как же [обычный человек] сможет стать известным потомкам? Здесь 士 ученый, образованный человек, похожий на 青云 синее облачко.

偏次 атрибутивный падеж может указывать на место. Например:

3. 嗟, 土室之人, 顾无多辞。[Ibid]. Эх, люди, живущие в землянках, пока не нужно говорить: 土室 землянка – место, где они проживают.

偏次 атрибутивный падеж может указывать на время. Например:

行其少顷之怒, 而丧终身之躯。[Ibid]. Выместить свой минутный гнев и потерять жизнь (досл. Выместить свой кратковременный гнев и потерять до конца жизни тело), где 少顷 мгновение и 终身 вся жизнь указывают на время.

Кроме того, 偏次 атрибутивный падеж может называть причину, часть, результат. В общем, все существительные вне зависимости от своего значения могут принимать перед собой 偏次 атрибутивный падеж.

Следующая пара – 前次 предшествующий падеж (передний, первый + падеж = передний падеж) и 同次 сочинительный падеж (одинаковый, равный + падеж = одинаковый падеж):

凡名代诸字, 所指同而先后并置者, 则先者曰前次, 后者曰同次。[Ibid, 页99]. Когда существительные или местоимения обозначают одно и то же и стоят рядом, первое из них называется 前次 предшествующий падеж, а второе – 同次 сочинительный падеж. 主次 субъектный падеж, 宾次 объектный падеж и 偏次 атрибутивный падеж могут быть 同次 сочинительным падежом или 前次 предшествующим. Например:

1. 自子夏, 门人之高弟也。[5, 页100]. Цзыся – лучший из учеников Конфуция. 子夏 Цзыся – это 前次 предшествующий падеж, 高弟 лучший ученик – сказуемое 表词, указывает на 子夏 Цзыся, значит то же, что и 子夏 Цзыся, поэтому является 同次 сочинительным падежом. 子夏 Цзыся и 高弟 лучший ученик в этом предложении также являются 主次 субъектным падежом.

2. 臧与谷二人, 相与牧羊而俱亡其羊。[Ibid]. Цзан и Гу вдвоем пошли пасти овец и всех овец растеряли. 二人 два человека – это

同次 *сочинительный падеж* к 臧 Цзан и 谷 Гу. Кроме того, они являются *主次 субъектным падежом*.

3. 遂生子男, 立为太子. [Ibid]. *Воспитали сына и возвели наследника на престол.* 子 *ребенок* – это *宾次 объектный падеж*; 男 *мужчина* показывает, что ребенок этот мужского пола, указывает на тот же объект, что и 子 *ребенок*, поэтому является *同次 сочинительным падежом*. 太子 *наследник* – также *同次 сочинительный падеж* выполняет функцию сказуемого *表词*, в предложении к нему нет *前次 предшествующего падежа*, однако предполагается, что это *之 он* (立之为太子 *досл. поставить его как наследника*).

4. 公子姊为赵惠文王弟平原君夫人. [Ibid]. *Старшая сестра наследника – супруга Пин Юань-цзюня, младшего брата Чжаоского Хуэйвэнь-вана.* 公子姊 *старшая сестра наследника* – *前次 предшествующий падеж*, 夫人 *супруга* – ее *同次 сочинительный падеж*; и то, и другое является *主次 субъектным падежом*. 赵惠文王弟 *младший брат Чжаоского Хуэйвэнь-вана* – *前次 предшествующий падеж*, его *同次 сочинительный падеж* – 平原君 Пин Юань-цзюнь; и то, и другое является *偏次 атрибутивным падежом*.

5. 礼义廉耻, 是谓四维. [Ibid, 页107]. *Этикет, справедливость, бескорыстие и стыдливость – это четыре добродетели.* Местоимение *是 это, этот* обобщает четыре существительных: 礼 *этикет, вежливость*, 义 *справедливость, чувство долга*, 廉 *бескорыстие, честность* и 耻 *чувство стыда*.

Рассмотрение системы падежей Ма Цзяньчжуна показывает, что падеж для него является категорией синтаксической. Р. О. Якобсон писал, что «перенесение вопроса об общих падежных значениях из морфологии в область синтаксиса могло возникнуть только под давлением такого языкового мышления, которому чуждо восприятие падежа как морфологической категории» [4, с. 137]. Для носителей китайского языка как раз и чуждо восприятие падежа как морфологической категории. Не морфология, а синтаксис важен для понимания смысла китайского высказывания. Падеж в китайском языке нужно рассматривать не как морфологическую категорию, а, вслед за Ч. Филлмором, как «глубинное синтактико-семантическое отношение» [2, с. 158]. Отметим, что рассмотрение падежа как синтаксической категории актуально не только для китайского языка. Отечественный ученый А. М. Пешковский, например, также относил падеж в русском языке к синтаксису [1].

Ма Цзяньчжун интерпретировал падеж, выйдя за рамки морфологии. Предложенную им модель падежных отношений можно рассматривать как предтечу семантического синтаксиса (работа Ма Цзяньчжуна вышла в 1898 г., а труд Ч. Филлмора «Дело о падеже» в 1968 г.).

主次 субъектный падеж и 宾词 объектный падеж у Ма Цзяньчжуна характеризуют отношения имени и глагола. К примеру, у У. Л. Чейфа предлагается более дробная классификация глагольно-именных отношений. Он выделяет: пациент, агент, экспериенцер, бенефициант, инструмент, дополнение, местоположение. Классификация Ма Цзяньчжуна более обобщенного характера: 主次 субъектный падеж включает агента, экспериенцера, бенефицианта, а 宾词 объектный падеж – пациента, инструмент, местоположение, дополнение (заметим, У. Л. Чейф указывает на то, что инструмент в поверхностной структуре отражается как субъект [3, с. 180]), и отмечает: «Категории пациент и агент носят фундаментальный характер, которым не обладают прочие отношения. В каждом предложении присутствует существительное-пациент, или существительное-агент, или оба вместе...» [там же, с. 189]. Действительно, ни одна классификация (И. А. Мельчук и А. А. Холодович, В. Г. Гак, Ю. Д. Апресян и др.) не обходится без выделения субъекта и объекта, различаются классификации дробностью собственно субъектов и объектов и предлагаемой терминологией.

偏次 атрибутивный падеж и 正次 падеж определяемого, а также 同次 сочинительный падеж и 前次 предшествующий падеж характеризуют отношения между существительными / местоимениями (или между группами существительных / местоимений). Они относятся не к глубинной структуре, а к поверхностной, показывают синтаксические отношения между словами в рамках предложения.

Как видим, синтаксические отношения между словами стали основой для определения падежа в первой китайской грамматике. Особенности строя китайского языка заставили автора при разработке своего учения обратиться к синтаксису и полностью отказаться от морфологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

2. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. Вып. III / общ. ред. В. Ю. Розенвейга, В. А. Эвегинцева, Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1999. – С. 127–258.
3. *Чейф У. Л.* Значение и структура языка. – М. : Либроком, 2009. – 424 с.
4. *Якобсон Р. О.* Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – 455 с.
5. 马建忠, 马氏文通 / 马建忠 - 北京 : 商务印书馆, 2010. – 473页.

УДК 811.58

А. П. Кошкин

доцент кафедры второго иностранного языка и китаеведения, проректор по международному сотрудничеству Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета; e-mail: apkosh@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕДУПЛИКАЦИИ НЕКОТОРЫХ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются морфологические, синтаксические и стилистические особенности редупликации таких знаменательных частей речи, как существительные, глаголы, прилагательные. Приведенные примеры отдельных словосочетаний и предложений демонстрируют различия в типах удвоения. Цель работы заключается в анализе направленности, значения, типологии удвоения знаменательных слов.

Ключевые слова: китайский язык; существительные; глаголы; прилагательные; морфологические особенности; редупликация; функционирование; синтаксис.

Koshkin A. P.

Associate Professor of the Department of second foreign language and sinology, Vice-Rector for international cooperation of the Amur State University of Humanities and Pedagogy; e-mail: apkosh@mail.ru

SPECIAL FEATURES OF THE REDUPLICATION OF SOME SIGNIFICANT PARTS OF SPEECH IN CHINESE LANGUAGE

Morphological, syntactic and stylistic features of reduplication of such significant parts of speech, as nouns, verbs and adjectives have been considered. The given examples of phrases and sentences demonstrate differences in types of words' reduplication and their functionality. As a result the orientation, significance, and typology of autosemantic words' reduplication have been highlighted.

Key words: The Chinese language; nouns; verbs; adjectives; morphological features; reduplication; linguistic functioning; syntax.

Китайский язык, обладая ограниченным набором средств выражения грамматических категорий, использует определенные механизмы, компенсирующие недостаток таких средств. К таким компенсационным механизмам относится и редупликация, т. е. удвоение слов, относящихся к различным частям речи. Редупликация является способом образования грамматических форм, передачи новых или измененных грамматических значений. В некоторых случаях удвоение приводит к появлению значения множественности, в отдельных случаях удвоение указывает на кратковременность действия, подчеркивает или

выделяет качество, указывает на повторяемость или периодичность и т. д. Учитывая то обстоятельство, что в китайском языке, где практически единственной, или, во всяком случае, самой распространенной формой словообразования является словосложение, удвоение играет очень важную роль. Рассматривая разнородность повтора основных морфем, можно отметить, что в китайском языке допускается редупликация двух видов: полная и частичная. Полная редупликация подразумевает полный повтор каждой составляющей морфемы, частичный повтор предполагает употребление одной полной (двусоставной) морфемы и одной неполной, при этом неполная морфема содержит лишь один элемент.

В китайском языке удвоение наблюдается как у знаменательных, так и у служебных частей речи. При этом редупликация отдельных частей речи вызывается разными причинами и имеет свои особенности. Так, **редупликация существительных** косвенно указывает на множественное число. В некоторых случаях через редупликацию подчеркивают категоричность суждения, указывают на то, что в осуществлении того или иного действия участвует КАЖДЫЙ субъект. Удвоенные существительные могут выступать в предложении в качестве подлежащего, дополнения, обстоятельства, и хотя удвоение существительных в китайском языке не представляет собой массовое явление, тем не менее, случаи редуплицирования существительных, особенно в устной речи, встречаются довольно часто. Некоторые авторы считают, что удвоение – характерная черта только односложных существительных. Однако в отдельных случаях редупликации могут подвергаться и двусложные существительные. Редуплицированные существительные могут приобретать отдельные черты наречий, указывая на образ или частоту действия, степень и т. д.

Простое удвоение (простой повтор морфем по типу *AA*) – 诗诗、行行、时时、人人、年年、处处、对对、事事 и т. д. [5].

Существительные, редуплицированные по данному принципу, приобретают значение множественности, а также указывают на то, что в том или ином действии (качестве) принимает участие «каждый, всякий»:

我公司的老板年年都到国外去旅游。

Директор (хозяин) нашей компании ежегодно (букв. 'каждый год') выезжает за границу путешествовать.

春节之前家家都包饺子。

Перед Праздником весны в каждой семье лепят пельмени.

人人都会唱国歌。

Все умеют петь гимн.

Как отмечалось, в отдельных случаях возможно удвоение и двусложных существительных, в том числе по принципу *ABB* – 面糊糊、羊羔羔、布兜兜, 山窝窝、山沟沟, 树根根. Примеры удвоения по принципу *ABB* (такие примеры наиболее характерны для устной речи):

我奶奶做的面糊糊太好吃了!

Густой мучной суп (болтушка), приготовленный моей бабушкой очень вкусный!

这个树林没有人去, 太可怕了, 树根根都是歪歪斜斜的。

В этот лес никто не ходит, очень страшно, деревья и ветки там кривые и косые.

Удвоение двусложных существительных допускается и по принципу *AAB*, при этом в отдельных случаях удвоенный элемент представляет собой звукоподражание – имитацию некоего звука, либо имитацию звука с одновременным указанием на действие, которое может совершить данный предмет (жвачка 泡泡糖, при этом 泡 отдельно означает «пузырь», а также имитирует звук лопающегося пузыря – ПАО; электрические машинки, которые в аттракционе бьются друг о друга 碰碰车, при этом 碰 отдельно означает «ударять», а также имитирует звук удара – ПЭН): 某某人、毛毛虫, 窝窝头、拉拉面:

我校的拉拉队是最好的之一。

Группа поддержки из нашей школы является одной из лучших.

孩子要坐碰碰车玩儿一会儿。

Ребенок хочет сесть на электрическую машинку и немного поиграть.

我没想到你有那么好吃的窝窝头!

Я и подумать не мог, что у тебя есть такая вкусная кукурузная пампушка!

Еще одним возможным вариантом удвоения существительных является форма *AABB* – 老老少少、, 山山水水, 枝枝叶叶, 年年岁岁:

我们这里老老少少都知道这个。
 Здесь у нас и стар, и млад все знают это.

年年岁岁花相似, 岁岁年年人不同。
 Как и цветы, люди с годами меняются.

Удвоение существительных, в том числе и по указанной форме, может иметь и некоторые стилистические последствия, указывая на образность, аллегоричность. При этом каждый отдельный составляющий элемент может иметь не просто различный, но и противоположный смысл. Такое удвоенное слово, изначально представленное существительными, может приобрести значение не только существительного, но и прилагательного, а также глагола.

Редулицированное по принципу *AABB* существительное 星星点点 имеет значение «мелочь, мелкая вещь», в то время как значение каждого отдельного составляющего – 星 – «звезда», 点 – «точка»:

李明和张伯是我公司的头头脑脑。
 Ли Мин и Чжан Бо – это мозг нашей компании.

头头脑脑 – *досл.* 'голова + мозг'.

Удвоение китайских глаголов связано с выражением продолжительности (кратковременности) действия, указывает на небольшое количество или малый объем действия. В некоторых случаях удвоенные глаголы передают значение некоторой расслабленности, легкости действия или значение попытки совершения действия [4, с. 64].

Редупликация односложных глаголов происходит по принципу *AA*, при этом кроме грамматических, наблюдаются и фонетические особенности. Так, при таком порядке редупликации, второй, удвоенный компонент, как правило, произносится легким (нулевым) тоном, а в случае, если удваивается глагол этимологического третьего тона, его тон обычно редулицируется и переходит во второй. Кроме формы *AA* односложные глаголы могут также удваиваться по принципу *A — A* с указанием именно на краткость действия. Возможно удвоение по типу *A 了 A* (указывает на некое действие в прошлом). Различие в построении редулицированных глаголов связано с их структурой (табл. 1). Примеры предложений с удвоением по указанным формам:

你最好还是问问她吧。
 Тебе лучше бы спросить ее.

这个问题要考虑考虑。

Этот вопрос еще нужно обдумать.

Рассматривая возможности использования форм удвоенных глаголов в прошедшем времени (*AB* 了 *AB*), большая часть исследователей отмечает, что такая форма невозможна, так как не допускается редупликация двусложных глаголов, указывающих на завершённое действие [10, 页16]. В то же время отдельные ученые полагают, что при определенных обстоятельствах такая форма также возможна. В качестве примера Дин Юншоу приводит:

上个周末, 我打扫了打扫房间。 [9].

Таблица 1

Построение редуплицированных глаголов

Структура глагола	Тип редупликации	Примеры		Форма прошедшего завершённого времени <i>A</i> 了 <i>A</i>
Одно-сложные, тип <i>A</i>	<i>AA</i> или <i>A — A</i>	看	看看 или 看一看	看了看
		问	问问 или 问一问	问了问
Дву-сложные, тип <i>AB</i>	<i>ABAB</i>	打扫	打扫打扫	—
		思考	思考思考	—

Необходимо отметить, что не все глаголы китайского языка подвержены редупликации. Исследователи указывают, что глаголы, отражающие действие, не контролируемое субъектом, т. е. когда некое действие совершается не самим субъектом, а помимо воли субъекта, не удваиваются. Примеры неправильных предложений:

他刚才昏了昏。

У него только что кружилась голова.

他喝醉了醉。

Он опьянел.

Одновременно существуют особенности, связанные с использованием редуплицированных глаголов в зависимости от временной формы глаголы. Так, удваиванию могут подвергаться глаголы, указывающие на постоянное, частое действие, действие, имевшее место в прошлом или действие в ближайшем или отдалённом будущем.

Глаголы, указывающие на действия, происходящие в данный момент, не редуцируются.

Удвоенные глаголы не управляют кратностью (дополнением кратности, обстоятельством кратности), к ним не может быть присоединена результирующая морфема, они не оформляются глагольными суффиксами 过 и 着 (допускается лишь оформление суффиксом 了).

При удвоении двусложных глаголов с отрицанием существует как полная редупликация с внутренним отрицанием, так и неполная, когда повторяется лишь часть глагола. Редупликации по неполному типу могут быть подвергнуты как глаголы действительной сферы (глаголы действия), так и модальные. Неполное удвоение возможно и у отдельных каузативных глаголов, таких как 允许 (允不允许), 帮助 (帮不帮助). Не допускается неполное удвоение двусложных глаголов-связок, таких как 当作 作为 叫做.

Примеры глаголов с внутренним отрицанием – 吸烟不吸烟 (полная), 吸不吸烟 (частичная), 知道不知道 (полная), 知不知道 (частичная):

老师吸不吸烟，这个我不知道。

Я не знаю, курит ли учитель.

你妹妹喜不喜欢花儿？

Твоей младшей сестре нравятся цветы？

При этом отдельные исследователи указывают на то, что все глаголы, удвоенные через отрицание, как односложные, так и двусложные, по полному или неполному типу не представляют собой устойчивые структуры, образуются лишь для выражения вопроса (включая внутренний вопрос в повествовательном предложении) и потому не могут считаться классической формой редупликации. Удвоенные глаголы выполняют ту же роль и несут ту же синтаксическую нагрузку, что и обычные глаголы в аналогичной ситуации, т. е. выполняют функции предиката (сказуемого), а также в отдельных случаях субъекта (подлежащего) и объекта (дополнения) [7, 页55].

Редупликация глаголов, как указывалось ранее, имеет различную направленность и передает различные значения:

1. Для указания на кратковременность действия:

你可以用用我的钢笔。

Ты можешь попользоваться моей ручкой.

2. Для указания на многократность действия:

这个问题，我们讨论了讨论，可是没作出决定。

Этот вопрос мы обсуждали-обсуждали, но так и не приняли решение.

3. Указание на легкость выполнения или расслабленность действия (как бы указывается на некоторую несерьезность совершения действия):

上星期天，我在家看了看录像，听了听音乐，没干什么。

В прошлое воскресенье я дома посмотрел видео, послушал музыку, больше ничего не делал.

4. Редупликация глаголов в предложении с указанием на попытку совершения действия (попробовать что-то сделать):

虽然，我觉得这条裤子有点儿短，不过我试一试。

Хотя мне кажется, что эти брюки коротковаты, но я померю.

Отдельный интерес представляют собой устойчивые глагольные сочетания, такие как *找来找去*, *跑来跑去*, *学来学去*. Отдельные исследователи, указывая на то обстоятельство, что в таких глагольных сочетаниях есть два глагола, но удваивается только один из них, не считают это редуплицированной формой. Однако нам представляется, что в таких словосочетаниях присутствует повторяемость первого глагольного элемента, такие словосочетания указывают на многократность или продолжительность действия, что характерно для редупликации, их можно отнести к удвоенным глаголам с типом образования *ABAC* (или *A* 来 *A* 去).

Пример предложения с таким глагольным сочетанием:

夏天的时候有很多飞来飞去的蚊子，真讨厌。

Летом много комаров, которые летают туда-сюда, прямо ненавижу.

Некоторые прилагательные для акцентирования внимания на усилении качества могут удваиваться, показывая тем самым, что данное качество стало более очевидным, более отчетливым, глубоким, т. е. приобрело некую бóльшую степень [6]. При этом редупликации могут подвергаться только качественные прилагательные (табл. 2). Относительные прилагательные в отличие от качественных прилагательных не допускают удвоения и не употребляются с наречиями степени [1]. Однако в соответствии с языковыми традициями, не все качественные прилагательные могут редуплицироваться. Так, можно

удвоить漂亮 (漂漂亮亮), но нельзя удвоить美丽 (美美丽丽) с тем же значением, можно удвоить老实 (老老实实), но нельзя удвоить诚实 (诚诚实实). В китайском языке существует такое интересное явление, как удвоение односложных прилагательных, выступающих в качестве препозитивного обстоятельства (как правило, обстоятельства образа действия). В этом случае редупликация вызывается скорее стилистической необходимостью. Сдвоенные односложные прилагательные в устной речи часто оформляются эризованной финалью 儿, что, в свою очередь, вызывает некоторые изменения тона.

Удвоенные прилагательные могут выступать в качестве дополнения (необходимо оформление суффиксом 的); препозитивного обстоятельства с обязательным оформлением суффиксом 地; в роли сказуемого (в этом случае также требуется добавить суффикс 的). Некоторые удвоенные прилагательные в отдельных случаях могут выступать в качестве постпозитивных обстоятельств (в этом случае такому постпозитивному обстоятельству также предшествует сказуемое, оформленное суффиксом 得). Абсолютные прилагательные не редуплицируются.

Таблица 2

Образование редулицированных прилагательных

Структура прилагательного	Тип прилагательного	Тип редуликации	Пример
Односложные	<i>A</i>	<i>AA</i>	胖、高 胖胖、高高
Простые двусложные	<i>AB</i>	<i>AABB</i>	痛快、漂亮 痛痛快快、漂漂亮亮
Составные двусложные	<i>AB</i>	<i>ABAB</i>	好看、通红 好看好看、通红通红

В удвоении прилагательных есть особая относительно устойчивая односложно-аффиксальная форма, когда к отдельному односложному прилагательному (тип *A*) добавляется удвоенное прилагательное (тип *BB*). При этом образуется форма удвоения *ABB*, которая чаще всего дополнительно оформляется суффиксом 地. Примеры:

亮晶晶、, 香喷喷、, 绿油油、, 暖洋洋、, 胖乎乎、, 干巴巴、, 气呼呼 и др. [8].

Еще одна особая форма редупликации двусложных прилагательных *A里AB*, когда за первой морфемой следует 里, затем повторяется первая морфема и вторая. Примеры:

娇里娇气、, 小里小气、, 土里土气、, 拉里拉杂、, 慌里慌张 и др. [3].

Кроме того, необходимо иметь ввиду, что ряд прилагательных одновременно имеет некоторые общие с глаголами морфологические свойства. В китайском языке поэтому бывают ситуации, когда одно и то же слово выступает по-разному в зависимости от того, какую часть речи оно представляет в данной ситуации. Это в значительной мере относится и к прилагательным. Так, прилагательные 高兴, 干净 и некоторые другие могут функционировать и как глагол, соответственно удваиваясь, и как прилагательное, и как глагол. В частности, 高高兴兴 как прилагательное, т. е. по типу *AABB*, но 高兴高兴 как глагол, т. е. по типу *ABAB*; 舒舒服服 как прилагательное (по типу *AABB*), но 舒服舒服 как глагол (по типу *ABAB*); 干干净净 как прилагательное (по типу *AABB*), но 干净干净 как глагол (по типу *ABAB*). Необходимо помнить также, что перед удвоенными прилагательными не употребляются наречия степени 最, 很, 十分, 更, 太 и др. [2, с. 41–42]. Например:

你可怜可怜我吧!

Ты пожалей меня! (в данном предложении удвоенное по форме *ABAB* прилагательное 可怜 – жалкий, бедный, фактически превратилось в глагол).

我出门一看, 全都是白白的一片雪。

Я вышел из дома, взглянул, кругом был белый-белый снег.

他总是清清楚楚地回答老师的问题。

Он всегда очень четко отвечает на вопросы учителя.

这时候进来了一位漂漂亮亮的姑娘。

В этот момент вошла красивая девушка.

印度尼西亚共有大大小小一万三千多个岛屿。

В Индонезии всего более 13 тысяч больших и малых островов.

这几天我过得糊里糊涂的。

Эти дни я прожил как в тумане.

Редупликация в китайском языке имеет определенные особенности, связанные, в первую очередь, с морфологией слов. Не каждая часть речи способна к удвоению, но каждая способная к удвоению часть речи имеет определенные, характерные именно для данной части речи отличительные черты. Поэтому корректное речевое использование различных, в том числе удвоенных форм прилагательных, глаголов или существительных является важной проблемой, которую необходимо решать в процессе подготовки специалистов-китаеведов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелов В. И. Грамматика китайского языка: учеб. пособие. – М. : Просвещение, 1974. – 275 с.
2. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». – М. : Просвещение, 1989. – 318 с.
3. Готлиб О. М. Практическая грамматика современного китайского языка: практ. пособие. – М. : Муравей, 2002. – 304 с.
4. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Основы китайского языка Основной курс. – 2-е изд., испр. – М. : Наука, 1993. – 719 с.
5. Кошкин А. П. Элементарная грамматика китайского языка (с пояснениями и упражнениями). Начальный этап: учеб. пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Восточная книга, 2013. – 216 с.
6. HSK语法讲练 (初、中等)。付玉萍、成文、金纪文编著。北京语言大学出版社, 2008 [Упражнение и объяснение грамматики HSK: начальный, средний и другие уровни / сост. Фу Юйпин, Чэн Вэнь, Цзинь Цзинь. – Пекин : Изд-во Пекинского университета языка, 2008].
7. 征服HSK汉语语法。徐昌火编著。北京大学出版社, 2005。[Покорение грамматики китайского языка HSK / сост. Сюй Чанхо. – Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2005].
8. 现代汉语使用语法分析 (上册)。朱庆明编著。北京。清华大学出版社, 2007 [Анализ практической грамматики современного китайского языка / сост. Чжу Цинмин. – Пекин : Изд-во ун-та Цинхуа, 2007. – Т. 1].
9. 对外汉语教学参考/丁永寿。 – 北京语言大学出版社, 2010 [Справочник по грамматике китайского языка как иностранного / под ред. Дин Юншоу. – Пекин : Изд-во университета языка, 2010].
10. 外国人学汉语语法/胡清国。 – 上海: 上海教育出版社, 2009 [Грамматика для иностранцев, изучающих китайский язык / под ред. Ху Цинго. – Шанхай: Шанхайское издательство образования, 2009].

УДК 811. 512.1

Б. Б. Магеррамли

кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник
Института языкознания Академии наук Азербайджана;
e-mail: baba_magerramli@mail.ru

ДРЕВНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ (МЕТАТЕЗА, ЗВУКОВАЯ РЕДУКЦИЯ И ПРОТЕЗА) В ПЕРВИЧНЫХ КОРНЕВЫХ МОРФЕМАХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В тюркских языках древнее словообразование осуществлялось преимущественно фонетическим способом. В данной статье описываются такие первичные словообразовательные способы, как метатеза, звуковая редукция и протеза, которые впервые рассматриваются не как комбинаторные фонетические явления, а как дериватологические явления.

Ключевые слова: тюркские языки; словообразование; корневая морфема; метатеза; редукция; протеза.

Magerramly B. B.

Candidate of Philology, Associate Professor, Academy of Sciences of Azerbaijan National Academy of Sciences of Azerbaijan; e-mail: baba_magerramli@mail.ru

THE ANCIENT WORD-FORMATION METHODS (METATHESIS, SOUND REDUCTION AND PROTHESIS) IN THE PRIMARY ROOT MORPHEMES OF THE TURKIC LANGUAGES

Ancient word-formation in Turkic languages was largely confined the phonetic way. In this paper primary word-formation models have been described, in particular, metathesis, sound reduction and prosthesis. They all are regarded herewith not as combinatorial phonetic phenomena but rather as derivational ones.

Key words: turkic languages; word-formation; the root morpheme; metathesis; reduction; prosthesis.

Словообразование фонологическим путем, нехарактерное для современных тюркских языков, в древний период, напротив, было достаточно активным. В силу ограниченности словообразовательных возможностей языка потребность в образовании новых слов обеспечивалась лишь этим способом. В древних тюркских языках словообразование происходило посредством фонетических изменений, в результате которых произошел переход от аморфного строя к агглютинативному. Таким образом, процесс формирования корневых морфем тюркских языков был обусловлен объективными закономерностями развития фонологическим путем.

На стадии аморфного языка в доаффиксальный период существовало несколько способов фонетического словообразования. В период, когда аффиксы только начали образовываться, доминирующим в языке был фонетический способ словообразования. Исследования показывают, что в древний период в тюркских языках образование новых слов, дериватов осуществлялось за счет развития начальных согласных (анлаута) в начале корней слов или выпадением согласных в начале или конце слов [1, с. 145]. Процесс образования новых слов в результате чередования звуков может помочь исследователям при изучении как истории развития тюркских языков, так и их взаимных связей и взаимных отношений [17, с. 93]. Когда-то именно процесс фонетического чередования в корнях слов привел в большинстве случаев к семантической дифференциации.

Отмечая фонетические способы древнего словообразования в тюркских языках, следует учесть и дериватологическое значение вариативности односложных корневых слов. Фоноварианты и вариативность корневых слов – факторы, давшие толчок семантической дифференциации. Важным условием в этом процессе является разница, наблюдаемая в диалектах. Употребление в разных тюркских диалектах одних и тех же корней слов в разных фоновариантах привело к постепенному отдалению от их первичной семантики. Это, в свою очередь, стало причиной образования корней с новой семантикой.

Наблюдаются случаи, когда чередование одного согласного в корнях односложных слов в тюркских языках привело к образованию новых слов. Например, образование глагольных корней азербайджанского языка *yet-*, *çat-* («дойти, добраться, доходить, достичь»), *yol-* («выдергивать, вырвать, выщипывать»), *çal-* («жечь, рубить, резать, крошить») стало результатом специфического для этого языка чередования *y~ç*.

Другой пример: аналогичная семантика и фонологическое соответствие еще раз подтверждают гомогенность слов *iç-* («пить»), *aş-* («кушать, есть»), *ac-* («проголодаться»), ставшую результатом чередования согласных *ç~ş*, *c~ş*. При этом чередование только одного гласного породило семантическую дифференциацию в корнях слов: *od//ot* («огонь, костер, топка»), *üit-* («зажигать; палить, опалить»). Эти факты свидетельствуют о том, что на стадии аморфности тюркских языков фонетическое словообразование обладало широкими возможностями.

В условиях завершения процесса дифференциации фонем в звуковом составе языка происходили обратные процессы: разного рода чередования порождали лексико-семантические и грамматические (функциональные) изменения. Наблюдения и факты показывают, что в тюркских языках даже фонетические процессы (построение и порядок звуков) не остаются в стороне от словообразования, от процесса формирования лексических и грамматических единиц, что еще раз подтверждается фактами, обнаруженными в результате исследования первичных корней [23, с. 49].

Общепринято, что редукция является одним из древних средств словообразования в тюркских языках. С помощью редукции в этих языках образовались десятки новых корней слов. Указывая на выпадение начального согласного при образовании новых слов, Н. А. Баскаков называл редукцию одним из самых продуктивных способов словообразования в тюркских языках. Тюрколог доказывал значимость данного типа фонетических явлений при формировании тюркских корней слов [1, с. 175]. Рассуждая о том, что редукция носит деривационную функцию, в основном, мы имеем ввиду односложные древние корни слов. Исторически такое явление, как выпадение согласных в начале и конце слова носило комбинаторный характер. Этот факт можно проиллюстрировать на таких примерах из тюркских языков, как *suğ* // *suv*- «вода», *yut*- («глотать»), *uz*- («след»), *yit*- («теряться, исчезать») и т. д. Исследования доказывают, что в тюркских языках звонкие согласные, как в начале, так и в конце слова были подвержены редукции в большей степени, чем глухие согласные. Причина заключалась в том, что в своей фонетической позиции звонкие согласные звучат слабее.

Известно, что йотация в начале слова представляет собой особенность древних тюркских слов. Однако позднее в начале многих древних азербайджанских слов согласный *y* выпал, а в современном турецком языке этот древний фонетический признак сохранился и сегодня. Достаточно сопоставить односложные слова (глаголы) в азербайджанском и турецком языках, чтобы увидеть редукцию начального согласного: турец. *yut*-, азерб. *ud* – «глотать» и т. д. Помимо турецкого языка этот морфологический показатель сохранился и в других тюркских языках. Эти отличительные фонетические особенности – результат индивидуального развития тюркских языков или же показатель древних диалектных различий. В работах по тюркологии

Э. Севортыяна, А. Щербака подробно обсуждалась редукция согласного в начале слова [12; 14]. Н. Баскаков предполагал, что исторически корни типа *СГ* (*согласный* + *гласный*) возникли в результате редукции последнего согласного корней типа *СГС* (*согласный* + *гласный* + *согласный*) или корни типа *ГС* (*гласный* + *согласный*) стали результатом редукции начального согласного в корнях типа *СГС* (*согласный* + *гласный* + *согласный*) [2, с. 61]. Было бы неверным применить это предположение ко всем корням слов типа *ГС* и *СГ*.

Процесс выпадения звуков связан с развитием фонологической системы языка. Однако на начальной стадии языкового развития этот процесс носил и дериватологическую функцию. Факт, что в процессе развития древних корней редукция звуков во многих случаях способствовала процессу образования слов, в азербайджанской лингвистике впервые был отмечен С. Ализаде. Ученый указал, что в некоторых словах, исторически оканчивающихся на согласные *q* и *k*, в результате выпадения звуков сложилось следующее положение:

- в результате выпадения конечного согласного *q*, *k* слова приобрели новую гармонию;
- за счет внутренних закономерностей языка обогатился его словарный фонд и расширились его грамматические возможности.

С. Ализаде утверждал, что в многосложных корнях редукция звуков становится причиной образования слов. Односложные корневые морфемы не являлись объектом анализа в исследованиях С. Ализаде. Указанный автором процесс образования слов путем выпадения звуков в двусложных корнях является поздним процессом [20, с. 27–92]. Для наглядности приведем следующий факт: от слова *yarin* «утро» (*yar* + *in*), которое образовано из морфемы **ya*- «рассветать, блеснуть», в результате последующей редукции согласного *y* из алломорфа *ar* // *ir* // *er* в тюркских языках, образовались слова *erkən*, *ertə* («рано утром, спозаранку») [30, с. 41]. Процесс редукции согласных в корнях слов тесно связан с особенностями фоносемантики тюркских языков – этот процесс относится к языковым универсалиям, т. е. редукция наблюдается во всех языках. При этом следует учитывать и принцип экономии языка, ибо он, в первую очередь, наблюдается в фонологической системе языка. Основатель теории лингвистической экономии А. Мартине считает, что функционированием фонологической системы управляет именно принцип экономии языка [9, с. 16]. В целом, в анлауте (начале слова) корневых слов выпадение

согласного значимо для фонологического развития древних слов. Эта характерная особенность проявляется в фоносемантическом развитии большинства корневых слов. У данного явления есть ряд лингвистических причин. Согласно закону Рамстеда-Пеллио, в алтайских языках некоторые согласные в позиции начала слова подверглись редукции в результате фонетических чередований, например: $p \sim f \sim b \sim w \sim v > h \sim x \sim g \sim \gamma \sim q > 0$ [2].

Одним из показателей морфологического развития тюркских слов к двусложной структуре является наблюдаемый позднее процесс звуковой редукции в односложных и двусложных корнях, например: *tariġ – tari // dari* «зерно», *kuyuġ – quyu* «яма, колодец», *suw – su* «вода», *tiriġ – tiri* «живой» и т. д. В некоторых случаях этот процесс способствовал образованию новых слов. Исторически в корневых словах тюркских языков происходил процесс перехода открытых слогов в закрытые слоги и одновременно закрытых слогов в открытые. Это явление также относится к числу закономерных языковых явлений, наблюдаемых в тюркских языках. С другой стороны, в тюркских языках эти фонологические явления несут словообразовательную функцию и способствуют образованию новых корней.

Известная ларингальная теория, связанная с развитием первых согласных звуков в индоевропейских языках, также подтверждает редукцию согласных в первичных корневых словах. В тюркских языках у ряда слов, начинающихся с гласного, есть и варианты, начинающиеся с согласных *q*, *k*, *x*, *h*. Несмотря на то, что среди этих слов есть и такие, варианты которых семантически и грамматически различаются, нет сомнения, что они развились из одного семантического гнезда. Наблюдаемое в тюркских языках семантическое дифференцирование указывает на то, что редукция является деривационным процессом, например: *aş-* «кушать» (*-aş // -kaş* «суп»), *uç-* «летать» (*quş* «птица») [15, с. 24]. Сравним: в тюркских языках – *kuş // quş*, в шумерском языке – *us* «домашний гусь, утка» [23, с. 7]. Впервые в тюркологии на необходимость изучения в этимологических исследованиях явления выпадения звуков указал Г. Вамбери. В своем словаре он представил корни слов в форме фоновариантов. Эти фоноварианты позволяют проследить процесс образования новых слов из односложных корней путем редукции. Например, Г. Вамбери считает, что в тюркских языках корни *as // kas // kaz // kar* сыграли фундаментальную роль в образовании разных слов. Он указывает на гомогенность уйгурского

asik- «царапать» и чагатайского *es-* «рыть» слов с чагатайским *kasi-* «царапать» и якутским *kas-* «рыть» корнями». Г. Вамбери считает *k* начальным анлаутом и указывает на дальнейшее выпадение гуттурального согласного *k* [30, с. 22]. Очевидно, что в тюркологических исследованиях, также как и в индоевропейском языкознании, доказывалась препозиция заднерядных согласных. Предположения о том, что закрытые слоги возникли раньше вариантов, начинающихся с гласного, были высказаны 100 лет назад.

В современных тюркских языках есть протетические звуки. Эти звуки можно видеть, сравнивая одинаковые корни слов разных тюркских языков. Если в современную эпоху развитие вторичных гласных в начале слов (протезу) классифицировать как явление комбинаторного характера, то, углубляясь в историю языка, можно утверждать, что звуковая протеза создавала условия для формирования новых слов.

В первичных корнях протетические звуки стали причиной фоносемантической дифференциации и ускорили образование слов фонологическим способом. Исторически в односложных корневых словах протеза была одним из способов образования новых корней. Этот факт можно наблюдать при сравнении тюркских глагольных корней *ax-* // *ak-* «течь, литься» и *yağ-* «лить». В глаголе *yağ-* наблюдается некоторое отдаление от семантики глагола *ax-* // *ak-*. Если в глаголе *yağ-* начальная семантика и утрачена, то в корне, образованном формой *yağ-*, широкая семантика несколько ограничена, сужена. При этом в указанных корнях семантическая близость сохранена, пусть даже и относительно. Если принять во внимание древний вариант *aq-* // *ak-* глагола *ax-* [3, с. 48], то можно предположить, что слово образовалось с помощью метатезы из древнего корня **ka* «вода». В современном турецком и туркменском языках этот корень представлен в варианте *ak-*. Глагол *ax-* в азербайджанском языке отражает рефлекс *k* // *x*. Н. А. Баскаков указывает на то, что редукция *y* в корнях глаголов *aq-* и *yaq* ~ *yaγ* ~ *yaw* «лить (о дожде)» стала причиной образования слов. Он считает *y* начальным анлаутом [1, с. 175]. Однако наши исследования демонстрируют противоположное. Мы считаем, что глагол *yağ-* // *yak-* «лить (о дожде)» образовался от корня *ak-* // *ka* «вода» с помощью протетического звука *y*.

Е. Кажибеков также говорит о гомогенности глаголов *yağ-* и *ax-* // *ak-*. Он сравнивает именные и глагольные корреляты корня *aq-* «течь» с корнем **ka* // **ku* «вода, литься» в семито-хамитских языках [4, с. 131]. Отметим, что в настоящее время в разных языках

существует корень *ka // ku* в значении «вода». В результате метатезы в этом древнем ностратическом корне как в разносистемных языках, так и в тюркских языках, сформировался корень *ak- // aq- // ax-* «течь, литься». Приведем аналогичное сравнение: в тюркских языках *quy-* «лить, наливать» – *quy-* «колодец, русло реки» > **ku // *qu* «вода» [4, с. 251]. Следовательно, глагол *yağ-* «лить (о дожде)» образовался при помощи развития вторичного звука *y* в начале глагола *aq- // ak- // ax-*. Сравним: в маньчжурских языках *aqa* «дождь» [13, с. 20], хеттском языке *eku* «пить» [7, с. 79], в ассурийском *agu* «поток воды» [29, с. 157], в протогерманских **agra* «половодье» [26, с. 5]. Следует отметить, что исторически глагольный корень в тюркских языках был многофункциональным и многозначным. Многофункциональность и полисинтетичность были одними из характерных особенностей первичных слов, корневых морфем. Наличие в семантике слов «литься, течь» [23, с. 28] понятия *su* «вода» доказывает аналогию с древнешумерским глаголом *šu-* «лить, течь» и турецким *su* «вода».

В следующих тюркских корнях *oq* «род, поколение», *doğ-* «родить, размножаться», *tox* «семья» можно наблюдать причину появления новых слов с помощью протетического звука. Если принять во внимание рефлекс начального согласного в анлауте односложных корней разных языков, то в этих случаях происходит образование нового слова в результате протезы. Например, слово *qar // kar* «снег» в одном из древних тюркских языков, а именно в чувашском, представлено в форме *xur*. Параллель этого слова в марийском языке употребляется в форме *yur* «дождь» [14, с. 168]. Очевидно, что эти слова образовались из первичного корня **ar* «вода», а затем путем звуковой протезы превратились в новое слово.

В целом, вне зависимости от типологии языков для выработки подхода к проблеме формирования корневых слов в разносистемных языках следует разобраться и в других научных доводах, относящихся к различающимся языкам. Для сравнения отметим, что исторически в семитских языках процесс образования слов с помощью метатезы был весьма активным. С. С. Майзель указывал, что процессы метатезы и аллотезы в семитских языках были продуктивными с точки зрения образования новых слов в то время, когда в тех языках еще не было аффиксов [6, с. 24]. Современная лингвистическая наука подходит к этому явлению как к комбинаторно характерному явлению.

Г. Казымов особо отмечал, что метатеза была причиной образования семантических вариантов слов. Так, например, он указывает, что

в результате метатезы шумерское слово *lu* «народ» перешло в тюркское слово *el* «племя» [24, с. 41]. Данное слово употребляется в арабском языке в варианте *al* «семья». Действительно, если привлечь к сравнению шумерские слова и тюркские корни слов, то можно утверждать, что метатеза была основным направлением при образовании древних тюркских слов. В раскрытии этимологии тюркских языков языковые факты шумерского языка играют большую роль. Сравнивая лексические параллели в тюркских и шумерском языках, мы можем наблюдать подверженность метатезе большинства корневых слов и видеть, как в результате данного процесса образовывались слова. На основе богатого фактического материала М. Эрдал характеризует метатезу как фонологическое явление, широко распространенное в древнетюркском языке [19, с. 114].

Приведем другое сравнение: в некоторых тюркских языках (каракалпакском, алтайском) *uk-* употребляется в значении «слышать» [1, с. 151]. Приведем аналогичные факты: *kul-* «слышать» – в финно-угорских [30, с. 45]; *kui* «ухо» – в корейском [11, с. 43], *gu* «звук» – в шумерском [23, с. 11]. Следовательно, слово *qulaq* «ухо» в тюркских языках образовалось как *qu + l + aq*. В данном примере наблюдается асемантизация корневой морфемы **ku // *qu* «звук». Вывод сделан на основании того, что в памятниках письменности слово употреблялось в значении «звук». Таким образом, тюркский глагол *uk- // uq-* «слышать» образовался в результате метатезы корня **ku* «звук».

Исследования показывают, что, в сущности, метатеза была одним из самых древних способов образования слов. Хотя метатеза и была фонетическим явлением комбинаторного характера, в древних тюркских языках она проявила себя как весьма активный деривационный процесс. Следы этого явления можно обнаружить, сравнивая аналогичные факты тюркских языков. Например, одну из древних и ностратических по происхождению морфем *od* «очаг» в языке желтых уйгуров встречаем в варианте *to* «огонь». Однако С. Малов считает, что данная морфема имеет китайское происхождение [8, с. 119]. Считаем, что это вариант древней корневой морфемы, подвергшейся метатезе в китайском языке.

Проведенные нами исследования показывают, что в корневых словах метатеза оказала большое влияние на процесс образования слов. В качестве примера можно привести шумерское слово *su // zu* в значении «мудрый, понять, понимать» [23, с. 17]. Исторически в шумерском

языке это слово было синкретическим корнем. В тюркских словах оно подверглось метатезе: тюркское *uslu-* обозначало «умный». В тюркских языках *su // suq // suv* употребляется в значении «вода». Наличие в азербайджанском языке слова *usda-* в значении «испытывать жажду» указывает на то, что в древности это слово подверглось процессу метатезы. В древнетюркских письменных источниках имелись слова с анлаутом *us*. В древних памятниках тюркской письменности употреблялся глагол *usu-* «пить» [27, с. 37]. Также в письменных памятниках слово *usağ* передавало значение «без воды», а *usmak-* встречается в значении «испытывать жажду» [28, с. 470]. В Средние века в хакасской письменности XI в. слово *usuk* употреблялось в значении «испытывать жажду»: *er usukti* «мужчина испытал жажду» [18, с. 245]. В корне азербайджанского слова *islanmaq // islanmaq* «промокнуть» также стоит морфема **is* «вода». Сравним: в монгольских языках есть корень *us // usun* «вода». В турецком разговорном языке также имеется вариант *usu* «вода» [22, с. 972]. В древнем языке урарту слово *isina* обозначало «канал; всякая оросительная система, наполненная водой» [10, с. 149]. Следовательно, в результате чередования *i~u* сформировался корень *is // us*. В шумерском языке слово *suq* употреблялось в значении «озеро» [23, с. 27]. В древнем японском языке слово *susuk* зафиксировано в значении «стирать»; в индонезийском языке *susuk* является обозначением канала [13, с. 24]. В диалектах азербайджанского языка есть вариант *ussu* «вода». В уйгурских диалектах употребляют глагол *usa-* // *usu-* в значении «испытывать жажду» [12, с. 149].

В глаголе *islan-* «быть влажным» морфема *is* также подтверждает роль древней метатезы в образовании слов, т. е. с помощью переходов *is // is // si // su* образуются варианты одного и того же корня и, как результат, алломорфы. Есть и другие предположения о происхождении этого корня. Например, Г. Багиров связывает этот корень с корнем *is // is* «запах, аромат» [16, с. 117]. В уральских языках *is* обозначает «запах», венгерское *iz* употребляется в значении «вкус, наслаждение» [5, с. 109]. Однако данная гипотеза в семантике слова в полной мере не отражается. Следовательно, здесь необходимо соблюдать семантический принцип. Поскольку глагол *islan-* напрямую связан с семантикой слова *su* «вода», то нам представляется абсурдным связывать его происхождение с корнем *is* в значении «запах».

В эпосе «*Китаби деде Коркут*» в значении «нюхать, любить» употреблен глагол *yilä-* [25, с. 110]. В корне этого слова обнаруживается

след от корня *iy-* «запах». Следовательно, исторически в результате метатезы *iy – yi* сформировался корень *yi (+lə)* в значении «*yala-* целовать». Есть предположение, что азербайджанский глагол *yala-* «лизать» происходит от этого корня.

В заключение следует отметить, что в древний период развития языка с помощью процессов метатезы, звуковой редукции и протезы сформировались десятки новых корней слов. Если современное языкознание относит эти процессы к фонетическим явлениям, то с точки зрения диахронии они оцениваются и как способы образования слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. – М.: Наука, 1979. – 270 с.
2. *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая фонология тюркских языков. – М.: Наука, 1989. – 208 с.
3. Древнетюркский словарь / сост. В.М.Наделяев, Д.М.Насилов, Э.Р.Тенишев, А.М.Щербак, Т.А.Боровкова, Л.В.Дмитриева, А.А.Зырин, И.В.Кормушин, Н.И.Летягина, Л.Ю.Тугушева. – Л.: Наука, 1969. – 677 с.
4. *Кажибеков З.Е.* Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 272 с.
5. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – 386 с.
6. *Майзель С.С.* Пути развития корневого фонда семитских языков. – М.: Наука, 1983. – 308 с.
7. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики виндоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М.: Владос, 1996. – 416 с.
8. *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1957. – 197 с.
9. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 261 с.
10. *Мещанинов И.И.* Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. – Л.: Наука, 1978. – 388 с.
11. *Рамстедт Г.И.* Грамматика корейского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1951. – 232 с.
12. *Севортян Э.В.* О случаях падения начальных согласных в тюркских языках // *Turcologica*: сборник. – Л.: Наука, 1976. – С. 148–155.
13. *Сыромятников Н.А.* Древнеяпонский язык. – М.: Восточная литература, 2002. – 176 с.

14. *Щербак А.* Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – 203 с.
15. *Ağasioğlu F.* Proto – türk dialektləri larinqal nəzəriyyə işığında // *Azərbaycan xalqı*. – Bakı: Çıraq, 2005. – S. 213–216.
16. *Bağirov Q.* Azərbaycan dilində feillərin leksik – semantik inkişafı. – Bakı: Maarif, 1971. – 160 s.
17. *Cəfərov S.* Azərbaycan dilində söz yaradıcılığı. – Bakı: ADU nəşriyyatı, 1960. – 203 s.
18. *Clauson G.S.* An Etymological Dictionary of Pre – Thirteenth – Century Turkish. – Oxford: At The Clarendon Press, 1972. – 989 p.
19. *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. – Leiden: Brill, 2004. – 575 p.
20. *Əlizadə S.* Azərbaycan sözlərinin sonundan samitlərin düşməsinə dair // *ADU-nun Elmi Əsərləri. Dil və Ədəbiyyat seriyası*. – 1970. – № 2. – S. 26–29.
21. *Əlizadə S.* Türk dillərində ilkin köklər və onların derivatları // *Türk dillərinin leksik – morfoloji quruluşu*. – Bakı: ADU nəşriyyatı, 1981. – S. 47–50.
22. *Gülensoy T.* Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi. 2 Cilt Takım. – Ankara: TDK Yayınları, 2000. – 596 s.
23. *Halloran A.J.* Sumerian Lexicon. – 1999. Version 3.0: 159 p. – URL: // <http://www.sumerian.org/sumerian.htm>.
24. *Kazımov Q.* Azərbaycan dilinin tarixi. – Bakı: Təhsil, 2003. – 583 s.
25. «*Kitabi-Dədə Qorqud*» un izahlı lüğəti. – Bakı: Elm, 1999. – 203 s.
26. *Kroonen G.* Etymological Dictionary of Proto – Germanic. – Leiden – Boston: Brill, 2013. – 794 p.
27. *Qədim türk abidələri sözlüyü*. – Bakı: Azərbaycan Dövlət Pedaqoji İnstitutu, 1992. – 127 s.
28. *Rəcəbli, Ə.* Qədim türk yazısı abidələri. – Bakı: Elm və təhsil, 2009. – 500 s.
29. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. – USA: Chicago Oriental Institute, 1964. – 392 p.
30. *Vambery H.* Etymologisches wörterbuch der turko – tatarischen sprachen. Ein Versuch. – Leipzig: F.A. Brochhaus, 1878. – 228 p.

УДК 811.161.2'373

О. В. Семенюк (Кирилюк)

аспирант кафедры украинского языка им. проф. К. Ф. Шульжука Ровенского государственного гуманитарного университета; e-mail: yes-olga@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЕСТРА АВТОРСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ ПАВЛА ТЫЧИНЫ

В статье проанализированы принципы, которые использовались в процессе формирования реестра «Словаря авторских лексических новообразований Павла Тычины»: лексикографический (проверка по словарям, фольклорным текстам, произведениям других авторов), интертекстуальный (анализ инноваций поэта в литературном, политическом, общественном контекстах), компаративный (сопоставление с новообразованиями других поэтов).

Ключевые слова: авторское лексическое новообразование; интертекстуальный принцип; лексикографический принцип; компаративный принцип; Павел Тычина; принципы формирования реестра.

Semeniuk (Kyryliuk) O. V.

Post-Graduate Student, RSUH; e-mail: yes-olga@mail.ru

ON PRINCIPLES OF THE PAVLO TYCHYNA GLOSSARY FORMATION

Basic principles used in the process of register forming of «Dictionary of author lexical new-formations of Pavlo Tychyna» have been scrutinized, in particular, the lexicographical principle (surveying dictionaries, folklore as well as works of other authors), the intertextual principle (analyzing the poetic innovations in literary, political, social and other contexts), the comparative principle (comparison with neologisms of other poets)

Key words: author lexical new-formation; Pavlo Tychyna; principles of registry forming; intertextual principle; lexicographic principle; comparative principle.

Процесс формирования реестров авторских лексических новообразований – это сложная многоуровневая процедура, которая предусматривает разносторонний анализ единиц индивидуально-авторской номинации, поскольку, кроме собственно языкового анализа (деривационные, грамматические особенности, семантика, словарная экспертиза), составителю нужно учитывать историко-культурный контекст, психолингвистические черты личности автора, социальные условия.

Одним из самых активных словотворцев XX в. был Павел Тычина. Исследованием инноваций этого поэта занимались В. А. Шадура,

Г. М. Колесник, Г. Н. Вокальчук, О. Б. Тимочко, О. В. Кирилюк. В 1971 г. был опубликован словарь авторских лексических новообразований П. Тычины «З'являються нові слова у мові» Г. М. Колесника, в котором зафиксировано 637 новообразований [12]. Всего составителем обработано 20 первоисточников. В общий реестр введены авторские лексические новообразования не только из оригинальных произведений П. Тычины, но и из его поэтических переводов произведений мировой литературы, публицистических, литературно-критических статей и прозаических художественных текстов.

Появление 12-томного издания произведений поэта вызвало потребность по-новому взглянуть на словообразовательную практику П. Тычины, поскольку оказалось, что не все авторские лексические новообразования зафиксированы в предыдущем издании. Была предпринята еще одна попытка анализа поэтических текстов автора. Результатом работы стал вышедший в 2011 г. наиболее полный словарь О. В. Кирилюк «Словник авторських лексичних новотворів Павла Тичини» на 1097 единиц [11, с. 181–263]. При составлении указанного словаря авторы применили к своему материалу теоретические основы, взятые из краткого словаря Г. М. Вокальчук и А. И. Браун «Короткий словник авторських лексичних новотворів Миколи Вінграновського» [5], в котором нашли отражение основные принципы формирования реестра новообразований (лексикографический, интертекстуальный и компаративный) – для того, чтобы максимально очистить реестр инноваций поэта от узувальных, народнопоэтических, диалектных слов.

Авторские лексические новообразования (АЛН) неоднократно становились объектом лингвистических исследований. С начала XXI в. в украинской лингвистике активизировались исследования по индивидуально-авторской неологии и неографии. Исследовательница Г. Н. Вокальчук разработала теоретические основы формирования реестров, на основе которых составила «Короткий словник авторських неологізмів в українській поезії XX століття» [2], словари АЛН М. Семенка (Г. Н. Вокальчук) [4], В. Барки (Н. А. Адах) [1], неоклассиков (Н. В. Гаврилюк) [6], шестидесятников (Г. Н. Вокальчук, О. Б. Тимочко, И. В. Цапук) [5; 20; 24], поэтов Ровенщины (В. В. Максимчук) [12], П. Тычины (О. В. Кирилюк) [11].

Цель статьи – проанализировать принципы формирования реестра АЛН П. Тычины.

Поставленная цель требует выполнения следующих задач:

- определить особенности использования лексикографического принципа: проверка инноваций по общеязыковым словарям, словарям АЛН других поэтов, фольклорным текстам;
- проанализировать интертекстуальные связи инноваций П. Тычины с произведениями других авторов, литературным процессом XX в., политическими условиями;
- выяснить специфику применения компаративного принципа формирования реестра АЛН поэта.

Лексикографическая экспертиза. В процессе формирования реестра АЛН П. Тычины возникали трудности различного характера (определение даты написания, грамматических характеристик описываемого слова и др.). Однако наибольшего внимания требовало определение неологичности / узуальности рассматриваемого слова, поэтому тщательная проверка проводилась с помощью лексикографической экспертизы (всего использовано 46 словарей).

В исследовании Г. Н. Вокальчук выделено несколько критериев идентификации авторских номинаций (лексикографический, словообразовательный, экспрессивно-стилистический, функциональный и критерий контекстуальной (ситуативной) прикрипленности), благодаря чему реестры новообразований подвергались неоднократной проверке, что в свою очередь способствует качеству конечных результатов [3, с. 74–77].

Первый этап проверки сформированного реестра – лексикографическая экспертиза. Зафиксированные единицы индивидуально-авторской номинации проверяются по всем возможным словарям. Заметим, что с каждым последующим выпуском серии «Украинская индивидуально-авторская неография» экспертиза осложняется, поскольку все больше лексикографических источников обрабатывается составителями. Особое внимание обращается на те лексикографические работы, которые составлены во время написания АЛН [19; 25], заключены в период творчества поэта [22], кроме толкования содержат иллюстративный материал [19], являются словарями АЛН [1; 6; 13; 20].

Формируя реестр, часть слов, которые получили, так сказать, статус «квазиновообразований», изъята, поскольку они, хотя и были зафиксированы в словаре Г. М. Колесника, однако в то же время присутствовали в общеязыковых словарях, находившихся в научном обороте в период составления первого словаря неологичной

лексики П. Тычины. Например, в словаре Д. Яворницького – *вихровик* [25, с. 104], *зчеркнути* [там же, с. 317], *зливний* [там же, с. 301], *кружно* [там же, с. 397], а у Б. Гринченко – *клін* [18, т. 2, с. 251], *нашелестіти* [там же, с. 534]. Таким образом, использование словарей, изданных еще до момента образования АЛН поэтом, помогает составителю тщательно осуществлять проверку.

Так, словарную статью *Час-годи́на, ім., ж. р., Зостається нам одно: / Почекати час-годину, / Як приїде цар в гостину* [21, т. 5, с. 69], *Ех, у нашу час-годину / жити б вічно...* [21, т. 6, с. 386] изъяли, поскольку реестровое слово зафиксировано в фольклорных текстах:

Прийшло врем'я, *час-година...* [10, с. 487];

Ой чи йти, чи не йти, / *Час-години* ждати [10, с. 487].

Сначала как узуальное фиксировалось причастие *взелений* (*Взелéнений, дієприкм., Чудесна наша країна: колосом взолочена, лісами взеленена* [11, с. 101]; *Дорога узеленена, / і сонце навкруги...* [21, т. 3, с. 320]; зафиксировано в [12, с. 101], поскольку не был зарегистрирован в тогдашних словарях (например: [22]). Впоследствии АЛН вошел в состав укр. лит. языка [23, с. 88]), однако позже было изъято, поскольку есть в словотворчестве М. Рыльского, у которого датируется 1960 г.

Некоторые инновации сначала внесли в «обновленный» реестр АЛН П. Тычины, поскольку они фиксировались словарем Г. М. Колесника. Однако оказалось, что эти неологизмы из прозаических текстов, поэтому не могут регистрироваться в словаре АЛН, например, *вічноплінний, джурчати-сплакнутити, назéмно, напружено-тривоожний, ніжно-прозоро, предівно-неосяжний, руйнацький*.

Потребность использования лексикографической экспертизы вызвана несколькими факторами:

- зафиксированная номинация неизвестна составителю, поэтому слово может ошибочно быть внесенным в реестр;
- проживание составителя или автора АЛН на разных территориях (потребность использовать диалектические словари);
- определение первоавторства с помощью словарей, где представлен иллюстративный материал; образования АЛН с помощью языковых средств других языков стало причиной использования словарей иностранных слов;
- современные словари, состав которых постоянно обновляется, позволяют определить, вошел ли АЛН в состав узуальной лексики.

Интертекстуальная экспертиза. По современным литературоведческим словарям интертекстуальность – это «метод прочтения одного текста через другой, что позволяет осветить общие текстуальные и идеологические резонансы; это признание, что все тексты и идеи существуют в сети отношений» [8, с. 171].

М. Бахтин отмечает, что «каждое явление культуры является конкретно-семантическим, т. е. занимает существенную позицию по заранее найденной им действительности других культурных установок и тем, присоединяется к заданному единству культур»¹. В. А. Просалова вслед за М. Бахтиным отмечает, что «писатель имеет дело не просто с реальностью, а с уже оцененной художественной реальностью предшествующей и современной литературы» [16, с. 29]. Интертекстуальная экспертиза реестра АЛН П. Тычины использована и в процессе проверки нелогичности / узуальности единиц индивидуально-авторской номинации.

В словаре «Словник авторських лексичних новотворів Павла Тычини» [11] кроме новообразований из авторских стихов введены и те, что зафиксированы в переводах произведений других литератур. Например, среди переводов встречаются и произведения А. Пушкина, в частности его «Сказка о царе Салтане». В своем переводе П. Тычина использовал новообразование *Бабариха-сваха*. Чтобы объяснить причину создания такого слова, мы сравнили текст-оригинал и текст-перевод:

Бабариха-сваха, ім., ж. р., Куховарка ж, ткаля-пряха, / А ще й Бабариха-сваха / Хочуть смерті їй [21, т. 5, с. 27];

А ткачиха с поварихой, / С сватьей бабой Бабарихой / Извести ее хотят [17].

Так, использование АЛН на месте узуального в переводе вызвано потребностью ритмомелодики текста, также наблюдается компрессия выражения, при этом значение номинации не изменилось.

Нередко анализ АЛН П. Тычины позволяет установить связи с произведениями других авторов, т. е. постижение одного текста через другой или раскрытие личности автора через интерпретацию его сочинений другим, например:

Горлань-главар, ім., ч. р., Учителем поетам молодим / є сміливий, правдивий, найживіший, / горлань-главар, наш Маяковський! [21, т. 3, с. 27].

¹Цит по: [15, с. 46].

Слушайте, / товарищи потомки, / агитатора, / горлана-главаря [14].

Отметим, что В. Маяковский был одним из самых любимых поэтов П. Тычины.

Отдельные АЛН своим значением сигнализируют о связи с определенной эпохой, например словарная статья:

Стаління, ім., с. р., Нехай ще вище йде вона / Знанням / Загостеренням / Сталінням [21, т. 1, с. 226].

Здесь двойное сходство, о котором уже говорилось, «обуславливает необходимость соотнесения художественного текста с отдельным этапом истории, со всем мирозданием» [16, с. 29]. Таким образом, формирование реестров АЛН предусматривает использование интертекстуальной экспертизы, которая помогает определить дополнительные связи для понимания значения единиц индивидуально-авторской номинации.

Компаративный принцип формирования реестра АЛН П. Тычины. Проблема сравнения и сопоставления явлений и процессов давно интересует ученых, поэтому компаративистика призвана определить особенности процесса взаимосвязи анализируемых явлений, установить их сходство на основе сравнительно-исторического подхода, поскольку «между накопленным и живым знанием существует противоречие, решить которое призвана творческая деятельность» [7, с. 128].

Зафиксированные АЛН П. Тычины неоднократно сравнивались с другими инновациями автора или такими же, но в разных контекстах:

Ясно́мóвен, прикм., кор. ф., І ми /.../ єдину творимо сім'ю / прекрасні, дужі, ясномовні / в своїм улюбленім краю [21, т. 2, с. 479].

Мир – кому ж не ясномовен? [21, т. 3, с. 7].

В случае, когда обе номинации имеют одинаковое значение, они размещаются в хронологической последовательности.

Индивидуально-авторские номинации Павла Тычины сравнивались с АЛН других авторов. В частности, с инновациями А. Малышка (*бездорож, безхліб'яний, врожайстий, гримкотіти, перегрім, стосил*), В. Барки (*вогнекрилля, дітозгубник, окрилитися, зоренітися, крилля, перезорити, пожежно, полум'яник, стокрилець, цвіт-фіолет*), И. Драча (*гримкотати, ніжнотонний, чорнобров'я, чорнокрилля*), М. Семенка (*крилля, легкокрилля, мільйонсилій*), М. Винграновского (*прозорити, світ-сміховиння, тонь*), одиночными АЛН И. Калинца (*аркодужний*), Г. Коляды (*звіринство*) и др.

Больше инноваций П. Тычины сравнивается с АЛН В. Барки, который считается активным словотворцем XX в. Отметим, что фиксация одинаковых нообразований у разных авторов не всегда означает, что авторы позаимствовали друг у друга инновации, так как процесс словообразования в этом случае мог происходить независимо.

АЛН П. Тычины также сравнивались с узуальными словами. Например, была зафиксирована группа потенциальных слов-модификаций узуальных лексем и им подобных для того, чтобы выяснить особенности создания АЛН П. Тычины:

Волосожарно, присл., Сню волосожарно... [21, т. 1, с. 47]; пор. з узуальним волосожар [18, т. 1, с. 251].

Иногда АЛН сравнивается с несколькими вариантами:

Сухозлот (-а), ім., ч. р.?, ж. р.?, ...книжні сухозлоти / від сонця стали на полиці грать [21, т. 2, с. 459]; пор. з узуальними сухозлітка [19, т. 9, с. 868], сухозлотиця [23, с. 833].

Таким образом, сравнение АЛН П. Тычины с новообразованиями других авторов или с узуальными словами помогает определить происхождение слов, их строение, причины создания. Наличие одинаковых инноваций в поэзии разных авторов указывает на активизацию словообразовательной деятельности писателей в украинской литературе XX столетия и позволяет решить сложную лингвистическую проблему – определение автора наименования.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Авторські лексичні новотвори Василя Барки: (семантико-дериваційний та лексикографічний аспекти) / ред. Г. М. Вокальчук. – Рівне : Видавництво Олега Зеня, 2007. – 136 с.*
2. *Вокальчук Г. М. Авторський неологізм в українській поезії ХХ століття (лексикографічний аспект): монографія / за ред. А. П. Грищенка. – Рівне : Науково-видавничий центр «Перспектива», 2004. – 524 с.*
3. *Вокальчук Г. М. Словотворчість українських поетів ХХ століття: монографія. – Острог: Національний університет «Острозька академія», 2008. – 536 с.*
4. *Вокальчук Г. М. Я – беззразковості поет (словотворчість Михайля Семенка): монографія. – Рівне : Перспектива, 2006. – 201 с.*
5. *Вокальчук Г. М., Браун А. І. Короткий словник авторських лексичних новотворів Миколи Вінграновського // Словотворчість шістдесятників. Ліна Костенко. Микола Вінграновський: збірник наукових праць /*

- відп. ред. Г. М. Вокальчук. – Острог : Видавництво НаУ «Острозька академія», 2010. – С. 121–138. – (Лексикографічна серія «Українська індивідуально-авторська неографія». Вип. 3).
6. *Гаврилюк Н. В.* Київські неокласики: словотворчість / відп. ред. Г. М. Вокальчук. – Острог: Видавництво НаУ «Острозька академія», 2009. – 216 с. – (Лексикографічна серія «Українська індивідуально-авторська неографія». Вип. 2).
 7. *Губенко О. В.* Творче мислення особистості як єдність статичних та динамічних аспектів інтелектуальної активності // *Психологія і суспільство*. – 2012. – № 1. – С. 127–134.
 8. *Енциклопедія постмодернізму* / за ред. Ч. Вінквіста та В. Тейлора; пер. з англ. В. Шовкун; наук. ред. пер. О. Шевченко. – Київ: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2003. – 503 с.
 9. *Загребельний П.* Непреложними устами (Павло Тичина). Кларнети ніжності / Павло Загребельний // *Непреложними устами: статті, есе, нариси*. – Київ: Рад. письменник, 1981. – С. 5–47.
 10. *Історичні пісні* / упоряд.: І. П. Березовський, М. С. Родіна, В. Г. Хоменко; нотний матеріал упоряд. А. І. Гуменюк, за ред. М. Т. Рильського, К. Г. Гуслистого. – Київ: АН УРСР, 1961. – 1068 с.
 11. *Кирилюк О. В.* Словник авторських лексичних новотворів Павла Тичини / за ред. С. Я. Єрмоленко, Г. М. Вокальчук // *Мовотворчість Павла Тичини у дзеркалі третього тисячоліття: збірник наукових праць* / відп. ред. Г. М. Вокальчук. – Острог: НаУ «Острозька академія», 2011. – С. 181–263. – (Лексикографічна серія «Українська індивідуально-авторська неографія». Вип. 5).
 12. *Колесник Г. М.* «З'являються нові слова у мові» // *Тичина П. Квітни, мово наша рідна!* – Київ, 1971. – С. 95–171.
 13. *Максимчук В. В.* Короткий словник авторських лексичних новотворів поетів Рівненщини // *Проблеми й перспективи авторської лексикографії. «Регіональний» словник поетичних неолексем (Рівненщина)* / відп. ред. Г. М. Вокальчук. – вид. 2-е, випр. і доп. – Острог: Видавництво НаУ «Острозька академія», 2008. – С. 65–179. – (Лексикографічна серія «Українська індивідуально-авторська неографія». Вип. 1).
 14. *Маяковський, В.* У весь голос. – URL : <http://lib.ru>.

УДК 8

И. В. Шаравьёва

ст. преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: nevergiveup81@mail.ru

МОНАДНО-МОДУСНАЯ МОДЕЛЬ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В статье рассматривается вопрос о возможности выявления на уровне письменного знака конститутивных единиц – графомонад и модусов как правил порождения новых знаков – в идеографической письменности, в частности в китайском языке. Графомонада понимается как минимальная значимая единица структуры языка, обладающая модусной валентностью и порождающая множество новых знаков. Монады представляют собой определенное число единиц, количество же модусов не ограничено и может содержать различные коннотации. В качестве примеров приводятся деривационные цепочки эволюции китайских знаков с монадами «рот», «корова», «баран», «вода», порождающими дериваты. Проведен грамматологический и структурно-семантический анализ представленных знаков. Обосновывается существование формализованного представления модели представления китайской письменности.

Ключевые слова: китайский язык; графомонада; модус; дериват; монадно-модусная модель; математическое представление.

Sharavieva I. V.

Senior Lecturer MSLU EAL; e-mail: nevergiveup81@mail.ru

MONADE-AND-MODUSES MODEL AS A REPRESENTATION OF CHINESE WRITING

Graphomonades have been claimed as minimal semantic units of ideographic writing in Chinese language along with moduses as rules for the generation of the written Chinese language. Therefore, grafomonades are defined as minimal semantic units of the language structure that have modus valence and form new signs in Chinese writing. Grafomonads feature a limited number of units, whereas the number of moduses is unlimited and can involve different connotations. According their structure, moduses can be represented by morphograms and simple logograms as well as complicated signs. The examples herewith have been confined to the derivational chaines of evolution of Chinese characters. Monades “mouth” “cow”, “sheep” and “water” form derivative moduses. These characters are analyzed with the help of grammatological and structure-semantic approaches. An option for formal version of the Chinese writing model representation has also been discussed.

Key words: Chinese language; grafomonade; modus; derivative; monade-modus model; mathematic representation.

Вопрос о выделении единиц – предельных значений, лежащих в основании системных иерархических связей, образующих структуру языка, и создания, таким образом, универсального языка, имеет давнюю традицию изучения в русле различных подходов. В накопленном опыте определения минимальных, неразложимых далее, носителей автономных смыслов в языке утверждается тенденция выявления монад – «элементов вещей, простых субстанций, из которых состоит вся вселенная» [3, с. 413] и модусов – базисного, присущего субстанции понятия [2, с. 56].

Обращение к китайскому языку с идеографическим типом письменности позволяет рассмотреть данную проблему с учетом особого статуса письменного знака. Известно, что «обладая основными признаками своей системности – знаковостью, иерархичностью, естественностью и открытостью, китайская письменность формируется рядом иерархических единиц и правил их функционирования» [1, с. 451]. Иерархичность базовых элементов китайской письменности позволяет вычленив в письменном знаке исходные конститутивные «монады» и «модусы» как правила порождения новых знаков, когда минимальные единицы языка порождают большое количество знаков. Проявление функционального статуса исходных элементов, являющихся предельными, универсальными понятийными смыслами, в порождении и толковании других знаков языка может быть отражено в монадно-модусном способе представления. Порождение новых знаков связано с деривационными изменениями, происходящими в процессе эволюции китайских иероглифов.

Посредством определенных правил (модусов) графомонада проявляет структурный потенциал порождать деривационные цепочки знаков. Термин «графомонада» определяет грамматологический статус минимальной значимой единицы китайского языка и указывает на ее семантическую порождающую значимость для иерархического упорядочения лексики языка.

Графомонады имплицитно представлены в логограммах и морфограммах и являются простыми знаками, формирующими семантически однородные единицы. Порождаемые ими графо-семантические поля образуют, в свою очередь, дальнейшие пласты иероглифических знаков и создают огромное количество их модификаций, дериватов. Графомонада понимается как *когнитивная минимальная значимая недискретная единица языка, характеризующаяся модусной*

валентностью, порождающая множество других знаков, а также занимающая определенную позицию в иерархии единиц китайской письменной системы: графема – графомонада – морфограмма – логограмма.

На наш взгляд, к базовым критериям выделения графомонад можно отнести следующие:

1. Первичность – являются древнейшими в эволюционном плане первичными знаками.
2. Недискретность – семантически однородны и неделимы.
3. Пиктографичность – абсолютно все графомонады являются пиктограммами.
4. Графо-семантическая деривационная валентность – способны порождать новые знаки языка.

Таким образом, графомонада как единица языка содержит в себе два аспекта: с одной стороны, она является первичной и неделимой значимой пиктограммой, с другой – она обладает потенциалом порождать множество новых лексем, когда ограниченное количество графомонад порождают большое количество иероглифических знаков.

Возникновение определенных графомонад как недискретных простых знаков отражает картину мира древних китайцев, отраженную в миропонимании китайского народа, и представляет собой обозначение фундаментальных элементов бытия.

Дериваты монады, порожденные с помощью определенных правил, или модусов, по своей структуре могут быть представлены как морфограммы и простые логограммы, а в некоторых случаях сложными знаками, каждый из которых может быть проанализирован с точки зрения различных аспектов (формально-структурного и семантического). В сложных знаках, состоящих из нескольких комбинаторных элементов, важную роль играют семантические реляции, выявляющие характер взаимосвязи между частями целого, что позволяет провести более глубокий анализ знаков.

Следует отметить, что использование грамматологического подхода дает возможность проследить эволюцию структуры и семантики знаков, выявить его этимологическое значение, возможно, утерянное в современном языке.

Все выделенные нами графомонады (в количестве 41 знак) могут образовывать новые лексемы посредством простого присоединения к ним морфограмм или логограмм слева, справа, сверху, не изменяя

свою структуру. В этой связи монадно-модусная модель общего типа производится как *графомонада знак N*.

Графомонады 10 из 41, помимо возможности формировать лексемы посредством сложения, обладают потенциальной валентностью порождать новые знаки с помощью изменения исходной графомонады. К ним относятся: 人, 又, 口, 止, 牛, 羊, 一, 火, 中, 丨. Каждой графомонаде соответствует определенный вариант монадно-модусной модели, связанный с валентностью графомонад.

Часть графомонад формируют двойную этимологическую цепочку: знак 1 образует знак 2, а знак 2, в свою очередь, – знак 3 и т. д. Такие цепочки позволяют проследить этапы грамматологической деривации знака. Основанием для выявления истоков возникновения знаков явился словарь Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы», однако в некоторых случаях он не дает трактовку появления знака [4].

Представляется возможным определить и описать варианты для всех когнитивных монад, образующих деривацию. Графомонады детерминируют появление графо-семантических полей большого количества знаков, представляющих собой логограммы, т. е. ограниченное количество графомонад посредством модусов порождает большое число иероглифических знаков. Рассмотрим варианты монадно-модусной модели с графомонадами «рот», «один», «корова», «баран», «вода» (в модели изображены знаки, образованные с помощью изменения структуры исходного знака).

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «рот»:

口 → 凵.

Графомонада «рот» 凵 *kou* в надписях различных эпох с точки зрения Сюй Шэня представляет собой орган, служащий человеку или животным инструментом для приема пищи и издавания звуков. В связи с этим любой сложный знак, имеющий детерминатив «рот», так или иначе связан с принятием пищи или говорением. Так как рот – это отверстие, с помощью которого человек поддерживает свою жизнь, происходит расширение семантики знака и появляются такие значения, как «человек», «население» [7, с. 168].

Нами был выявлен один дериват 凵 *qian, kan*, порожденный посредством изменения исходного знака, остальные дериватемы представлены в огромном количестве и порождаются графомонадой при помощи простого присоединения к другим морфограммам (呷 *chi*, 喝 *dhe*, 吗 *ma* и т. д.).

С точки зрения структуры представляется возможным рассмотреть знак \sqcup *qian, kan* в качестве деривата, образованного с помощью редукции. У Сюй Шэня отсутствует ссылка на первоначальный знак данной морфограммы, однако грамматологически и семантически \sqcup *qian, kan* с наибольшей вероятностью можно отнести к знаку «рот». Здесь выражено значение «открывать рот», именно с этим связано отсутствие черты, присутствующей в \square *kou*.

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «один»:

$$一 \rightarrow 二 \rightarrow 三.$$

Графомонада «один» *yi* является одним из знаков-первоэлементов, передающих изображение праначала вселенной, формирующей десять тысяч вещей. Горизонтальная черта представляет собой линию горизонта, разделяющую космос на небо и землю.

Тан Ханьчжу, оппонируя Сюй Шэню, выдвигает иную семантику знака, отмечая, что его первоначальное значение – один, единица, восходящее к первоначальному изображению выдвинутого пальца правой руки, точка отсчета. Числительное «один» – самое «маленькое», отсюда семантика расширяется до значения «малое количество, небольшой промежуток и т. д.» [7, с. 2].

Дальнейшее развитие деривационной цепочки происходит путем добавления дополнительных элементов, образуя дериваты \equiv *er*, \equiv *san*.

Знак \equiv *er* (два) является элементом, расширяющим $一$ *yi*, «одно рождает два, два рождает три, три рождает десять тысяч вещей» [4]. В словаре «Шо вэнь цзе цзы» отмечается, что знак «два» является плицированным вариантом морфограммы «один». В китайской космогонии «два» предполагает выделение из первоначального хаоса неба и земли.

Знак \equiv *san* (три) представляет собой триаду: небо, земля, человек, порождающий все другие элементы вселенной, «десять тысяч вещей». Графомонада $一$ *yi* активно участвует в формировании огромного количества знаков, обладает смыслоразличительной функцией. Дериватемы образуются с помощью модуса сложения.

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «корова»:

$$牛 \leftarrow 牛 \rightarrow 角.$$

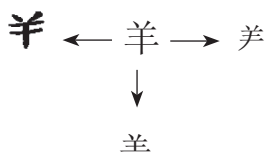
Графомонада «корова» 牛 *niu* первоначально передает изображение большого крупного рогатого скота, животного с острыми рогами

по бокам туловища и головой, как у кошки, которого можно использовать для возделывания земли [4].

Один из дериватов первого порядка монады «корова» – морфограмма 犇, образующая в современном китайском языке синтагматические связи с другими морфограммами в позиции «слева», не может употребляться в качестве логограммы. Первоначальная семантика в данном модусе полностью сохраняется.

Дериват 角 *jiao* передает изображение коровы, крупного рогатого животного. Рога использовались в качестве оружия, применяемого, прежде всего, для самообороны древних китайцев [5, с. 189]. Новый знак образован с помощью выделения части из целого.

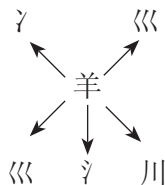
Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «баран»:

Графомонада «баран» 羊 *yang* представляет изображение животного с загнутыми рогами, головой, хвостом. Особенностью данной модели является то, что четыре деривата, порожденные монадой «баран», являются только морфограммами и полностью передают значение монады «баран», используются преимущественно в позиции справа и сверху.

Предположительно, что один из знаков, к которому восходит знак «баран», – морфограмма 𦍋, изображающая рога барана. В настоящее время употребляется как логограмма 拐 *guai* [6, с. 190].

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «вода»:

Графомонада «вода» 水 *shui* представляет собой изображение трех черт: скалу, по краям которой вниз спускается речной поток. Средняя черта – пиктограмма, которая является воплощением творческой субстанции мироздания ян [4]. Вариантами графомонады

«вода» можно считать дериваты \llcorner и $\dot{\gamma}$ – морфограммы, не являющиеся логограммами.

Одним из дериватов является морфограмма «вода» \llcorner *kuai*, которая также имеет значение «водный поток». Знак представлен двумя потоками воды, стекающими вниз.

Еще один из дериватов первого порядка \llcorner *chuan* (поток воды). Особенностью данного знака является то, что знак может выступать в качестве логограммы.

Таким образом, монадно-модусная модель отражает зависимость графомонады и ее дериватов, в которой раскрывается грамматологический потенциал графомонады. Монадно-модусная модель эксплицирует фундаментальные характеристики грамматологии, является универсальной и применима к анализу структуры языка с идеографическом типом письменности, в частности, к китайскому. Данная модель характеризует существенные связи, лежащие в основе функционирования предельной значимой единицы языка. Функциональный параметр признается ведущим в качестве характеризующего модель, где в основе лежат исходные данные – графомонады, а выводные данные представлены порожденными знаками.

Исходя из того, что ограниченное число графомонад порождает графо-семантические поля большого количества знаков, существует возможность формализованного представления модели, которая может быть оформлена в виде записи математических символов, отражающих зависимость входящих в модель элементов. В связи с этим выделим следующие основные положения для входных данных:

Графомонада ступенчато производит потенциально бесконечное количество дериватов первого, второго, третьего порядка и является исходной для всех знаков.

Модусы оказывают определенное влияние на графомонады, образуя деривационную цепочку знаков. При этом они не всегда вариативны, не универсальны и не имеют четких границ.

Образующиеся путем воздействия модуса на графомонаду знаки представляют собой дериваты первого, второго, третьего порядка.

К дериватам первого порядка мы относим графомонады, образованные без использования дополнительных элементов, которые могут быть употреблены как самостоятельные единицы.

К дериватам второго порядка можно причислить знаки, пиктографическое изображение которых состоит из самой графомонады и какого-то простого дополнительного элемента.

К дериватам третьего порядка относятся сложные знаки, образованные по типу присоединения к графомонаде морфограммы (логограммы) без деривации самой монады.

Данная зависимость дает основание для представления модели в виде символической записи

$$fn (Mn Mm) = D^k_m.$$

В представленной формуле в функцию входят две переменные – монада и модус, где k – порядок; n – номер монады; m – порядковый номер модуса; D – дериват.

Одним из наиболее подходящих способов представления взаимозависимости минимальных значимых элементов, графомонад, и порожденных ими знаков является, на наш взгляд, монадно-модусная модель представления. Произведение такой модели необходимо для представления грамматики языков с идеографическим типом письма и выявления их существенных характеристик с точки зрения ее деривационной когерентности. В этом проявляется семиотический потенциал идеографической письменности.

Таким образом, 41 графомонада, включая 10 с высокой валентностью, обладающих способностью к образованию деривационных связей, порождают весь пласт иероглифических знаков китайской письменности и выявляют древнейшие в эволюционном плане смыслы, конституирующие структуру языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Готлиб О. М., Шаравьёва И. В. Об основных грамматологических единицах китайской системы письменности // Китай в эпицентре глобальных проблем проблем АТР: тез. докл. XX Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 16–18 октября 2013). – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 451–452.
2. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / пер. с лат. и франц.; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – Т. I. – 654 с.
3. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1982. – Т. I : Философское наследие. – 636 с.
4. Сюй Шэн. Шо вэнь цзе цзы 说文解字 (Объяснение простых письменных знаков и анализ сложных письменных знаков). 北京, 1978.
5. 董连池. 通释 说文不首形意. 东北师范大学出版社, 2000.
6. 邹晓丽. 基础汉字形义来源 – “说文”不首今读本义. 北京出版社, 1990.
7. 易可敬 / 撰 说文解字今文字释, 1996.

Раздел III
МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

УДК 811.58

М. А. Гаврилюк

магистр гуманитарных наук, докторант Института гуманитарных наук
Уханьского государственного университета; e-mail: zhaolinna25@gmail.com

**ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА КАК ФРАГМЕНТ КИТАЙСКОЙ
И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Настоящая статья посвящена сопоставительному исследованию зооморфных метафорических номинаций китайского и русского языков с позиции когнитивного подхода. Описаны некоторые совпадения и расхождения в семантике зооморфной лексики двух языков, выявлены этнолингвокультурологические особенности зооморфизмов как средства выражения национального мировидения.

Ключевые слова: зооморфная метафора; зооморфизм; языковая картина мира; метафорическая модель.

Gavrilyuk M. A.

Master of Arts, Postgraduate Student, Wuhan University;
e-mail: zhaolinna25@gmail.com

**ZOOMORPHIC METAPHOR AS A PART OF CHINESE
AND RUSSIAN LINGUISTIC WORLD IMAGE**

The paper undertakes a contrastive study of Chinese and Russian zoomorphic metaphorical nominations based on the cognitive approach. It describes some similarities and differences in the semantics of zoomorphic vocabulary of the compared languages, and reveals some ethnic linguocultural peculiarities of zoomorphisms as an expressive means of national worldview.

Key words: zoomorphic metaphor; zoomorphism; linguistic world image; metaphoric pattern.

В последние десятилетия в современном языкознании получают широкое распространение исследования, связанные с сопоставительным изучением неродственных языков. О важности подобных исследований в свое время упоминал академик В. В. Виноградов: «Наряду

со сравнительно-историческим изучением родственных языков возможно и даже необходимо сравнительное и сопоставительное изучение разносистемных языков» [1, с. 41]. Эта задача сохраняет свою актуальную значимость и поныне, особенно в период увеличения числа и интенсивности межэтнических (межкультурных) контактов в условиях интернационализации и глобализации современного мира. Как в процессе межкультурной коммуникации, так и в процессе изучения и преподавания иностранных языков следует учитывать внеязыковые знания, представляющие собой концептуально важные, актуализированные для конкретного языкового коллектива схемы восприятия и результаты познания окружающего мира, зафиксированные в языковой картине мира данного языкового сообщества и воплощенные в единицах данного языка.

Проблема изучения языковой картины мира имеет давнюю историю. Она берет начало в работах В. фон Гумбольдта по философии языка и активно развивается и по сей день. В настоящее время существует целый ряд направлений в рамках этой общей темы. Одним из таких направлений является исследование отдельных фрагментов языковой картины мира, представленных разными семантическими участками языка, с целью воссоздания целостной языковой картины мира и выявления специфики языкового мировидения данной языковой общности, что особенно актуально в сравнительно-сопоставительных межъязыковых исследованиях [5; 8; 11; 12].

Ключевым элементом в формировании и изучении языковых картин мира многие ученые считают метафору. Так, например, Х. Д. Лезметс отмечает: «Метафора занимает необычайно важное место в мыслительном процессе и в языке, являясь одним из способов выражения языковой картины мира целого народа» [4, с. 92]. В. Н. Телия считает метафору «одним из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира» [7, с. 176]. З. Д. Попова и И. А. Стернин наряду с номинативными и функциональными средствами создания языковой картины мира выделяют также образные средства, в том числе и национальную метафорику [6].

Таким образом, метафора как таковая и особенно метафора национальная, будучи единицей языка, содержащей результаты отражения и толкования внеязыковой действительности, может послужить источником сведений о глубинных мыслительных процессах,

происходящих в сознании носителей языка и влияющих на формирование их языковой картины мира.

Общеизвестно, что человеческое мышление склонно отражать окружающий мир преимущественно в двух ипостасях: антропоморфной или зооморфной. Это подтверждается тем фактом, что в качестве основного объекта метафоризации в любом языке прежде всего выступают характеристики человека. К наиболее универсальным моделям метафоризации можно отнести схемы метафорического переноса «человек ← животное» и «человек ← растение». В данном исследовании в центре нашего внимания находятся наименования животных, с помощью которых носители китайского и русского языков метафорически характеризуют человека, а также те явления действительности, которые непосредственным образом связаны с его жизнедеятельностью (профессиональные характеристики, занятия, сферы деятельности, социальные взаимоотношения, социальные положения, религиозные взгляды и др.). Такие наименования животных, используемые в качестве метафорической характеристики человека через уподобление его внешнего облика, разнообразных черт характера или особенностей поведения образу животного, а также для характеристики связанных с ним предметов, понятий и явлений, называются *зооморфными метафорами* или *зооморфизмами*. Исследование зооморфной лексики китайского и русского языков сквозь призму образных, метафорических значений в лингвокультурологическом и сопоставительном аспектах позволяет выявить особенности представлений китайского и русского народов о животном мире и о самих себе, что составляет важную часть языковой картины мира этих народов.

Издrevле человек был связан с миром животных – на охоте, в сражениях, быту и хозяйственной деятельности, поэтому вполне закономерно, что, познавая окружающий мир, он неосознанно сравнивал себя и свое окружение с представителями животного мира. При этом сравнение происходило не только по внешним признакам, сопоставлялись также особенности поведения и жизнедеятельности. Наблюдения за разными языками [2] показывают, что языковым коллективам известны в основном одни и те же виды и названия животных, выполняющих характеристическую функцию. Однако «содержание зооморфизмов в каждом языке может отличаться от содержания аналогичных зооморфизмов в другом языке...» [там же, с. 148]. Анализ языковых фактов показывает, что существуют особенности национального

осмысления зооморфных образов, сложившихся под влиянием культурных, социальных, географических и иных факторов. То, что является привлекательной чертой животного в сознании носителей одного языка, может оказаться неприятным и даже отталкивающим в сознании носителя другого языка. Так, например, *кит.* 母牛 (корова) – здоровая, сильная и трудолюбивая женщина; *рус.* корова – толстая, неуклюжая, неумелая и неповоротливая женщина. Разница в восприятии животного и характере метафорического переноса его языкового наименования указывает на особенности национального осмысления внеязыковой реальности. Китайская метафора 母牛 (корова) отражающая, по всей видимости, выносливость, силу животного и его незаменимость в сельскохозяйственных работах, носителю русского языка, считающему отличительной особенностью коровы ее большие размеры, глупость и неуклюжесть, может показаться не вполне мотивированной и логичной. Если слово *заяц* в русском языке ассоциируется с трусостью, то в китайском языке, напротив, – с умом и сообразительностью. Наряду с этим в сравниваемых языках может наблюдаться развитие совпадающих или близких метафорических значений. Например, значение *кит.* 狐狸 (лиса) – коварный, хитрый, лживый человек, совпадает со значением аналогичного зооморфизма в русском языке.

Следует отметить, что модели, лежащие в основе метафорического переноса, в различных языках, как правило, совпадают. В основе зооморфных наименований в китайском и русском языках лежит базовая метафорическая модель «человек ← животное». При этом данная метафорическая модель предполагает разветвление на более частные метафорические модели типа «внешность человека ← внешность животного», «поведение человека ← поведение животного», «взаимоотношения между людьми» ← «взаимоотношения между животными» и др. Однако при этом зооморфизмы, возникающие в результате актуализации той или иной метафорической модели в китайском и русском языках, могут как совпадать, так и не совпадать по своей семантике и по их наличию в сопоставляемых языках.

Так, при характеристике внешности человека актуализируется метафорическая модель «внешность человека ← внешность животного». В русском языке красивую девушку или молодую женщину называют, используя зоометафору, *лебедь* (*лебедушка*) – стройная, грациозная. В китайском языке зоометафора 天鵝 (лебедь) также используется

для метафорического наименования красивой, изящной женщины. Не совсем совпадает по значению с русской метафорой лексема 孔雀 (пава) – девочка / девушка в красивом платье, в значении которой наряду с семой красоты актуализируется сема, сообщающая о наличии у девушки горделивой осанки и величавой поступи. В русском языке обольстительную, соблазнительную женщину, скорее всего, назовут *кошкой* (*кошечкой*), тогда как в китайском языке в этом значении употребляется зоометафора 狐狸 (лиса) или 狐狸精 (лиса-оборотень) – обольстительница, искусительница. В китайском языке также для метафорического наименования красивого, ухоженного мужчины, тщательно следящего за своей внешностью, используется зоономинация 狐男 (мужчина-лиса), образование которой, видимо, связано с гендерной оппозицией, т. е. с зоометафорой 狐狸 (лиса) – обольстительная женщина. В русском же языке мы не находим такого метафорического соответствия зоономинации 狐男 (мужчина-лиса).

Для характеристики сильного, крупного и здорового мужчины носители китайского и русского языков часто прибегают к образу быка: *силен / здоров как бык / 像公牛一样强壮*. В китайском языке для выражения данного значения может использоваться также метафора 虎子 (тигр): 虎子 (тигренок) – богатырь; 彪 (тигренок) – здоровяк, рослый детина; 虎背熊腰 (спина тигра, поясница медведя) – богатырское телосложение, здоровый. В русском же языке метафорическим соответствием китайской зоономинации 虎子 (тигр) является зоометафора *лев: силен как лев*.

Зоометафоры, характеризующие человека как некрасивого и внешне непривлекательного, могут совпадать или не совпадать по семантике и по их наличию в сопоставляемых языках. В качестве примера совпадения метафорических значений в обоих языках можно выделить зоометафору *гадкий утенок / 丑小鸭*, используемую для метафорического наименования человека некрасивого, невзрачного и неприметного, но который впоследствии может неожиданно для всех преобразиться. Зоометафора *обезьяна* в русском языке употребляется для характеристики человека внешне очень некрасивого или даже уродливого, в то время как китайское слово 猴子 (обезьяна), прежде всего, является метафорическим наименованием человека, обладающего незаурядным умом, сообразительностью и находчивостью. Вместе с тем, в китайском языке существуют выражения 瘦猴儿 (худая обезьяна), употребляемые в качестве метафорического

эквивалента выражению *худой, тощий человек*, а также 猴子脸 (обезьянье лицо) и 尖嘴猴腮 (заостренный подбородок и обезьяньи щеки), используемые в значении *уродливая внешность, безобразный вид*. Китайское слово 企鹅 (пингвин) может быть использовано для характеристики толстой, некрасивой женщины, в русском же языке зоономинация *пингвин* не находит никакого метафорического соответствия. В то же время в китайском языке нет такой распространенной в русской разговорной речи зоометафоры как *выдра*, употребляемой для обозначения очень худой и непривлекательной женщины.

Из анализа приведенных примеров следует также и то, что в основе метафорического переноса может лежать сравнение отдельных частей организма человека и животного. В китайском и русском языках существует ряд эквивалентных зоометафорических выражений для описания отдельных черт внешности человека, как например, 鹰钩鼻 (орлиный нос), 马脸 (лошадиное лицо), 鼠眼 (крысиные глазки), 兔唇 (заячья губа), 羊胡子 (козлиная бородка) и др. Вместе с тем встречаются как семантически частично эквивалентные, так и семантически несовпадающие и безэквивалентные метафорические зоономинии. Например, русскому слову *волоокий* (букв. 'с глазами, как у вола'), обычно употребляемому для характеристики человека с большими, спокойными, подернутыми дымкой глазами, в китайском языке частично соответствует зоометафора 牛眼 (букв. 'коровьи глаза') – пучеглазый. В качестве примера семантически несовпадающих зоометафор можно привести китайскую зоометафору 虎牙 (тигриные зубы), используемую для характеристики крупных, выступающих вперед зубов, и зоометафору 鱼尾纹 (узор, напоминающий рыбий хвост), служащую метафорическим наименованием морщин, идущих от уголков глаз. В русском языке в данном случае будут употребляться зоометафоры *лошадиные зубы* и *гусиные лапки*. К семантически безэквивалентным зоометафорам можно отнести 驼背 (верблюжья спина) в значении «горб» и 蚕眉 (брови, как гусеницы шелкопряда) в значении «тонкие, изогнутые полумесяцем брови», а также такие словосочетания русского языка, как *куриные / цыплячьи мозги* и *соколиные глаза / взор*. Как видно, в приведенных примерах актуализируется метафорическая модель «часть тела человека ← часть организма животного».

Наблюдения человека за поведением и особенностями жизнедеятельности животных привели к реализации в языке метафорической

модели «поведение человека ← поведение животного». В качестве примера совпадающих по значению зоономинаций в обоих языках можно привести такие зоометафоры, как 公鸡 (петух) – драчун, задир; 变色龙 (хамелеон) – человек, приспособливающийся к обстановке, легко меняющий свои мнения и взгляды; 鹦鹉 (попугай) – человек, повторяющий чужие мысли и не имеющий собственного мнения; 鲨鱼 (акула) – тот, кто действует хищно и беззащитно и т. д.

И, наконец, несовпадающие по значению метафоры. К ним относится китайская зоономинация 猪 (свинья), характеризующая человека прежде всего как грязного и неопрятного. Добавим к этому тот факт, что в китайском мировосприятии образ свиньи выступает символом человеческой лени и глупости. В русском же языке, помимо номинации человека неопрятного, *свиньей* также могут назвать человека беспринципного, способного на совершение низких и подлых поступков.

В лексикографических источниках зафиксировано лишь одно метафорическое значение слова *муха* в русском языке: «незначительный, мелкий человек» [3]. При этом в современном русском языке очевидно метафорическое осмысление слова *муха* как человека назойливого и надоедливого, например, *отмахнуться, как от назойливой мухи*, однако в толковых словарях эти изменения семантического объема слова пока не зафиксированы. В словарях же китайского языка отражены все переносные значения данного слова: 苍蝇 (муха) – надоедливый человек; человек, любящий извращать истину, искажать факты. Китайское слово 喜鹊 (сорока) употребляется для метафорической номинации человека, приносящего хорошие новости, а русское слово *сорока* служит для номинации болтливой женщины, любящей сплетни и распространяющей всякие слухи. Зоометафора 母鸡 (курица) в китайском языке характеризует женщину, чрезмерно опекающую своих детей. В русском языке эта зоометафора имеет более широкую семантику. Курицей (клушей) в русском языке чаще называют неуклюжую, неповоротливую женщину, а вот сочетание *курица-наседка* как раз используется для наименования чересчур заботливой матери. Китайские зоометафоры 笑面虎 (улыбающийся тигр) – вероломный, двуличный человек и 醉猫儿 (пьяный кот) – пьяница, не находят соответствия в русском языке, нет соответствия и русским зоометафорам *козел* – подлый, противный человек с дурным поведением и *коза* – резвая, бойкая, подвижная девочка / девушка, – в китайском.

Зоометафоры, употребляемые для метафорической характеристики интеллектуальных способностей человека, могут как совпадать в сопоставляемых языках, так и быть национально-специфичными. Так, китайское слово 驢 (осёл) и русское *осёл* в обоих языках является метафорическим эквивалентом глупости и упрямства, а русская зоономинация *баран* – недалекий, тупой человек и китайская 螞蚱 (богомол) – очень глупый человек считаются национально-специфичными. Как видно, в данных примерах актуализируется модель «глупый человек ← неразумное животное».

Из сказанного следует, что в китайском и русском языках зоометафорические фрагменты языковых картин мира имеют существенные различия, а это, в свою очередь, указывает на специфичность национальных статических и динамических картин мира [8, с. 129]. Образы животных, являющиеся символами красоты или безобразия, ума или глупости в одной языковой картине мира, могут быть совершенно не востребованы в другой или выступать в качестве метафорической характеристики совершенно неожиданных качеств человека.

Разница в интерпретации наименований животных становится особенно очевидной при рассмотрении тематической группы зоометафор, характеризующих человека по его отношению к труду. К ней можно отнести 12 зоономинаций китайского языка и 8 из русского: *蜜蜂* (пчела), *牛* (бык), *马* (лошадь), *骆驼* (верблюд), *蚂蚁* (муравей), *蜘蛛* (паук) имеют значение «трудолюбивый, трудящийся с полной самоотдачей»; *奶牛* (молочная корова) употребляется для характеристики человека, бескорыстно посвящающего себя какому-либо делу; *骡子* (мул) характеризует человека как работоспособного, умелого, деловитого; *猪* (свинья) и *猫* (кошка) являются символами лени, а *寄生虫* (паразит) и *虱子* (вошь) обозначают людей, живущих чужим трудом, тунеядцев. В русской языковой картине мира символами трудолюбия выступают *пчела*, *лошадь*, *ишак* и *мул*; а *трутень*, *тиявка*, *паразит*, *тля* символизируют тунеядство. Как видно, в данной тематической группе по образному смыслу совпадают только четыре зоономинации: *蜜蜂* (пчела), *马* (лошадь), *骡子* (мул) и *寄生虫* (паразит).

В качестве примера тематической группы зооморфизмов, переносное значение которых связано с социально-ролевыми характеристиками человека, показательна парадигма слов, характеризующая человека с точки зрения его профессиональных качеств или рода

занятий. Так, например, китайская и русская зоометафоры 夜莺 (соловей) совпадают по значению в обоих языках и используются для метафорической характеристики хорошего певца, человека с мелодичным голосом. Однако 老鼠 (крыса) – мелкий ворюшка – абсолютно не совпадает со значением русской зоометафоры *крыса* – человек, род занятий которого расценивается как нечто мелкое, ничтожное (ср. *канцелярская крыса, архивная крыса, церковная крыса, музейная крыса, штабная крыса* и т. д.). Интересно, что в русском языке отсутствует аналог китайской метафоры 黄牛 (корова / бык) – спекулянт, барышник, а метафорическое значение русского слова *собака* – знаток, специалист в каком-либо деле – не имеет соответствий в китайском языке.

Заметим, что непрекращающийся процесс динамического развития метафорических значений зоономинаций отражает вечные изменения в картине мира данного языкового коллектива. Появившиеся новые значения зоометафор лишь частично фиксируются различными толковыми словарями, однако процесс словарной кодификации всегда со значительным опозданием передает те изменения, которые происходят в естественном языке. Например, с развитием информационных технологий и появлением различных средств виртуального общения в китайском языке возникли такие метафорические зоономинации, как 青蛙 (лягушка) – некрасивый молодой человек; 菜鸟 (глупая птица) – «чайник», новичок в каком-либо деле; 大虾 (большая креветка) – гуру, продвинутый интернет-пользователь; 斑猪 (пятнистая свинья) – модератор; 水母 (медуза) – тот, кто рассылает много спама, обычно о женщине. Данные зоометафоры активно функционируют в рамках китайского виртуального дискурса, однако пока не все из них зафиксированы в лексикографических источниках китайского языка.

Потенциальным источником возникновения новых метафорических значений зоонимов выступает индивидуально-авторское употребление слов, обозначающих животных. Например, в рассказе А. П. Чехова «Козел или негодяй?» зоометафора *козел* употребляется для наименования пожилого ловеласа и выражает неприязнь со стороны оценивающего его лица: «В гостиную входит старичок из породы гоголевских мышинных жеребчиков. Увидев спящую девушку, он ухмыляется и подходит к ней на цыпочках... “Как я несчастна! – шепчет она, засыпая. – Вечно мне снятся то *козлы*, то негодяй!”» [10].

Авторское употребление зоометафоры *козел* не совпадает с ее словарным значением «подлый человек с дурным поведением». Возникающие подобным образом значения зооморфизмов, как правило, употребляются только окказионально, не входя в состав языка и не закрепляясь в речевом обиходе. Однако теоретически вполне возможны случаи, когда индивидуально-авторские зоометафоры в силу их особой выразительности и убедительности становятся достоянием языка и переходят в разряд общеупотребительных.

Анализ приведенных примеров свидетельствует о том, что процесс возникновения новых метафорических значений зоонимов является актуальным и не прекращающимся в обоих языках. Неоспоримым является тот факт, что зоометафоры прочно закрепились в системах китайского и русского языков, восполнив пробелы в механизмах номинации и интерпретации явлений окружающего мира.

Таким образом, сопоставительный анализ зооморфной метафоры как фрагмента китайской и русской языковых картин мира позволил выявить следующие особенности. С одной стороны, можно утверждать, что природа зооморфизмов интернациональна, уже в силу того, что модели метафорических переносов и их направления в рамках этих моделей в китайском и русском языках универсальны. Этот факт не только предопределяет существование в этих языках одинаковых зооморфных образов для передачи определенной информации, но и свидетельствует о частичном совпадении картин мира. С другой стороны, зоометафоры являются национально-специфичными структурами по причине того, что основанием для их возникновения служат свойства, качества или признаки животного, которые оказались актуальными в национальном восприятии конкретного языкового коллектива. В анализируемых языках национально-специфичные зоометафоры составляют подавляющее большинство (примерно 90%), что свидетельствует о различиях в способах формирования языковой картины мира носителей китайского и русского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В. В.* Развитие языкознания // Сессия отделения общественных наук АН. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 41.
2. *Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И.* Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 147–165.

3. *Елистратов В. С.* Словарь русского арго. – М. : Русские словари, 2000. – 694 с.
4. *Лезметс Х. Д.* Компаративность и метафоричность в языках разных систем // *Метафора в языке и тексте.* – М. : Наука, 1988. – С. 92–108.
5. *Огдонова Ц. Ц.* Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2000. – 162 с.
6. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Teoreticheskie_problemy_jazykoznanija/Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf.
7. *Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.* – М. : Наука, 1988. – С. 173–203.
8. *Хахалова С. А.* Метафора в аспектах языка, мышления и культуры: монография. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 292 с.
9. *Чесноков П. В.* Спорные проблемы курса «Общее языкознание»: учеб. пособие. – Таганрог : Изд-во ТГПИ, 2008. – 126 с.
10. *Чехов А. П.* Козел или негодяй? // *Сочинения* : в 18 т. – М. : Наука, 1975. – Т. 2. – С. 160.
11. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М. : Языки славянской культуры, 1994. – 345 с.
12. *Ярославцева М. В.* Темпоральные метафоры в языковых картинах мира носителей русского и испанского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2011. – 156 с.

УДК 81.00

Е. Е. Меньшикова

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: canoe@list.ru

МЕТАФОРА В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ КАК ИСТОЧНИК ВООБРАЖЕНИЯ

Целью данной работы является выявление специфики функционирования метафоры как источника воображения в контексте рекламного туристического нарратива. В статье показано, что рекламный туристический нарратив активизирует воображение потребителя посредством метафорических моделей и механизмов формирования образов воображения.

Ключевые слова: рекламный туристический нарратив; метафора; метафорическая модель; воображение; антропоморфизм.

Men'shikova E. E.

Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department,
MSLU EALI; e-mail: canoe@list.ru

METAPHOR IN TOURIST NARRATIVE OF ADVERTISING AS A SOURCE OF IMAGINATION

The article aims to reveal the specifics of the functioning of metaphor as a source of imagination in the context of tourist narrative of advertising. I argue that tourist narrative of advertising activates the imagination of a consumer by means of metaphorical models and mechanisms for the formation of images of the imagination.

Key words: tourist narrative of advertising; metaphor; metaphorical model; imagination; anthropomorphism.

На современном этапе развития науки, характеризующемся антропоцентризмом, исследователи приходят к выводу, что метафора является формой, обуславливающей способ нашего мышления о предмете, метафоры определяют способ описания вещей и ситуаций, тип поведения и модели реальности [4; 8; 9]. Метафоризацию рассматривают не столько как способ украшения речи, сколько как важнейший мыслительный механизм, и связано это с тем, что в центр внимания переместился человеческий фактор в языке и языковой фактор в человеке [6].

Осмысление процесса метафоризации как механизма смыслоконструирования, как единство ментальной операции и вербализации

в языке позволяет трактовать данное понятие предельно широко: под определение метафоры попадают и «сравнительные обороты, разнообразные перифразы, метонимия и иные образные средства, учитываются не только собственно слова, но и фразеологизмы, составные наименования» [9, с. 15], что при анализе текстов рекламного туристического нарратива позволяет подвести под понятие метафоры не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, образные гиперболы, метонимию, аналогию, синекдоху, аллегорию и другие фигуры переноса.

В рамках данной статьи нас интересует метафора как источник воображения. Специфика воображения «состоит в том, что оно превосходит то, чего еще не существует – либо в личном опыте человека, либо в действительности. Воображение преобразует уже воспроизведенные образы и позволяет человеку планировать свои действия в процессе познания мира, находить новые пути и способы решения возникающих перед ним задач, представлять идеальный результат деятельности в сознании до того, как он будет достигнут реально, искать связи между известными ранее или приобретенными заново данными, делать открытия» [2, с. 16].

По мнению С.Г.Кара-Мурзы, «метафора, создающая в воображении красочный образ, оказывает на сознание чудодейственный эффект, надолго отшибая здравый смысл. Чем парадоксальнее метафора (т. е. чем дальше она отстоит от реальности), тем она лучше действует» [3, с. 422]. Метафора построена на игре ассоциаций – «чувственных и абстрактных, интеллектуального и эмоционального характера. Именно они, подключая эмпирический и жизненный опыт читателя, активизируют его воображение, делая образ ярким, зримым и от этого экспрессивным» [1, с. 20].

Рекламный туристический нарратив формирует образы предметов или явлений, в принципе доступные живому созерцанию, но недоступные восприятию лишь в настоящий момент. С помощью метафоры туристический нарратив структурирует образное представление о мире туристической дестинации, создает в воображении потенциального потребителя мифологическую грезу [5]. Метафора «стимулирует воображение и, следовательно, эмоции; все это уводит от истины в мир иллюзий» [4, с. 214].

Рекламный туристический нарратив активизирует воображение потребителя, с одной стороны, посредством метафорических

моделей, а с другой – через механизмы воображения. Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «*X* – это *Y*» [8, с. 131].

Типичными для рекламного туристического нарратива являются такие метафорические модели, как «*X* место – это сказка» (сказочный мир), «*X* место – это рай» (райское наслаждение, райский уголок, райская обитель), «*X* место – это чудо», «*X* место – это мечта», «*X* место – это гармония», «*X* место – это новая жизнь», «*X* место – это приключение», «*X* место – это свобода», «*X* место – это счастье», «*X* место – это сон», «*X* место – это волшебство» и т. д. Например:

Карпаты – это сказка наяву. Покой, неповторимая красота, чистый упоительный воздух, манящий шепот карпатских лесов возвышает и наполняет всех целебной силой девственной природы (*tursalon.com>otdyh_na_ukraine/karpaty/pansionaty*).

Отдых на Филиппинах – это мечта каждой женщины, фантазия мужчины и сладкий сон ребенка (*deotravel.ru>Philippines/*).

When talking about Denizli, it is usually Pamukkale that first springs to mind. But Denizli holds more wonders than this snow white dream (*anadolujet.com.five-autumn-getaways-in*).

Метафорические модели в туристическом нарративе стимулируют воображение, фантазию потребителя, вызывают ассоциации, связанные с образом.

Рекламный туристический нарратив активизирует воображение также через механизмы формирования образов воображения, в частности, посредством антропоморфизма. Антропоморфная метафора основана на сравнении неодушевленных объектов, животных и растений с организмом человека и происходящими в нем физиологическими процессами. В антропоморфной метафоре «происходит наиболее тесное сближение абстрактного и конкретного компонентов, и образуются глубокие, красочные, многоаспектные образы» [1, с. 27].

Анализ семантики олицетворяющих признаков в рекламном туристическом нарративе позволил объединить их в семантические группы. Под семантической группой понимается «общность лексических единиц разных частей речи, связанных определенной семантической категорией (эмоция, речь и т. д.)» [7, с. 8].

Исходя из проведенного анализа материала, нами выделено несколько семантических групп характеризующих внешний облик человека, различные свойства, действия и состояния: «Внешний облик», «Физическое состояние», «Эмоциональные состояния», «Мыслительные процессы», «Качества и характер», «Зрительное восприятие», «Речь».

Семантическая группа «Внешний облик» представлена метафорами, связанными с репрезентацией природы как модели человека. Выделяются следующие черты внешности и части тела человека: уши, лицо, глаза, лоб, брови, щеки, рот, борода, улыбка, сердце, шея, руки. Например:

Гора Фишт – огромный скальный исполин с белой папачой ледника снова стал местом паломничества туристов. Как страж, замыкающий цепочку гор Большого Кавказа, Фишт обращен к ним лицом. Вершина горы Фишт с перевала смотрится как голова вождя индейского племени. Строгий правильный профиль чуть запрокинутой назад головы, прямой и высокий лоб, такой же прямой нос, сурово поджатые губы, сердито сдвинутые брови. Огромный камень-валун на его подбородке смотрится неестественно. Он, как родинка, еле-еле держащаяся на гладкой поверхности лица великана, кажется, вот-вот сорвется от легкого дуновения ветра в километровую пропасть. От прямого открытого лба вершины, словно седые волосы старика-индейца, переходящие в белоснежный головной убор из перьев, опрокинутый на широкие плечи, раскинулся большой ледник Фишта. Можно часами любоваться суровым профилем горы, вглядываться в его изъеденные ветрами морщины ([ru-tur.ru>opis.php?nap=5&ssyl=62](http://ru-tur.ru/opis.php?nap=5&ssyl=62)).

The peaceful serenity of the lake calls you to lose yourself in the mist that covers the reed beds. Then the pure and bright, smiling face of the blue lake shows itself within the thick forest ([anadolujet.com.five-autumn-getaways-in](http://anadolujet.com/five-autumn-getaways-in)).

Fez is the spiritual heart of Arabic Morocco... It is, simply, the soul of the Moroccan kingdom (morocco-travel-agency.com).

Семантическая группа «Физическое состояние» репрезентирована в рекламном туристическом нарративе метафорами, связанными со свойством живого организма дышать, а также метафорами «сна – пробуждения». Способностью «дышать» наделены разнообразны по своей онтологической сущности объекты природы:

Хаглар. Сказочный лес стоит зачарованный снежным колдовством. Все в природе мирно отдыхает под белоснежным покрывалом... вся природа дышит морозной свежестью (<https://www.haglar.ru/zimnie-kanikulyi-v-detskom-lagere-khaglar.htm>).

Шри-Ланка. Лес живет, дышит, поет и стрекочет. Разноцветье огромных бабочек, напоминающих живые цветы, порхает над темным изумрудом трав (www.votpusk.ru/story/article.asp).

Горы – живые существа: они дышат, разговаривают, перемещаются. Отдых в горах Кавказа, общение с дикой природой, купание в чистейших водах горных рек погрузят вас в состояние nirваны на долгое время (westa-hotel.ru) *Отель в горах*).

Одну из групп составляют метафоры, основанные на семантической оппозиции «сон – бодрствование», которая порождает многообразные образы:

Алтай – одно из самых красивых и сказочных мест на нашей земле... представьте, как рано утром Вы проснетесь, и увидите чудо – как солнышко будет пробуждать, освещая своим приветливым светом сначала макушки горных вершин, потом заискрится в водах могучих алтайских рек и озер, заиграет природа, всколыхнется от сна и позовет Вас вникнуть в тайну ее мироздания, прикоснуться к многовековым легендам (<https://uk-ua.facebook.com/beluha.net?filter=1>).

Природа просыпается от спокойного зимнего сна, а вместе с ней просыпается и наше желание к приключениям и путешествиям. Позвольте пригласить Вас в захватывающее весеннее приключение, окунуться в вихрь эмоций и познать таинство пробуждения удивительной алтайской горной страны (www.turistka.ru/altai/tour.php?t=831).

At the high altitudes, spring has different faces. Winter is reluctant to leave this high lands and yet the sun is getting warmer every day and the nature is awakening (stadelsoussun.com/datapage.asp?id=11&l=3).

Семантическая группа «Эмоциональные состояния» представлена метафорами, связанными с эмоциональным уровнем человека, его психическим состоянием в разных ситуациях. Область эмоций в рекламном туристическом нарративе включает метафоры различных эмоциональных состояний (радость, блаженство, удовольствие, покой, ликование и т. д.):

Вдохни полной грудью свежий воздух Кариб, прочувствуй все блаженство окружающей природы, запомни навечно безупречную красоту Карибского моря (renaissancetour.ru/ka_hotels).

Греческая весна – ликование природы. Весна в Греции – это оживший миф, царство жизни, красоты, пения птиц и ярких природных красок (barahla.net/УслугуТурь3920560.html).

Probably this is why Beyşehir is called “the city where the sun rushes to rise but sets in sorrow...” In fact, that saying really becomes Beyşehir (anadolujet.com.five-autumn-getaways-in).

Семантическая группа «Мыслительные процессы» включает метафоры, выражающие, в частности, состояние размышления, мечтательности:

Край задумчивых лесов, древних рек, волшебных озер и рукотворных гор обеспечит Вас богатым выбором развлечений (vok-travel.ru/podmoskov.html).

Семантическая группа «Качества и характер» репрезентирована в рекламном туристическом нарративе «характерологическими метафорами» [1, с. 25] (перенос черт характера человека: щедрый, ласковый, ленивый, робкий, медлительный и т. д.):

Желающих отдохнуть влекут в Крым щедрое солнце, ласковое море (santour.ru/Crimea/index_1.php).

Голубой Индийский океан, величественный и кажущийся бескрайним. Ласковое солнце и теплые ветры Южной Азии. Крошечные коралловые острова, населенные причудливыми и фантастически красивыми существами. Вот он – земной эдем! Щедрая природа раскрывает ладони, чтобы показать вам свою прекрасную жемчужину – Мальдивские острова (www.kp.ru/guide/tury-na-mal-divy.html).

Бали... именно здесь можно наблюдать самый красивый закат... как рыжий диск солнца будет лениво опускаться в океан (www.otkrytie.ru/indonesia/bali-ekskursii.htm).

Семантическая группа «Речь» включает метафоры-речеобозначения. Окружающий мир в рекламном туристическом нарративе наполнен звуками: речевыми способностями наделяются объекты мира живой и неживой природы, которые «поют», «шепчут», «говорят», «режут» и т. д. Например:

Все на острове Маврикий шепчет волшебством... сладостный шепот морского бриза в унисон покачиванию пальм... волны ласкают босые ступни... океан плещет так, словно тихонько напевает самую нежную песню любви... (gltour.ru/geo/mauritius/).

Анализ семантической группы «Зрительное восприятие» показал, что некоторые природные объекты в рекламном туристическом нарративе обладают способностью смотреть на окружающий мир:

Удивительной красоты озеро Лебяжье... можно отчетливо различить в очертаниях озера и окружающих его гор слегка прищуренный глаз. Кажется, что сама горная гряда смотрит в небо. Взгляд ее ласковый и приветливый (blog.vtourne.ru/что-посмотреть/лешьяе-озеро/).

Местами скалы нависают над тропой, а издали кажется, будто сами горы грустно смотрят вдаль пустыми глазницами пещер и гротов (www.kislovodsk.cc/парк/синие-скалы/).

Проведенное исследование позволило раскрыть особенности метафоры как источника воображения. С яркой образностью апеллируя к воображению, метафора в рекламном туристическом нарративе выполняет не только традиционно выделяемые характеризующую, воздействующую и информативную функции, но и более широкий набор прагматических функций: эмоционально-оценочную, экспрессивную, суггестивную, эстетическую. Метафора в рекламном туристическом нарративе создает новые образы, суггестивно насыщает текст, привлекает, задерживает внимание адресата речи, активизирует воображение, позволяет передавать информацию в яркой, краткой и доступной форме, обладает мощным прагматическим потенциалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горяинова Н. В.* Антропоморфная метафора в языке поэзии Ф. И. Тютчева: когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Брянск, 2013. – 31 с.
2. *Ильинова Е. Ю.* Концептуализация вымысла в языковом сознании и тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2009. – 41 с.
3. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 832 с.
4. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004. – 253 с.
5. *Меньшикова Е. Е.* Мифопоэтическое пространство рекламного туристического нарратива. Мифологемы, идеологемы, метафора: монография. – Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2014. – 316 с.
6. *Хахалова С. А.* Метафора в аспектах языка, мышления и культуры: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 1998. – 249 с.

7. *Чеснокова Н. В.* Антропоцентрическая концепция творчества С. Н. Сергеева-Ценского: лингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2003. – 24 с.
8. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
9. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

Раздел IV АНАЛИЗ ДИСКУРСА

УДК 81' 42

Н. Н. Казыдуб

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
теоретической и прикладной лингвистики МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: nadejda_kazydoub@mail.ru

ДИСКУРСИВНОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ РЕГИСТРОВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В статье рассматриваются стратегии преодоления межкультурной и межэтнической асимметрии посредством переключения дискурсивных регистров. Приводится теоретическое и практическое обоснование «миротворческого» потенциала дискурсивного переключения регистров, осуществляется параметризация исследуемого феномена и определяется стратегический инструментарий конструирования кооперативного взаимодействия путем переключения дискурсивных регистров.

Ключевые слова: асимметрия; аттрактор; вежливость; когнитивные ресурсы; конфликт; кооперативное взаимодействие; культурные интерпретации; межкультурная коммуникация; параметр; прагматический контекст.

Kazydub N. N.

Doctor of Philology, Professor, MSLU EALI; e-mail: nadejda_kazydoub@mail.ru

DISCOURSE REGISTER-SWITCHING IN THE CONTEXT OF CULTURAL CONTACTS

The article considers the strategies of cultural conflict resolution through discourse register-switching. Discourse values of register-switching are revealed; parameters of the register-switching process are stated, and strategies of cooperation by means of register-switching are described.

Key words: asymmetry; attractor; cognitive resources, cooperation; conflict; cultural interpretations; intercultural communication; politeness; parameter; pragmatic context.

Расширение области межкультурного и межэтнического взаимодействия вводит в фокус исследовательского интереса проблему управления когнитивными и коммуникативными различиями контактирующих культур. Несовпадение моделей категоризации и концептуализации [2] прогнозирует формирование очагов дискурсивного напряжения, порождающего межкультурные и межэтнические конфликты. Соответственно, ставится задача преодоления когнитивного и коммуникативного диссонансов в условиях взаимодействия культур и языков. Тем самым запускается поиск инструментов разрешения культурно-языковых противоречий в процессе развертывания межкультурного и межэтнического диалога.

В настоящей статье раскрывается стратегический потенциал дискурсивного переключения регистров как **системного оператора**, изменяющего интенциональный вектор коммуникативного события: от конфронтации к кооперации. Регистровые значимости входят в число базовых показателей, определяющих социолингвистические категории [8]. В данной работе под регистром понимается характер ориентирующего взаимодействия с учетом интенциональных показателей участников коммуникативного события. Ключевым принципом является ориентация на кооперативное или конфронтативное общение. Цель исследования состоит в выявлении когнитивных и языковых ресурсов, обеспечивающих последовательное продвижение языковой личности по маршруту кооперативного взаимодействия. Отметим, что принципиальным условием успешного межкультурного и межэтнического взаимодействия является совпадение интенциональностей обеих сторон в призме преодоления конфронтации культурных интерпретаций. Стратегическое значение дискурсивного переключения регистров обосновывается теоретическими положениями культурно-языковой контактологии и практическими потребностями языковой личности, осуществляющей свою деятельность в поликультурной и полиэтнической среде.

Теоретическое обоснование:

1. Дискурсивное переключение регистров органично вписывается в формат когнитивного менеджмента коммуникативных событий в условиях развертывания межкультурного диалога [1].
2. Культурно-языковые контакты приобретают новые качественные характеристики, обеспечивающие достижение межкультурного консенсуса.

3. Дискурсивное переключение регистров является необходимым условием конструирования благоприятной коммуникативной среды, расширяющей когнитивные фильтры и порождающей когнитивные аттракторы.

4. Дискурс обогащается стратегическими и тактическими решениями, которые «гасят» очаг межкультурного напряжения и обозначают контуры успешной совместной деятельности.

5. Дискурсивное переключение регистров имеет семиотическую значимость как знак доброй воли языковой личности, способной преодолеть этно- и эгоцентрические установки для успешного решения коммуникативной задачи.

Практическое обоснование:

1. Дискурсивное переключение регистров является социальным запросом глобального мира, конструируемого сетями взаимодействий культур и языков.

2. Стратегическое содержание дискурсивного переключения регистров отвечает требованиям современного уровня развития межкультурной коммуникации.

3. Языковая личность, владеющая стратегическим инструментарием дискурсивного переключения регистров, способна эффективно управлять поликультурной и полиэтнической средой.

4. Дискурсивное переключение регистров в силу своей позитивной «заряженности» способствует развитию диалога культур посредством создания области симметричных когнитивных переживаний.

5. Стратегический потенциал дискурсивного переключения регистров открывает перспективы для расширения пространства взаимодействия культур и языков.

Дискурсивное переключение регистров реализуется как выбор когнитивных и коммуникативных стилей, обладающих значительным «миротворческим» потенциалом. Стилизовое оформление этапа перехода от конфронтации к кооперации включает кластеры вежливости, дипломатичности, толерантности и языкового такта (политической корректности). Заметим, что ситуации межкультурного и межэтнического взаимодействия управляются, главным образом, аксиологическими параметрами. По этой причине дискурсивное переключение регистров обязательно предполагает обсуждение культурных ценностей в формате поиска симметричных концептуализаций и интерпретаций, обосновывающих конструирование коммуникативного

консенсуса. Аксиологический выбор языковой личности в условиях культурно-языковых контактов оформляется как разрешение **аксиологических дилемм** – проблемных ситуаций, порождаемых несопадением культурных ценностей. Прежде чем перейти к рассмотрению параметров реализации стратегии дискурсивного переключения регистров, обозначим аксиологические дилеммы, запускающие процесс конфронтации культур и языков:

- индивидуализм vs. коллективизм;
- линейное vs. цикличное время;
- высококонтекстность vs. низкоконтекстность;
- самоконтроль vs. судьба;
- универсальное vs. особенное;
- прямое vs. не прямое воздействие на собеседника.

Ценностное обоснование языкового выбора и речевого поведения участников межкультурной коммуникации помещает регистровые значимости в контекст субсидиарного (диалогового) управления проблемной ситуацией.

Дискурсивное переключение регистров имеет следующие параметрические характеристики:

1. Оператор, ответственный за переключение дискурсивного регистра – оппонент (ы) или медиатор (посредник).
2. Способ переключения дискурсивного регистра – стратегический выбор участников межкультурного взаимодействия.
3. Характер переключения дискурсивного регистра – моно- или поливекторный.

В соответствии с первым параметром определяются характеристики языковой личности, инициирующей переключение дискурсивного регистра в целях сохранения «лица» собеседников или в порядке компенсации деструктивного поведения одного из оппонентов. Рассмотрим прагматические контексты:

Marie-Louise was just very difficult, and didn't seem like a happy person. Sarah could see she wasn't. But *Jeff* more than *made for it*, with his warm, easy manner, and extensive explanations. He said the boisteries were exceptionally valuable, were probably early eighteenth century, and had been removed from a château somewhere in France, which caused a comment from Marie-Louise, this time in English.

«It's amazing how Americans stripped our country bare of treasures that should never have been let out of the country. They would never get

away with it today». She looked at *Sarah* as though she had been personally responsible for this travesty on French culture. All Sarah could do was nod and appear to agree with her. There was nothing else to say. The same was true of the floors, which were clearly far older than the house on Scott Street and had presumably been removed from a château in France and sent to the States. Jeff said he hoped that the heirs didn't try to strip the house of the parquet floors and boisteries in order to sell them separately, probably at Christie's or Sotheby's. He said they would go for a fortune, but he hoped they would stay here, which was Sarah's hope too. It would have seemed a crime to her to cannibalize the house now, after it had survived intact for so long [10, с. 150–151].

В данном фрагменте дискурса порождается очаг коммуникативного напряжения между представительницами американской и французской культур. Француженка обвиняет американцев в том, что они вывезли из Франции культурное достояние этой страны. В условиях соответствующего прагматического контекста события развиваются в американском доме, наполненном ценными артефактами, действительно привезенными из Франции, американка избирает тактику уклонения от спора, признавая обоснованность французской интерпретации событий. Очаг напряжения создается когнитивным (этноцентрическим) содержанием и агрессивным языковым оформлением (*Americans stripped our country bare of treasures*) сообщения на фоне негативных эмоциональных переживаний. Дискурсивное переключение регистров, обеспечивающее возможность продолжения диалога, осуществляется медиатором, который меняет вектор рассмотрения проблемы. Предметом обсуждения становится будущее артефактов, имеющих историческую ценность: стремление сохранить культурное наследие объединяет всех участников коммуникации. Так раскрывается роль медиатора как эксперта, способного преодолеть разрушительную силу этноцентрических установок в условиях взаимодействия представителей разных культур.

В приведенном фрагменте дискурса сами оппоненты актуализируют стратегию переключения регистров:

'Do you like our pyramid?' the agent asked.

Langdon frowned. The French, it seemed, loved to ask Americans this.

It was a loaded question, of course. Admitting you liked the pyramid made you a tasteless American, and expressing dislike was an insult to the French.

'Mitterrand was a bold man. The late French president who had commissioned the pyramid was said to have suffered from a 'Pharaoh complex'.

Single-handedly responsible for filling Paris with Egyptian obelisks, art and artefacts, François Mitterand had an affinity for Egyptian culture that was so consuming that the French still referred to him as the Sphinx.

‘What is the captain’s name?’ *Langdon asked, changing topics* [3, с. 32].

Стремление избежать столкновения оценок, мотивированных культурными и эстетическими предпочтениями коммуникантов, обуславливает выбор стратегии перемены темы как инструмента, исключающего риски развития конфликтного сценария межкультурного взаимодействия.

По 2-му параметру очерчивается круг стратегий, актуализируемых языковой личностью, ориентированной на преодоление дискурсивного напряжения, возникающего вследствие несовпадения аксиологических переживаний или столкновения интенциональностей. Такой круг формируется стратегиями, которые распределяются по следующим категориям:

- репарационные (компенсаторные);
- персуазивные;
- субсидиарные (стратегии эмпатии);
- стратегии дистанцирования;
- стратегии вежливости.

Репарационные стратегии активируются при возникновении риска развития конфликтного сценария вследствие неосторожного или целенаправленного действия одного из участников коммуникации. Такие стратегии реализуются, как правило, посредством речевого акта извинения. Например:

Under Myatt’s gaze he woke suddenly. “Well?” he asked. Myatt *apologised*. “I didn’t mean to wake you... You’ve found a compartment all right?”

“Yes”.

Myatt said impulsively. I thought perhaps you were finding it hard to rest. I have some aspirin in my bag. Can I lend you a few tablets? The man snapped at him: «I have everything I want. I am a doctor». From habit Myatt watched his hands, thin with the bones showing. He *apologised again* with a little of the excessive humility of the bowed head in the desert. “I’m sorry to have troubled you. You looked ill. If there is anything I can do for you” [6, p. 18].

Субсидиарные стратегии мотивируются эмоциональными переживаниями, порождающими пространство эмпатии, в рамках которого осуществляется переакцентуация аксиологических смыслов:

отчуждение замещается сопереживанием. Субсидиарность реализуется речевыми актами выражения понимания и сочувствия. Приведем пример:

“Madame, said Poirot, “I will come out into the open. I will,” he smiled, “place my cards on the table. Your husband did not die of fever. He died of a bullet!”

“Oh!” she cried.

She covered her face with her hands. She rocked herself to and fro. She was in terrible distress. But somewhere, in some remote fibre of her being, she was enjoying her own emotions. Poirot was quite sure of that.

Again Poirot leaned forward - again he tapped her knee.

“You misunderstand me-you misunderstand me utterly,” he said. “I know very well that it was not you who shot him. It was Major Despard. But you were the cause”.

“I don’t know. I don’t know. I suppose I was. It was all too terrible. There is a sort of fatality that pursues me”.

“Ah, how true it is,” cried Poirot. “How often have I not seen it? There are some women like that. Wherever they go, tragedies follow in their wake. It is not their fault. These things happen in spite of themselves”.

Mrs. Luxmore drew a deep breath.

“You understand. I see you understand. It all happened so naturally”

[5, с. 136–137].

Актуализация стратегии сопереживания оппонентом, решающим задачу получения необходимых сведений, «разоружает» его собеседника и обеспечивает успех его миссии, которая заключается в том, чтобы узнать истинное положение дел.

Стратегии *дистанцирования* блокируют развитие ситуации открытого противостояния участников дискурсивного события посредством выбора речевых актов и языковых дескрипций, исключающих или маскирующих фактор эмоциональной вовлеченности языковой личности в дискурсивное пространство, формируемое интенциональностью оппонента. Дискурсивный репертуар дистанцирования конструируется речевыми актами отстранения и умолчания. Ср.:

“You are Doctor Czinner,” and she noted with an increase of anger that he *didn’t trouble to deny his identity, proffering her carelessly the name he travelled under*. “My name is John”.

“Doctor Czinner,” she growled at him, closing her great teeth on her lower lip in an effort at self-control.

“Richard John, a schoolmaster, on holiday”.

“To Belgrade”.

“No.” He hesitated a moment. “I’m stopping at Vienna” [6, с. 48].

Противостояние оппонентов в приведенном фрагменте дискурса перемещено в сферу их внутренних переживаний, что передается авторскими комментариями: *with an increase of anger, closing her great teeth on her lower lip in an effort at self-control*. На уровне дискурсивной репрезентации имеет место обмен короткими нейтральными (лишенными эмоциональной «ауры») репликами, заданными стратегической иллокуцией одного из оппонентов, ориентированного на развитие неконфликтного сценария взаимодействия со своим собеседником в целях блокирования информации о своей реальной идентичности.

Стратегии *вежливости* конструируют дискурсивное пространство в соответствии с управляющим параметром сохранения «лица» собеседника. С учетом двух разновидностей вежливости: «позитивной» и «негативной» [4, с. 2], стратегический инструментарий вежливости включает средства выражения одобрения солидарности и непрямого (косвенного) воздействия на собеседника. В таком контексте дискурсивное переключение регистров оформляется как замена критических и импозитивных дескрипций их этикетными аналогами. Например:

“I hope, Madame,” said Hercule Poirot, “that you will forgive this visit”.

Looking directly at him, Mrs. Lorrimer asked:

“Is this a professional visit?”

“I confess it”.

“You realize, I suppose, M. Poirot, that though I shall naturally give Superintendent Battle and the official police any information and help they may require, *I am by no means bound to do the same for any unofficial investigator?*”

“I am quite aware of that fact, Madame. *If you show me the door, me, I march to that door with complete submission*”.

Mrs. Lorrimer smiled very slightly.

“I am not yet prepared to go to those extremes, M. Poirot. I can give you ten minutes. At the end of that time I have to go out to a bridge party”

[5, с. 74–75].

В данном контексте вежливость становится ключевым фактором и основным инструментом переключения дискурсивного регистра: изначальная оппонирующая позиция одного из участников

дискурсивного события замещается кооперативной интенциональностью вследствие насыщения дискурса формулами вежливости, актуализируемыми языковой личностью, заинтересованной в получении соответствующей информации. Дискурсивная ценность вежливости подтверждается достижением перлокутивного эффекта, включенного в содержание интенционального запроса.

Стратегии *убеждения* реализуют намерение изменить точку зрения собеседника в отношении той или иной ситуации или того или иного человека посредством объяснения мотивов его поведения, порождающего очаг дискурсивного напряжения. Приведем пример:

“I was kind too,” said Mrs. Oliver, “but it didn’t seem to go down very well, did it? In fact, I think your friend rather resented my coming”.

“Oh, she didn’t – really she didn’t. <...> You see, I saw you had got it all wrong. She did seem very ungracious, but it wasn’t that, really. I mean, it wasn’t your coming. It was something you said”.

“Something I said?”

“Yes. You couldn’t tell, of course. It was just unfortunate”.

“What did I say?”

“I don’t expect you remember, even. It was just the way you put it. You said something about an accident and poison”.

“Did I?”

“I knew you’d probably not remember. Yes. You see, Ann had a ghastly experience once. She was in a house where a woman took some poison – hat paint, I think it was – by mistake for something else. And she died. And, of course, it was an awful shock to Anne. She can’t bear thinking of it or speaking of it. And your saying that reminded her, of course, and she dried up and got all stiff and queer like she does. And I saw you noticed it. And I couldn’t say anything in front of her. But I did want you to know that it wasn’t what you thought, she wasn’t ungrateful”.

Mrs. Oliver looked at Rhoda’s flushed eager face. She said slowly:

“I see” [5, с. 114–115].

Задача гармонизации отношений оппонентов, проявляющих настороженность и подозрительность вследствие упоминания о трагической ситуации, содержащей угрозу для одного из собеседников, решается медиатором путем применения стратегии убеждения, конструируемой наборами аргументов, восходящих к мотивам табуирования дискурса, «воскрешающего» прошлые события.

По 3-му параметру различаются моно- и поливекторные дискурсивные контексты. *Моновекторный* контекст содержит один

управляющий параметр, посредством активации которого языковая личность переключает дискурсивный регистр. Организация контекста получает свое содержательное описание в терминах менеджмента как системы управления целеориентированной человеческой деятельностью [9].

Chester was just raising his hand to knock on his door, when the man said: ‘Pardon me. You are, I think, Richard Donlevy?’
The name meant Atlanta to Chester. The Suwanee Club.
‘No,’ said Chester blankly.
Or- Louis Ferguson?’
That was Miami. Chester shook his head. ‘No. Sorry.’
‘You are travelling with your wife, yes? May i have a few words with your wife in your room, sir?’
‘Why? What’s all this about?’
‘Perhaps nothing,’ the man said with a smile. ‘I represent the Greek police. I should like to ask you a few questions’ [7, с. 24–25].

В данном контексте менеджмент речевой ситуации регулируется параметром вежливости, актуальным для обоих оппонентов, заинтересованных в сохранении неконфликтного формата общения при наличии скрытой угрозы для одного из собеседников.

Поливекторный контекст раскрывает комплекс приемов, применяемых языковой личностью в целях оптимизации межкультурного и межэтнического взаимодействия посредством переключения дискурсивного регистра:

He came back, sat down in his chair, placed both hands on his knees and stared straight at his hostess.
“The question is,” he said, “can Hercule Poirot possibly be wrong?”
“No one can always be right,” said Mrs. Lorrimer coldly.
“I am,” said Poirot. <...> Presumably, you know what you are saying. It is your murder. Fantastic, then, that Hercule Poirot should know better than you do how you committed it”.
“Fantastic and very absurd,” said Mrs. Lorrimer still more coldly.
“I am, then, mad <...>.”
He paused. Mrs. Lorrimer drew in an angry breath and bit her lips. She was about to speak, but Poirot forestalled her.
“Either the killing of Shaitana was planned beforehand –or you did not kill him at all.
Mrs. Lorrimer said sharply.

“I really believe you are mad, M. Poirot. <...>

Poirot got up again and took one turn round the room. When he came back to his seat his manner had changed. He was gentle and kindly.

“You did not kill Shaitana,” he said softly. I see that now. I see everything.

Harley Street. And little Anne Meredith standing forlorn on the pavement.

<...>. But one thing I don’t see – why are you so certain that Anne Meredith did it?”

“Really, M. Poirot...”

“Absolutely useless to protest – to lie further to me, madame. <..> You see that, do you not?”

He paused for an answer, but none came. He nodded his head in satisfaction.

“Yes, you are sensible. That is good. It is a very noble action that you perform there, madame, to take the blame on yourself and to let this child escape”.

“You forget, ” said Mrs Lorrimer in a dry voice, “I am not an innocent woman. Years ago, M. Poirot, I killed my husband...”

There was a moment’s silence.

“I see,” said Poirot. “It is justice. After all, only justice. <...> But I ask of you once more: How can you be so sure? How do you know that it was Anne Meredith who killed Mr. Shaitana?”

A deep sigh broke from Mrs. Lorrimer. Her last resistance had gone down before Poirot’s insistence. She answered his question quite simply like a child.

“Because,” she said, “I saw her” [5, c. 164–166].

Приведенный фрагмент дискурса эксплицирует процесс управления речевым поведением собеседника путем применения комплексного инструментария, обеспечивающего формирование солидарности участников коммуникации. Последовательное переключение дискурсивных регистров (в формате: конфронтация – дистанцирование – кооперация) включает в дискурсивное пространство разные векторы воздействия на собеседника: вежливое участие, убеждение оппонента (выстраивание системы аргументации), комплиментарные описания. Тем самым обеспечивается сотрудничество оппонента в ходе решения коммуникативной задачи.

Суммируя сказанное, отметим, что переключение дискурсивных регистров является эффективным инструментом преодоления когнитивного и коммуникативного диссонансов в условиях культурно-языковых контактов. Его «созидающий» потенциал раскрывается комплексом стратегий, обеспечивающих формирование дискурсивной

солидарности в призме снижения рисков развития конфликтных сценариев. Конструирование поликультурной и полиэтнической среды по типу кооперативного взаимодействия включает дискурсивное переключение регистров в качестве базового параметра, управляющего ее категориальными и функциональными характеристиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Казыдуб Н.Н.* Когнитивный менеджмент во взаимодействии языков и культур // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; Министерство образования и науки РФ, РАН, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р.Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Вып. XIII. Ментальные основы языка как функциональной системы: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. Н.А.Беседина. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2013. – С. 104–113.
2. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б.Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
3. *Brown D.* The Da Vinci Code. – London: Corgi Books, 2009. – 590 p.
4. *Brown P., Levinson S.C.* Politeness: some universals in language usage (Studies in intercultural sociolinguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
5. *Christie A.* Cards on the Table. – London and Glasgow: Collins; Fontana books, 1958. – 192 p.
6. *Green G.* Stamboul Train. – М.: Менеджер, 2003. – 256 с.
7. *Highsmith P.* The Two Faces of January. – London: Penguin Books, 1988. – 284 p.
8. *Hudson R.A.* Sociolinguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 279 p.
9. *Montana P.J.* Management. – 3rd ed. – New York: Barron's, 2000. – 541 p.
10. *Steel D.* The House. – London: Corgi Books, 2007. – 510 p.

УДК 81.00

У. В. Смирнова

кандидат филологических наук, докторант кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: yanasmirnova@hotmail.com

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ СУБЪЕКТА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Большинство работ по лингвистике последних десятилетий постулирует изучение языка в рамках антропоцентрического подхода. Не отрицая невозможность рассмотрения языка вне бытия человека, хотелось бы сместить исследовательские акценты и вновь обратиться к вопросу исчезновения субъекта высказывания. Это желание вызвано рядом тенденций, преобладающих в семиозисе настоящего времени. Главной лингвистической меткой этих процессов является феномен технологичности, философскую основу которого стоит усматривать в теории познания Ницше и дискурсе власти М. Фуко. Познание, по Ницше, есть форма проявления власти, следовательно, оно характеризуется свойствами контролировать и подчинять. Эту мысль прямо постулирует М. Фуко, говоря о том, что дискурс власти – это всегда дискурс субъектов, знающих как управлять другими. Исполняя знания о человеке, современные технологи стремятся к элиминации самостоятельного субъекта высказывания и подмене его создаваемой ими копией. Важным средством в технологичной организации подобного дискурса манипуляции является репрессивная поэтика.

Ключевые слова: манипуляция; коммуницирование; дискурс; исчезновение субъекта высказывания; симулякр; репрессивный поэтический образ; Наблюдатель; контролер; образ Путина; образ «девочка на коньках».

Smirnova U. V.

Candidate of Philology, Post-doctoral Scholar, MSLU ELI;
e-mail: yanasmirnova@hotmail.com

RETURNING TO THE PROBLEM OF THE SUBJECT AS THE AUTHOR OF HIS/HER DISCOURSE

The majority of linguistic papers of the last few decades postulate that language should be studied within the boundaries of anthropocentric approach. I certainly don't claim that it is possible to consider language as being separated from the human mind but I would like to shift the focus of my research attention and return to the problem of the subject of utterance as the originator of his or her discourse. The necessity of this reflection is generated by a number of tendencies which dominate the semiosis of modern times. The main linguistic tracer of these semiotic processes might be the phenomenon of technologisation of discourse, which philosophically stems from Nietzsche's theory of knowledge and Foucault's

discourse of power. According to Nietzsche, knowledge is a form of power, and as a result, it enables one to control and subdue. This thought is directly articulated by M. Foucault, who says that the discourse of power is always a discourse of people who know how to control others. With the use of knowledge about the human mind, modern specialists are able to substitute the author of the utterance with a simulacrum. Repressive poetics is an important method of technological organisation of such discourse of manipulation.

Key words: manipulation; pseudo-communication; discourse; elimination of the subject of discourse; simulacrum; repressive poetic image; observer-controller; Putin; «the girl on skates».

В лингвистических исследованиях последних нескольких десятилетий постулат об антропоцентричности предвывает множество работ, диссертаций и монографий. Однако, принимая это утверждение как исходную посылку, мы рискуем упустить из внимания серьезную проблему субъекта высказывания, которая, как видится, становится все более острой. Не полемизируя относительно невозможности изучения языка без тесной взаимосвязи с мировоззрением человека, его внутренним миром и практической деятельностью, считаем необходимым заострить вопрос о том, кто и что формирует языковую среду человека. В связи с этим возникает потребность прояснить: *кто* является главным действующим лицом мира, изнутри которого говорит субъект.

Проблему исчезновения субъекта высказывания традиционно связывают с высказыванием Р. Барта о смерти автора и идеями о интертекстуальности, развитыми в работах Ю. Кристевой. Р. Барт меняет ракурс рассмотрения текста и предлагает анализировать его как новую ткань, сотканную из старых цитат, сочетающую в себе разные виды письма: письмо автора, письмо читателя, письма разных культурных контекстов. Не удивительно, что подобная идеологическая позиция требует серьезного пересмотра субъективного авторства текста, поскольку деятельность письма обезличивается и лишается индивидуальных характеристик (таких, например, как «страсть, настроение и впечатление») [1, с. 388]. Для анализа остается лишь «необъятный словарь», из которого Скриптор, приходящий на смену Автору, черпает письмо. Таким образом, вопросы смерти автора в первую очередь сопряжены с уничтожением уникального и неповторимого источника письма и «восстановлением в правах» (по выражению самого Барта) Читателя и Текста [1, с. 385, 388]. Неизбежным следствием такого парадигмального сдвига становится доминирование термина «интертекстуальность», теснящего в терминологической обойме понятие интересубъективности.

Тотальное подавление субъекта языком не трагично по своей сути у Барта. Наоборот, это в определенном смысле торжество свободной интерпретации, которая тем не менее, как отмечается У.Эко, сдерживается текстом [9]. В то время как автор, рассматриваемый ранее как единственный источник смысла и правильной интерпретанты, «умирает», на первый план выходит сам Текст и Читатель. Другими словами, на смену творческому началу приходит свободный творец-интерпретатор.

«Текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель. Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» [1, с. 389].

Забегая вперед, отметим, что в настоящее время те же самые мысли приобретают совсем иной смысл. Современная технологизация дискурса, т. е. создание его по определенным правилам воздействия, подчиняющимся некоему алгоритму, лишает Читателя возможности быть точкой, сводящей воедино интерпретанты. Напротив, он становится той точкой, в которой эти интерпретанты эффективно сводятся сокрытым для него образом. Разница заключается в свободе интерпретации: в первом случае субъект прилагает усилия для интерпретации смыслов и следует законам диалогического кооперативного общения, а во втором – подвергается агрессивному, но неявному семиотическому воздействию и оказывается втянутым в чуждое ему идеологическое пространство.

Идея особого пространства субъекта, в которое проецируются все аспекты письма, позволяет осуществить логический переход к теории М. Фуко. Согласно его воззрениям дискурсивная формация вбирает субъект высказывания и определяет то, что он может сказать. Та же самая мысль высказывается в теории Т. Куна, в которой круг проблем, имеющих смысл и решение, строго очерчен рамками определенной парадигмы [3]. Поддерживая дискурс, субъект, по М. Фуко, занимает или принимает место, из которого он говорит. При этом дискурс

перестает пониматься как феномен выражения, как манифестант мыслей и познания субъекта, но анализируется как «совокупность, в которой могут определяться рассеивания субъекта и, вместе с тем, его прерывности» [6, с. 55–56].

Необходимо помнить, что для М. Фуко такой подход является методологической познавательной установкой. Его отказ от антропоцентризма является эвристическим приемом и обусловлен рядом причин. Философа принципиально не устраивает фигура автора, потому что он ставит цель создать стройную систему анализа, способную работать автономно, вне зависимости от интерпретатора. Изгнать антропоцентризм нужно именно потому, что при интерпретации слишком большой груз ответственности возлагается на личность интерпретатора и его авторское Эго. Автор как нечто уникальное и неповторимое не устраивает М. Фуко, стремящегося создать некий повторяющийся инвариант, и в этих идеях он опирается на К. Маркса, критиковавшего введение в социологию личности автора и индивидуальных личностных характеристик.

М. Фуко призывает следовать логике формации, играющей ключевую роль в том, какое значение приписывается знакам. Субъект управляется формацией, определяющей его дискурс. Так, например, в науке можно рассуждать только исходя из некоего единства терминологии, которая объективно существует независимо от меня лично. Подобная ситуация складывается относительно совокупности высказываний, когда от воли конкретного субъекта мало что зависит.

Это значит, что мы не можем говорить – все равно в какую эпоху – все, что нам заблагорассудится; нелегко сказать что-либо новое, – недостаточно открыть глаза, обратить внимание или постараться осознать, чтобы новые объекты во множестве поднялись из земли, озаренные новым светом. Эта сложность не является только отрицательной, ее не следует связывать только с препятствиями, которые могут лишь ослепить, смешать, воспрепятствовать открытию, замутнить чистоту очевидности или обнажить немое упорство самих вещей. Объект не дожидается в своем убежище порядка, который вернет ему свободу и позволит перевоплотиться в видимую и праздноболтающую объективность; он не предшествует самому себе, сдерживаемый препятствиями в первых границах света. Он существует в позитивных условиях сложного пучка связей [6, с. 45–46].

Означенные проблемы пересекаются с плоскостью семиотических споров касательно ограничений в природе интерпретации [9].

На противоположных концах исходной интерпретативной оси располагаются Автор, с одной стороны, и Текст и Читатель, с другой стороны. Признание Автора источником всех смыслов Текста и местом концентрации всех значений характерно в настоящее время лишь для сугубо литературоведческого анализа, но вот между Текстом и Читателем продолжает идти борьба за право доминирования. Принимая за исходный отсчет смысла Текст, исследователь полагает, что все основные интерпретанты рождаются в рамках семиотического единства Текста. Такой подход не исключает активность интерпретатора, но подразумевает, что иницилирующим моментом семиозиса является определенная данность текста, которая своим построением ведет Читателя. Полярная точка зрения заключается в том, что интерпретатор свободен сформировать такую интерпретанту, которая бы соответствовала его собственным целям и потребностям. Часто цитируемое У. Эко высказывание Р. Рорти прекрасно иллюстрирует эту точку зрения: «the interpreter beats the text into a shape which will serve his own purpose»¹.

Рассуждая о семиозисе Нового времени, можно утверждать, что ни Текст сам по себе, ни тем более самостоятельный свободный интерпретатор, но стоящий за текстом технолог, которого можно назвать контролером системы, моделирует интерпретанту адресата. Д. Фостер в своей книге «Разумная вселенная» проанализировал десятки систем самого разного свойства и пришел к выводу, что контролер системы никогда самой системой не воспринимается, не опознается. Контролер для системы – всегда невидимка [10]. Контролер должен предвидеть итог коммуникации и все возможные отклонения, ему также необходимо время для обдумывания возможного коммуникативного лавирования. Это возможно только тогда, когда он работает в другом формате и в более быстром режиме, чем управляемая им система [там же, р. 125].

Эти мысли тесно сопряжены с теорией безликого Наблюдателя, противопоставленного Наблюдателю как субъекту восприятия и познания и Говорящему как субъекту речи [7]. Вводя субъект в идеологическое пространство какой-то точки зрения, контролер превращает его в симулякр, функция которого заключается в постоянном воспроизведении необходимого заказчику смысла. В данном случае действительно болезненно отзываются слова Барта о том, что «высказывание

¹ Цит. по: [9, с. 145].

как таковое – пустой процесс и превосходно совершается само собой, так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих» [1, с. 386].

Итак, в процессе обсуждения проблемы исчезновения субъекта высказывания в дискурсе постмодерна мы сдвигаемся от бартовского интерпретатора как точки, самостоятельно сводящей воедино все смыслы в тексте, к фукольдианскому месту, из которого субъект транслирует порядок дискурса, где его роль ограничена лишь тем, чтобы принять дискурс во всей характеризующей его совокупности диагностических высказываний или отказаться от него. Фукольдианский субъект шагает в дискурс, принимает его, выбирает его, но не порождает его, если понимать дискурс как систему связей в виде совокупности высказываний, диагностичных для какого-то Времени Культуры. Так, например, высказывания о Гитлере и нацизме звучат в настоящее время все чаще и чаще совсем неслучайно. Подобная семиотическая особенность обусловлена Временем Культуры, которое можно обозначить как «Конец эпохи мультикультурализма». Маркеры этого явления становятся очевидными при анализе политической и общественной жизни – рост ультранационалистических настроений, победа на выборах националистических партий в Европе, евроскептицизм, кризис глобализма, толерантности и эмиграции. И поэтому как данность, не зависящая от субъекта, возникают в речи высказывания, связанные со знаком «Гитлер»: Билл Гейтс в образе Гитлера; Ангела Меркель с усами Гитлера на плакатах демонстрантов в Греции; Обама, лоббирующий закон о запрете автоматического оружия; политические решения В. В. Путина; действия Китая по экспансии в Южно-Китайском море; конфликт на Украине. Знак «Гитлер» характеризуется столь высокой активностью, потому что сегодня преобладает особая интенциональность социума – национальные интересы превыше всего.

Как видится, перемещение интерпретатора от бартовской точки к фукольдианскому месту замыкается его превращением в интерпретатора-симулякра. Интерпретатор-симулякр – это субъект, интерпретативные усилия которого строго смоделированы в рамках реализации некоей технологии. Более того, он изначально запрограммирован на воспроизводство этих чужих ему смыслов. Наблюдается своеобразный кантовский динамизм: с одной стороны, есть Автор как тот конкретный человек, который написал Текст, или есть субъект

высказывания, который говорит «я думаю то-то и то-то», но, с другой стороны, функционирует сосюрловская система языка самого в себе. В этом заключается отход от антропоцентризма в эпоху постмодерна: используя знания о человеке, современные технологи стремятся к элиминации самостоятельного субъекта высказывания и подмене его создаваемой ими копией. Технологом создается самодостаточная и скрепленная система, которая нацелена на однозначность, а самое главное – предсказуемость восприятия. Необходимыми составляющими подобного процесса являются отсутствие истинного диалога в контексте подмены коммуникации коммуницированием, а также организация дискурса по принципам репрессивной поэтики.

Теория репрессивного поэтического образа [4] разрабатывает идеи, высказываемые в данной статье, в философском поле и является перспективной с точки зрения изыскания инструментов анализа дискурса манипуляции. Речь идет об оформлении идеологических смыслов в высоко поэтичные образы, которые в отличие от истинных поэтических образов являются не средством свободного выражения, но манипуляционным способом подавления. Для попытки анализа репрессивного поэтического образа и рассмотрения особенностей сокрытия контролирующей интерпретацию фигуры возьмем статью В. Шендеровича «Олимпийская война: Путин и девочка на коньках» от 10 февраля 2014 г. [8].

Как свидетельствует название статьи, центральным поэтическим образом рассматриваемого дискурса является образ девочки на коньках (см. рис. 1). Хотя имя объекта действительности, соотносимого с «девочкой на коньках», знакомо и говорящему и адресату, мы не можем объяснить намеренный отказ от конкретной референции просто фактом известности имени объекта. Стоит рассуждать о желании сделать знак референциально и семантически диффузным и, как следствие, наполнить его теми смыслами, который автор стремится репрессивно донести в своем дискурсе. Анализ покажет, что создаваемый автором образ «девочки на коньках» репрессивен, т. е. призван подавить иные, кроме авторской, интерпретации с помощью особых технологических средств языка.

Выбор экзистенциальной референции «некая девочка, обладающая рядом признаков» есть первый и основной шаг в создании репрессивного поэтического образа «девочки на коньках», символизирующего, по мысли автора, процессы, происходящие в российском

обществе и политике. На это указывает конъюнкция конструкции «девочка на коньках», предназначенной для именованного вполне конкретного субъекта, и имени собственного Путин, беспрецедентного по своей прагматической силе в данном Времени Культуры. Отвлеченный характер образа «родная пятнадцатилетняя красавица на коньках», «гениальная девочка, взлетающая на коньках», призван удалить адресата от интерпретации событий, связанных фамилией и именем, конкретным местом и временем, и придать дискурсу другой характер.

Рис. 1. Фотография Юлии Липницкой

На первый взгляд, этот образ изоморфен, т. е. мы наблюдаем на фотографии объект, структура которого тождественна объекту действительности. Но также очевидно, что этот образ одновременно является и метафорой, и аллегорией. Его символическая сложность открывается в высказывании, которое замыкает единую петлю интерпретанты, разворачиваемую в дискурсе – «гениальная девочка ...

повышает наши шансы отбросить коньки». Актуализируемая фразеологическая модель «отбросить коньки/откинуть копыта/протянуть ноги», семантика которой сводится к грубо-просторечному «умереть, подохнуть, загнуться», реализует метафору образа: «наше любовное сложными пируэтами фигуристки приводит к гибели». Игра знаков построена во многом на том, что в синтаксис вовлечены антонимические связи физического движения вверх и метафорического движения вниз: взлетать, прихватывать вверх, повышать VS. отбрасывать коньки (падать, умирать).

Выбранная фотография служит целям реализации метафорического значения: позиции ноги и тела, составляющие сложную фигуру, и стертость, неакцентированность лица девушки высвечивают на горизонте интерпретации гениальную сложность исполняемого юной фигуристкой движения и конек как самый главный операционный элемент в выстраиваемой технологичной цепочке. Используя теорию обратной перспективы П. А. Флоренского, видим, что создается особое перспективное единство восприятия образа, которое не вполне совпадает с возможной видимой перспективой восприятия реального объекта. Ракурс рассмотрения фигуры смещает внимание с индивидуальных характеристик субъекта к более абстрактным идеям и свидетельствует о стремлении автора активировать особое эмоциональное отношение, высветить на интенциональном горизонте интерпретатора сложный пучок связей: красота и профессионализм, которые губят страну; молодость и талант, используемые в пропагандистских целях.

Образ девочки на коньках осложняется особыми отношениями, которые устанавливаются между ним и словесным образом немецкого нациста – толкателя ядра. Это способствует привлечению в поле интерпретации смыслов, связанных с фашизмом, смертью и кровью:

Мне очень нравится эта девочка на коньках. Очень! Но если бы вы знали, как нравился берлинцам летом 1936 года толкатель ядра Ханс Вельке, первый немецкий чемпион в легкой атлетике, улыбочивый парень, красавец, символизирующий молодость новой Германии [8].

Через актуализацию сопровождающего образа, которая осуществляется посредством синтаксического повтора глагола чувств «нравится», открывается та связь, которую автор вводит как прямое отношение между абстрактной идеей и свойствами конкретных объектов. Единицами свойствами объектов являются внешняя красота, талант,

улыбка: «родная пятнадцатилетняя красавица на коньках» и «первый немецкий чемпион в легкой атлетике, улыбочивый парень, красавец». Внешний вид очень важен, поэтому и выбирается глагол чувств «нравится» с его преимущественной семантикой симпатии / расположения / приятия, основанных на внешнем визуальном восприятии. Автор подчеркивает, что внешний вид объектов, составляющих образ, является неотъемлемым атрибутом раскрываемой им цели.

Мы становимся свидетелями того, как осуществляется семиотическая попытка создать идеологический знак-миф: целостный знак «девочка на коньках» становится означающим для вкладываемого идеологического содержания «молодость, красота и спортивные таланты скрывают нечто очень важное; они служат пропаганде государственной политики». Более того, критикуемое государственное устройство приобретает вполне четкое наименование – «фашизм». Образ – это всегда личностное переживание, с помощью поэтических средств языка автор находит возможность личностному и субъективному отозваться на горизонте интенциональности Другого. Этой же цели служит реактуализация Времени Культуры нацизма, в процессе которой все объекты в дискурсе четко референциально соотносятся и отзываются в нашей архетипической памяти очень остро.

Создание особо чувствительных очагов на интенциональном горизонте интерпретатора при помощи синтаксических связей, соединяющих элементы разных Времен Культуры, является весьма распространенным. Сравним идентичную связь, указывающую на пропаганду политической повестки дня в спортивных мероприятиях, на примере высказывания из антиправительственного дискурса в Америке. Известный теоретик разных заговоров А. Джонс, утверждает, что Б. Обама использует спортивное соревнование в качестве средства агитации [11]. При этом он апеллирует к тому же самому прецедентному событию, которое упоминает автор рассматриваемой нами статьи, – Олимпийским играм в 1936 г. в Мюнхене:

Alex Jones, who last made headlines with a notorious anti-gun control rant on Piers Morgan's show, said the NFL's decision proved the league was «anti-family», «anti-liberty», and «anti-American». Worse yet, Jones said, the NFL was in cahoots with the imperialistic Obama Administration, which is using the Super Bowl as a venue for political propaganda, just like Hitler did with the 1936 Munich Olympics [12].

Поэтическая образность является инструментом, способствующим навязыванию своего пути интерпретации. В рассматриваемом нами дискурсе поэтика концентрируется вокруг центрального образа девочки на коньках, аллегория и символизм которого раскрываются с помощью поэтизации интегрированных в его структуру признаков: «шизофрения», «текущая кровь», «варево ведьм». Они являются своеобразными метаконцептами, применимыми, по мысли автора, ко всему строю российской жизни и внутренне ему присущие. Так, например, шизофрения концептуализирует вводимое в дискурсе раздвоение на «их государство» и «твою страну», в котором знак «Родина» выносится за пределы понимания семантики знака «твоя страна» и включается в чужое, «их» пространство административной власти:

Гражданская олимпийская война, разразившаяся в «Фейсбуке» еще во время церемонии открытия, выявила обнаженный нерв вечного вопроса: где кончается их государство и начинается твоя страна? Толстой, конструктивисты, Гагарин с Королевым, а ты сидишь, нос воротить? – да ты Родину не любишь! Встречный вариант: Чечня, Магнитский, Путин с «питерскими», воровство с узурпацией, а ты сидишь, пускаешь слюни разноцветными колечками? Во время таких церемоний хорошо быть круглым идиотом, чтобы и гармония была полной. У мало-мальски рефлексирующего человека душа, конечно, идет на разрыв [8].

Здесь, как и далее в дискурсе задействуются основные прототипические признаки концепта «шизофрения» – расщепление рассудка и раздвоение личности. Эти признаки находят свою реализацию в семантике, прагматике и синтаксисе дискурса. Семантика психической болезни, ведущей к раздвоению и расстройству психики, онтологизируется в метафорах «душа на разрыв», «сидишь, пускаешь слюни разноцветными колечками», в идиоме «хорошо быть круглым идиотом». Обратим внимание на творческий характер этих метафор, явившийся результатом нового синтаксиса устойчивых в языке фразеологических оборотов. «Душа разрывается» значит испытывать глубокую тоску, печаль, боль. «Душа идет на разрыв» в большей степени означает когнитивный диссонанс, вызванный столкновением конфликтных представлений о происходящем в стране; в дискурсе непосредственно соотносится не с печалью, а с шизофренией сознания. «Пускать слюни» значит желать чего-то очень сильно, например, съесть или получить. «Пускать слюни разноцветными колечками» создает образ психически больного человека, при этом подчеркивается слабоумная

восторженность и наивность субъекта. «Пускаемые разноцветные колечки» семантически связаны с дескрипцией «круглый» в характеристике «круглый идиот», что является маркером дальнейшего семантического и синтаксического развития метафоры.

Метафора органически связана с поэтическим видением мира, однако творимая в дискурсе поэтика по сути репрессивна. Разворачивая метафоры в тексте, автор творит особую прагматику всего дискурса, которую можно характеризовать как искаженное, идиотичное, слабоумное восприятие окружающей действительности. При соединении нескольких метафор в одну метафорическую систему создается более общая метафора русского человека, подобного идиоту, любующемуся успехами русской спортсменки и не понимающему истинное назначение ее действий.

Очень важным моментом является то, что автор апеллирует к *ratio*, так как рефлексия – это рациональный мыслительный процесс, но синтаксически связывает рациональное с аффективным: *«У мало-мальски рефлексирующего человека душа, конечно, идет на разрыв»*. Таким образом, порядок построения дискурса дискурсивно-логический, а средства – мифо-поэтические, сводящие все интерпретанты в единый фокус. Противоречие скрыто в самом дискурсе и задается позицией контролирующей системы. Адресат вводится в круг психической болезни, заблуждения, выбора в интерпретации событий, но с помощью оценки, рассеиваемой в синтаксисе, скрытой аргументации ему словно открываются глаза на единственно правильную интерпретанту. Адресат находится внутри круга шизофрении, а контролер – вовне. Контролер видит «истинное положение» дел и раскрывает его для адресата. «Мало-мальски» как аргументативный модификатор утверждает, что даже в очень маленькой степени способные анализировать люди должны осознавать аспекты действительности, которые намеренно означиваются метафорически: *«варево ведьм»*, *«душистые травки для одурманивания человека»*, *«ведьмин рецепт»*, *«кликлушеская череда праздников»*, *«клятые интеллигенты, побивающие себя в кровь собственными цепями»*.

Структурно концепт «шизофрения» реализуется в диалоге, который фиксирует раздвоение личности на «их государство» и «твою страну». Обратим внимание на то, что в конструируемом диалоге личное местоимение «ты» играет сложную роль. С одной стороны, оно относимо к говорящему, позиция которого не совпадает

с Наблюдателем; говорящий говорит о себе от второго лица и воспроизводит возможный диалог между собой и неким оппонентом. С другой стороны, выбирая синтаксическую структуру «а ты сидишь, нос воротишь... да ты Родину не любишь,... а ты сидишь, пускаешь слюни...» вместо «вы мне говорите..., а я вам отвечаю...», говорящий создает образ обобщенно-личностного субъекта и фокусирует внимание на вводимое в дискурсе шизофреническое раздвоение, где «встречный вариант» в диалоге может быть охарактеризован как раздвоение психики.

Вся конструкция дискурса демонстрирует несколько ключевых модусов, разворачиваемых вокруг миров, поддерживаемых сложной системой личных местоимений. С помощью личных местоимений создатель дискурса маневрирует между набрасываемыми проекциями смысла и сдвигает горизонт интерпретации адресата в нужном ему направлении. Выявляются три структурных блока:

– «они и ты», маркируемое размышлениями о поиске себя внутри концепта «шизофрения», вводимого через разделение на «твою страну» и оппозиционное пространство, которое можно обозначить как «Путин, его администрация, Чечня, дело Магнитского и т. д.»;

– «я», в котором когнитивная схема шизофрении воспроизводится вновь, но разворачивается изнутри феноменологического мира внутреннего времени Эго говорящего; Наблюдатель и Говорящий сливаются и вновь расходятся (Могу ли я не радоваться, не гордиться и не желать / Могу ли я не понимать / Могу ли я радоваться / Вот и живи теперь в шизофрении);

– кульминационное «мы» («что-то, однако, мешает нам сегодня радоваться его победе»; «наши шансы отбросить коньки»), которое становится ритмическим итогом дискурса и объединяет «твою» и «мою» интерпретанты в замыкающей круг метафоре «наши шансы отбросить коньки».

Жонглируя мирами, автор остается участником беседы и сохраняется на поверхности дискурса, но одновременно мы видим, как отчетливо проявляется контролер, руководящий процессом интерпретации. Например, в кульминационном высказывании «вот и живи теперь в шизофрении», оставаясь вовне, контролер сводит воедино разные уровни: пространственный (здесь, в России), темпоральный (сейчас, во время Путина), нарративно-речевой (высказывается итог противоположных взглядов на объект, обращенный

к обобщенно-личностному Другому, сформулированный ритмически в восходяще-нисходящей градации; речевой акт директива, иллюкативная сила побуждения в котором скрывает два разнонаправленных вектора: *делай и не делай так, как говорится в пропозиции*) и модальный (утверждается некое положения вещей во внутреннем мире Другого – «конфликт сознания»; в рамках побудительной модальности дается критически-негативная оценка экстралингвистическому контексту и имплицитруется установка адресата на понимание истинного положения дел). Подобная позиция контролера сродни точке зрения как объективной единицы анализа дискурса, вычленение которой демонстрирует когнитивную логику его формирования [5].

Отличительной чертой синтаксиса дискурса являются параллельные конструкции, которые обеспечивают ритм. Можно смело утверждать, что вся структура дискурса держится на параллелизме. Симметрия таких конструкций, которая создается с помощью повторения того же самого порядка знаков при приблизительно равном числе знаков в следующих друг за другом предложениях, давно известное и очень эффективное средство воздействия в поэтике. В рассматриваемом дискурсе в композиции также постоянно присутствуют повторы и антитеза, в сочетании с параллелизмом создающие особый эффект восходящей градации (климакса), в то время как замыкающее высказывание представляет собой ряд нисходящей градации (антиклимакса):

Могу ли я не радоваться русскому алфавиту, не гордиться причастностью к уникальной цивилизации и не желать золота родной пятнадцатилетней красавице на коньках?

И могу ли я не понимать, что Лев Толстой, конструктивисты и пятнадцатилетняя красавица на коньках призваны сделать так, чтобы мы в восторге упоения напрочь забыли о текущем воровстве и текущей крови?

Могу ли я радоваться тому, что Путин припахал Льва Толстого, и граф исправно выполняет важную административную задачу?

Вот и живи теперь в шизофрении [8].

Рассуждая о создаваемых параллельных конструкциях, можно говорить о когнитивном моделировании синтаксиса. Манипулятивный потенциал дискурса скрывается именно в моделируемом синтаксисе, который нарушает естественный ход образования синтаксических конструкций. В теории и практике структура высказывания отражает

понимание говорящим структуры действительности и реализует в синтаксической форме «мир, увиденный и понятый носителями языка» [2]. Появление синтаксической конструкции подчиняется определенному когнитивному закону: первична прагматика говорящего, ориентирующегося в данной конкретной ситуации на действие, деятеля, состояние объекта или свойство; за прагматикой следует семантика, в процессе закрепления которой определяются смысловые блоки; цикл завершается выбором наиболее оптимальных для передачи этого смысла конструктивных возможностей синтаксиса [там же, с. 31].

При манипуляции технолог начинает с синтаксиса, который становится некой когнитивной картой для проведения необходимой семантики и прагматики. Так, например, ритмичные параллельные конструкции в высказывании *«Толстой, конструктивисты, Гагарин с Королевым, а ты сидишь, нос воротить? – да ты Родину не любишь! Встречный вариант: Чечня, Магнитский, Путин с «питерскими», воровство с узурпацией, а ты сидишь, пускаешь слони разноцветными колечками?»* с точки зрения возникающих в дискурсе семантических и прагматических эффектов образуют следующий смысл «ты Родину любишь, но ты психически больной человек». В дискурсе данный смысл поддерживается еще одним высказыванием «хорошо быть круглым идиотом, чтобы и гармония была полной». Параллельные конструкции характерны для сакральных текстов, но мы знаем, что в подобных текстах состояние знака таково, что близкое соположение знаков указывает на родственную связь референтов этих знаков в мире. Тот же самый когнитивный эффект необходим и при манипуляции.

Для данного дискурса характерна сопряженность патологии восприятия действительности с физическим насилием: «обнаженный нерв», «душа на разрыв», «текущая кровь», «побивать себя в кровь», «патриотическое живое». Тема физической боли поддерживается прецедентными именами лагерей пыток. Свойства объектов, составляющих референты *Дахау, Ковентри, Хатынь*, русскоговорящим адресатом переживаются очень остро. В этом случае нет и не может быть расхождений в интерпретации. Вводя в создавшееся интенциональное поле другие знаки, можно добиться эффекта иррадиации. Поэтому синтаксическая последовательность ряда знаков, включающая названия нацистских лагерей пыток и знаков «спортивная победа», «спортивный подвиг», настолько эффективна в своем воздействии:

Что-то, однако, мешает нам сегодня радоваться его <немецкого чемпиона> победе. Не иначе, мы в курсе итоговой цены этого спортивного подвига – цены, в которую вошли и Дахау, и Ковентри, и Хатынь, и Ленинград... Не по вине Ханса, разумеется, но так получилось, что он поспособствовал [8].

Определенная закономерность синтаксического оперирования знаками устанавливается также при соположении прецедентных имен политических деятелей современности и исторических мифологических фигур:

Олимпиада, разумеется, отличный для них случай закосить под Родину: какой там Сечин с Чуровым, какой там Бастрыкин... – Кирилл и Мефодий, Барма и Постник, Королев и Гагарин! [8].

Сам выбор знаков, как представляется, сделан на основе рифмы и созвучия. Синтаксис таков, что, будучи соположенными именам политиков, знаки-мифы лишаются устойчивого прецедентного контекста и теряют свое высокое предназначение. Стоит задуматься о десакрализации знаков, имеющих большую значимость в русской картине мира. Справедливо будет заметить, что десакрализация собственно направлена не на обесценивание сакральных образцов русской культуры, но столь свободный синтаксис «жонглирования знаками» приводит к ощущаемой десакрализации самой мировоззренческой установки на патриотизм, на любовь к своей Родине. Синтаксис свидетельствует о том, что со знаками обращаются не как с символами («припахать Льва Толстого»): *Могут ли я радоваться тому, что Путин припахал Льва Толстого, и граф исправно выполняет важную административную задачу?* Инструментальная позиция знаков указывает на их символическое обесценивание.

Предлагаемый автором игровой механизм обращения с знаками позволяет рассуждать о демифологизации. Но не в смысле демифологизации Р. Бульмана, когда бы автор стремился показать в чем вечное непреходящее содержание нарративов этих исторических лиц, независимое от любой политической конъюнктуры. Демифологизация направлена на место концепта «патриотизм» в системе ценностей субъекта. Обнаруживаемые в дискурсе интерпретанты знака «патриотизм» подавляются оценкой и высоко поэтичны: испытывать патриотические чувства означает подвергнуться воздействию «варева ведьм», «душистых травок для одурманивания», «ведьминого

рецепта». Патриотические праздники получают дескриптив «кликунский», что в свою очередь отсылает к порче, колдовскому влиянию, в результате которого возникает истерия. Употребление высказываний из концептуального поля «Патриотизм» наделяется предикативной функцией «закопать под Родину», «мимикрировать под Родину».

Формально дискурс разворачивается вокруг конструкта Другого, раздираемого противоречиями, отсюда и употребление концепта «шизофрения», метафор боли и колдовского воздействия. Контролер, руководящий процессом интерпретации, этими противоречиями не страдает и нацелен на ликвидацию всех альтернативных интерпретаций. Безусловно, адресат дискурса не производит столь сложный анализ дискурса, все смыслы считываются им на уровне архетипов, мифов, всплеск на горизонте интенциональности. Но общая поэтика раздражает и задевает, а в этом и заключается самая главная цель – в манипуляции эмоциями и чувствами. Никак не комментируя содержание высказываний автора статьи, мы можем утверждать, что, снижая и низводя высокое, он не предлагает ничего взамен, а это деструктивно для субъекта. Автор провоцирует ценностную эрозию и лишает субъект принципа идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1994. – С. 384–391.
2. *Когнитивные* категории в синтаксисе: кол. монография / Л. М. Ковалева [и др.]; науч. ред. Л. М. Ковалева. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. – 249 с.
3. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: АСТ, 2003. – 605 с.
4. *Соболев Ю. В.* Репрессивная поэтика как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2008. – 22 с.
5. *Татару Л. В.* Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф): дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2009. – 419 с.
6. *Фуко М.* Археология знания. – Киев: Ника-центр, 1996. – 208 с.
7. *Цацура Е. А.* Аспекты идеологических точек зрения в англо-американском массмедийном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2008. – 239 с.
8. *Шендерович В.* Путин и девочка на коньках [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ejnew.com/?a=note&id=24384>.
9. *Eco U.* The Limits of Interpretation. Advances in Semiotics. – Bloomington: IU Press, 1994. – 295 p.

10. *Foster D.* The Intelligent Universe. – New York : Putnams, 1975. – 191 p.
11. *Jones A.* NFL faces national protest. – URL: <http://www.infowars.com/nfl-faces-national-protest>.
12. *Winkler A.* Gunnuts find a new target: The NFL. – URL: <http://www.newrepublic.com/article/115834/nfl-bans-gun-ad-two-americas-favorite-things-go-war>

УДК 81'42

Ж. В. Яковлева

аспирант кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: zanna-yakovleva@bk.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СЧАСТЬЯ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В статье дается обоснование правомерности использования метода ситуационного анализа в исследовании прагматических ситуаций, реализуемых в дискурсе, и выявляется специфика конструирования прагматической ситуации счастья в рекламном дискурсе. Определяются параметры счастливого мира, создаваемого для потребителя, и языковые способы дискурсивного конструирования мира. Установлено, что когнитивной основой прагматической ситуации в рекламном дискурсе является выражение ложных пропозиций.

Ключевые слова: дискурс; прагматическая ситуация; возможный мир; неискренний дискурс; пророческий дискурс.

Yakovleva Zh. V.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; e-mail: zanna-eakovleva@bk.ru

ON CONSTRUCTION OF THE PRAGMATIC SITUATION OF HAPPINESS IN ADVERTISING DISCOURSE

In this article I argue that the situation analysis approach is central to discourse studies. The definition of pragmatic situation is given and the classification of different types of pragmatic situations, which are constructed in discourse, is resented. The specific character of discursive construction of pragmatic situation of happiness in advertising discourse is highlighted. The parameters of world of happiness for he consumer and the language features of this world creation are revealed. It has been found out that the expression of false propositions represents the cognitive basis of pragmatic situation in advertising discourse.

Key words: discourse; pragmatic situation; possible world; insincere discourse; prophetic discourse.

Целью данной статьи является исследование особенностей дискурсивного конструирования прагматической ситуации счастья в рекламном дискурсе, а также определение понятия прагматической ситуации счастья с учетом институциональных, коммуникативных и прагматических характеристик рекламного дискурса, параметров, в соответствии с которыми моделируется исследуемая ситуация.

Ситуационным исследованиям как междисциплинарной методологии в настоящее время уделяется особое внимание в различных

областях науки (когнитивной социологии, этнографии, психологии, юриспруденции, лингвистике и др.). Они позволяют анализировать действия отдельных субъектов, групп и институтов в различных ситуациях с учетом социологических особенностей, «социокультурного контекста» и «концептуального каркаса» [20]. Принципы этой методологии были заложены Л. Витгенштейном, который утверждал, что значение слова зависит от контекста и правил, принятых лингвистическим сообществом, и варьируется в зависимости от ситуации [3].

Проблема изучения различных типов ситуаций все чаще становится предметом современной лингвистики. Продуктивным методом исследования этой проблемы стал ситуационный анализ. В этой связи возникает необходимость обобщения знаний о понятии «ситуация».

Слово «ситуация» восходит к латинскому глаголу *situare* – «располагать», «ставить», «размещать». В русский язык слово «ситуация» было заимствованно из французского в начале XVIII в. со значением «положение, сложившееся в силу стечения обстоятельств» в качестве военного и дипломатического терминов [19]. Понятие «ситуация» (*situation*) рассматривается также как синоним слов «*pattern*», «*picture*» в значении «образец», «модель», «пример для подражания» [22].

В философию термин «ситуация» был введен К. Ясперсом и воспринят экзистенциализмом для изучения способа бытия человека в мире при взаимодействии с другими людьми [6]. М. Хайдеггер вводит термин «экзистенциальная ситуация», что означает взаимодействие человека с другими людьми в различные моменты его жизни [18].

Обобщив данные определения, можно сказать, что ситуация – это состояние или способ бытия человека, находящегося во взаимодействии с другими людьми. И это взаимодействие, фиксируемое в определенный момент времени в определенном месте в качестве единичного акта, может стать образцом, или моделью, ситуации взаимодействия, который, в свою очередь, будет использован при анализе других ситуаций. Вступая в речевое взаимодействие, ситуацию коммуникации, человек принимает на себя роль адресанта или адресата. Пространство, в котором происходит взаимодействие адресанта и адресата, или коммуникативное пространство, подразумевает наличие языкового и дискурсивного пространств [16]. В коммуникативном пространстве все подчиняется отношениям адресанта и адресата; и эти отношения определяют тональность, цель, способ общения, формируя дискурсивное пространство, а языковые средства создают

языковое пространство. Изменение хотя бы одного из данных параметров способно повлиять на изменение коммуникативной ситуации в целом [8].

Рассмотрим соотношение коммуникативной ситуации и исследуемой нами прагматической ситуации.

Понятие «прагматическая ситуация» было введено Н.Д. Арутюновой [2], его внедрение в лингвистику стало развитием теории Ч. У. Морриса [13]. Автор термина «прагматическая ситуация» – Н. Д. Арутюнова, она впервые рассмотрела это понятие в отношении концепта «стыд» [2]. Н. К. Рябцева вслед за Н. Д. Арутюновой, изучая дескриптивные и иные, неязыковые, средства, которые для лингвиста являются знаком при декодировании текста, продолжила исследование понятия «прагматическая ситуация» [17]. Впоследствии в изучение этой проблемы сделала вклад С. Н. Плотникова, которая подробно описала прагматическую ситуацию неискренности [16]; вслед за С. Н. Плотниковой прагматическую ситуацию счастья в некоторых видах английского дискурса исследовала Е. С. Анисимова [1].

Н. Д. Арутюнова особо отмечает, что целью создания прагматической ситуации является программирующее воздействие на адресата, отражающее коммуникативные установки отправителя дискурса [2]. Отсюда следует, что любая коммуникативная установка адресанта имеет прагматическую направленность. На это указывает также В. И. Карасик, утверждая, что любой дискурс преследует коммуникативную цель, которая реализуется с учетом базовых ценностей и обеспечивает реализацию прагматических интересов адресанта [8, с. 355].

Н. К. Рябцева иначе рассматривает понятие «прагматическая ситуация», отмечая, что прагматический смысл противопоставляется коммуникативному. Она выявляет фактор, связывающий прагматическую и коммуникативную ситуации – иллокутивную силу высказываний. Прагматическая ситуация, по мнению Н.К. Рябцевой, отличается от коммуникативной тем, что коммуникативная ситуация создается адресантом с целью вовлечь адресата в речевое действие, для того чтобы сообщить ему новую информации о мире, а прагматическая – с целью «вовлечь адресата в изменение внешнего мира» через выражение своего отношения к миру и изменениям в нем, через эмоциональную и рациональную реакцию на происходящее. Адресант несет ответственность за то, чтобы моделируемая им прагматическая ситуация соответствовала данной коммуникативной ситуации,

поэтому прагматическая ситуация является рематичной по отношению к коммуникативной. Создавая прагматическую ситуацию, адресант обращается к адресату с целью изменить информацию о реальном мире, как несовершенном в сопоставлении с миром, который он моделирует. Следовательно, прагматическая ситуация не соответствует коммуникативной по времени и месту и приобретает черты ирреальности. Несмотря на это, она все же актуализируется за счет аксиологичности высказываний. Н. К. Рябцева устанавливает, что при создании прагматической ситуации отправитель дискурса побуждает адресата к определенным действиям, учитывая его реакции на стимулы, поступающие по различным коммуникативным каналам, т. е. манипулирует действиями получателя информации [17].

С целью обобщения и углубления научных сведений о понятии «прагматическая ситуация» мы сопоставили исследования разных ученых и предлагаем определение понятия «прагматическая ситуация счастья» в рекламном дискурсе. Прагматическая ситуация счастья – это дискурсивно сконструированная рекламодателем ситуация, целенаправленно провоцирующая адресата на совершение определенных действий, а именно покупку рекламируемого товара.

Поскольку «счастье» является одной из самых важных человеческих ценностей, влияющих на формирование у человека положительной самооценки [4], возникает высокая потребность общества западного типа в изучении имиджа счастливого человека. Пользуясь достижениями имиджелогии, рекламопроизводители помещают адресата в счастливый мир, для того чтобы убедить его приобрести рекламируемый товар.

Применительно к рекламному дискурсу конструирование прагматической ситуации счастья, или счастливого мира, является специфичным, поскольку, как отмечает М. Маклюэн, «реклама должна звонко и отчетливо выкрикивать свое послание счастья» [11, с. 251]. Нетрудно предположить, что стержнем такой информации должна быть информация о человеке счастливом и о той ситуации, в которой он находится. В то время как дискурсивный технолог моделирует в рекламе ситуацию счастья для адресата, сам адресат стоит перед выбором принять или не принять эту ситуацию как релевантную для себя. В случае, если адресат принимает эту конструируемую модель ситуации как реально существующую, он включается в процесс самомоделирования счастливого образа, примеряя на себя роль счастливого

человека, обитателя счастливого мира. Это, на наш взгляд, является главной причиной моделирования прагматической ситуации счастья в рекламном дискурсе.

Несмотря на то, что в рекламном дискурсе с целью воздействия на адресата используются разнородные семиотические коды вербальных, визуальных, аудиальных и других компонентов [9], в этой статье мы остановимся только на рассмотрении вербальных средств, с помощью которых конструируется прагматическая ситуация счастья, а именно, на языковых средствах актуализации концепта «счастье».

При создании прагматической ситуации счастья в рекламном дискурсе адресату предлагают переместиться в мир счастья, убеждая его в том, что этот мир является либо действительным, либо возможным. Концепт «счастье» при этом становится опорным концептом дискурса. Это проявляется в чрезмерном употреблении слов, осуществляющих референцию к феномену счастья, т. е. в использовании языковых репрезентантов данного концепта [1].

Безусловно, модель счастливого мира, или прагматическая ситуация счастья, должна иметь широкий диапазон пригодности и предусматривать похожие и различающиеся антиципации людей, которые приближают их к счастливому состоянию. Образами, отсылающими нас в мир счастья, становятся репрезентанты *счастливая семья; счастливая страна; место, где знают секреты, как стать обладателем материальных благ; мир, где люди получают магические предметы и сакральные знания, способные сделать их счастливыми; мир, где люди становятся счастливыми, следуя традициям своих отцов и дедов* и т. д. Эти представления о путях достижения счастья одновременно универсальны для всех адресатов и индивидуальны отдельно для каждого из них, что и должен учитывать отправитель дискурса.

Как показал проведенный нами анализ, в центр конструируемой в рекламном дискурсе прагматической ситуации счастья помещаются «счастливые» персонажи, которые могут выполнять различные социальные роли: человека, полезного обществу (артиста, режиссера, актера, банкира, менеджера, учителя, врача и т. д.); счастливого семьянина (отца, матери, деда); счастливого человека, случайно попавшего в сказочно счастливый мир; человека, пережившего «счастливое состояние», благодаря удачно сложившимся обстоятельствам и особым секретам, которые открываются только обладателям каких-либо умений, знаний или предметов.

В качестве примера рассмотрим рекламу сайта bellebouteille «Оригинальные подарки. Послание в бутылке ®» [21]. Прагматическая ситуация счастья создается здесь при помощи репрезентанта *День счастья* – так называется бутылка. Сайт рекламирует услугу в виде поздравления в бутылке для друга, любимого или близкого человека. Для конструирования ситуации счастья используются восторженные отклики посетителей сайта, высоко оценивших услугу, что является аттрактором, поскольку создает значительный эмоциональный фон. Мы усматриваем здесь соединение прагматической ситуации счастья с прагматической ситуацией неискренности. Неискренность необходима, когда ролевые отношения между участниками дискурса, а также их коммуникативные цели скрываются, умалчиваются [16, с. 110]; неискренность при этом моделируется по принципу набора ложных пропозиций, трансформирующих и искажающих «семантику реальности» [там же, с. 85].

Ложные пропозиции лежат в основе создания прагматической ситуации счастья в данном примере: истинность пропозиции о получении «счастливого» предмета, таинственной бутылки с запиской, делающей счастливым человека, ставшего ее обладателем и превратившего свой день в *День счастья*, не подлежит верификации, поскольку не имеет конкретного референта. Ложные пропозиции, на наш взгляд, лежат также в основе отзывов посетителей сайта. Здесь прием нарративизации является инструментом, трансформирующим картину мира, создающим прагматическую ситуацию счастья, путем подачи информации как акта согласия с рекламодателем: *Сказать, что он был счастлив, это не сказать ничего. Никогда не забуду слезу в уголках глаз и ее счастливую улыбку*. Преувеличенно восторженные высказывания оказывают суггестивный эффект на посетителей сайта и ориентируют их на приобретение рекламируемой сайтом услуги. Моделирование воображаемого мира происходит при помощи неполных предложений без агенса и предиката: *Оригинальные подарки. Послание в бутылке ®. День счастья*; имплицитным характером акта обещания при отсутствии глагола-перформатива с помощью знака ® (зарегистрированные торговые марки) и слова *гарантированно*. Все эти языковые средства в совокупности позволяют реализовать стратегию манипулятивного воздействия на адресата.

На пропозициональном уровне прагматическая ситуация счастья конструируется при помощи одной ложной макропропозиции

< X подарит вам счастье>. Ситуация счастья создается за счет симуляции ощущений комфорта и удовлетворенности в личных взаимоотношениях на основе откликов неизвестных людей, возможности одарить подарками всех друзей и получить подарки, создать атмосферу комфорта для себя и других, а следовательно, стать счастливым за счет приобретения предметов, едва ли имеющих практическую, материальную или культурную значимость.

Воздействие на потребителя осуществляется также благодаря упоминанию известного бренда, который становится инструментом конструирования прагматической ситуации счастья для потребителя.

Известно, что бренд как имя собственное, информативно емкая вербальная единица, значение которой понятно всем членам определенного языкового сообщества, является значимым элементом рекламного дискурса, обеспечивает реализацию эмоционально-оценочной функции, создавая положительный стереотип в отношении адресата к торговой марке и товару [9, с. 111].

В рекламе «*ODS. Одежда для счастья*» аббревиатура *ODS* в качестве бренда выполняет идентифицирующую и имиджевую функции, указывая на высокое качество товаров данной торговой марки, и позволяет без использования речеактовых глаголов оказать воздействие на адресата, обеспечивая выполнение маркетинговой функции, поскольку имеет культурогенную основу и становится артефактом культурного пространства [5; 7]. Бренд *ODS* маркирует товары определенной сети магазинов как приносящие счастье. Являясь аббревиатурой, *ODS* представляет собой репрезентант концепта «счастье», который становится центральным при конструировании прагматической ситуации счастья и обеспечивает реализацию воздействующей функции на потребителя, являющегося субъектом счастливого мира при приобретении рекламируемой одежды. Кроме этого, ассертив, не содержащий побуждение к действию, позволяет осуществить стратегию вежливости, цель которой создать иллюзию возможности самостоятельного принятия решения адресатом и сохранить его «положительное лицо».

Обобщая эти и подобные им примеры, можно сделать вывод, что рекламный дискурс, формируя установки, намерения, представления и оценки адресата, организуя его поведение по разработанному сценарию, предсказывает ему возможность стать счастливым, т. е. рекламный дискурс принимает на себя функции пророческого дискурса.

Собственно, профетический дискурс имеет целевую установку: «узнай свое будущее». Рекламный дискурс утверждает: «твое будущее известно». В профетическом дискурсе, также как и в рекламном, информация о будущем содержится в сообщениях различных жанров: предупреждении, рассказе, пояснении с аргументацией [10, с. 77–78]. Для рекламного дискурса характерны «предсказания без слов» – один из способов предсказаний, который, по мнению Я. А. Мальцевой, породила церковная профетическая традиция. Эти предсказания осуществляются путем процесса объективизации мышления в языке на основе метаописательной функции профетического дискурса [12]. «Предсказания без слов» реализуют цели тактики «скрытой команды», имеют суггестивную природу, имплицированы в дискурсе [9].

Человек в профетическом дискурсе – и продюцент, и реципиент – самостоятельно конструирует миры, похожие на реальность, в соответствии со своими мировоззренческими принципами на основании полиреферентности и полисемии [12], но при этом упомянутые миры не всегда «счастливые». Помещенный в мир воображаемый, адресат профетического дискурса находится в состоянии ожидания исполнения желания и готов принять диктуемые «судьбой» условия [10]. Предсказания рекламного дискурса безапелляционны, счастье обитателей иных, созданных рекламопроизводителями миров, абсолютно и бесконечно.

Тенденция сознания адресата профетического дискурса к расширению значения в сторону сакральной сферы его жизнедеятельности [12] как нельзя лучше сочетается с интенциями рекламного дискурса, предсказывающего счастье – состояние, о котором не всякий реципиент способен высказаться вслух в силу принадлежности данного феномена к сфере сакрального. Тем не менее реклама обещает и предсказывает счастье, часто избегая эксплицитного употребления профетизмов, достигая эффекта «предсказания без слов» с помощью прагматических расширений [12], реализуя трансформационные тактики, имплицитно призывая к изменению стиля жизни. Профетическая стратегия в совокупности с суггестивной, магической функциями становится эффективным способом создания прагматической ситуации счастья с целью воздействия на адресата.

Таким образом, причиной создания прагматической ситуации счастья в рекламном дискурсе для адресата является продвижение рекламируемых товаров и услуг. Проведенное исследование показало, что

данная ситуация моделируется посредством вербализации ложных пропозиций, симулирующих счастливую реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимова Е. С.* Прагматическая ситуация счастья и ее дискурсивная реализация в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2007. – 138 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* О стыде и стуже // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 59–76.
3. *Витгенштейн Л.* Философские работы: в 2 ч. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 2, кн. 1. – 612 с.
4. *Воркачев С. Г.* «Две доли» – две концепции счастья // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию И. В. Сентерберг: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – 215 с.
5. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. – Вып. 3 (23). – Екатеринбург, 2007. – С. 73–78.
6. *Всемирная Энциклопедия: Философия* / под ред. А. А. Грицанова. – М.: АСТ ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
7. *Головина Л. В.* Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 16 с.
8. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Гнозис, 2004. – 390 с.
9. *Кочетова Л. А.* Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2013. – 415 с.
10. *Левицкий А. Э.* Коммуникативные особенности адресации в профетическом дискурсе // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2012. – С. 75–85.
11. *Маклюэн М.* Пресса: Управление посредством утечки информации // Отечественные записки. – 2003. – № 4. – С. 251–263.
12. *Мальцева Я. А.* Язык и когнитивная структура профетических текстов: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2011. – 199 с.
13. *Моррис Ч. У.* Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд. – М.: Академ. проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
14. *ОДС «Одежда для счастья»* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://irkfashion.ru>
15. *Плотникова С. Н.* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). – Иркутск : ИГЛУ, 2000. – 244 с.
16. *Плотникова С. Н.* Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – 2008. – Вып. 1. – С. 131–136.

17. *Рябцева Н. К.* Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 82–92.
18. *Словарь* социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Российская академия наук, 2006. – 321 с.
19. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М. : Рус. яз., 1994. – Т. 1: А – Пантомима. – 624 с.; Т. 2: Панцирь – Яшур. – 560 с.
20. *Энциклопедия* эпистимологии и философии науки. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
21. *Bellebouteille.* День счастья. – URL : [http/ bellebouteille.ru](http://bellebouteille.ru).
22. *LingvoScience_FS* (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo 12). Англо-рус. науч.-тех. словарь. – URL: ABBYY Software, 2006. – 156 тыс. ст.

Раздел V
ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ
В КУЛЬТУРНОМ И МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТАХ

УДК 347.78.034

М. В. Межова

кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Кемеровского государственного университета культуры и искусств;
e-mail: mezhova75@mail.ru

**ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В МЕЖЛИТЕРАТУРНОМ ДИАЛОГЕ
КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА)**

В статье исследуется главная роль переводной литературы, ее функционирование в другой культуре, а также влияние на развитие национальной литературы. Дается анализ существующих переводов произведений М. Ю. Лермонтова на различных иностранных языках. Переводное произведение выделяется одним из главных компонентов, влияющих как на развитие творчества самого поэта, так и национальной литературы, что способствует межлитературному диалогу различных культур.

Ключевые слова: межлитературный диалог; диалог культур; национальная литература; перевод; национальный литературный текст.

Mezhova M. V.

Candidate of Culturology, Associate Professor, Kemerovo State University of Culture and Arts; e-mail: mezhova75@mail.ru

**POETICAL TEXT IN THE CONTEXT OF INTERLITERARY
DIALOGUE OF CULTURES: DISCUSSING THE LERMONTOV
LITERARY LEGACY AND ITS TRANSLATIONS**

The article considers the leading role of translated literature, its functioning in other culture, and its influence on development of national literature as well. An appropriate analysis of the registered translations of M. Y.Lermontov's works in various foreign languages is suggested to this effect. The translations are viewed

as one of the main components influencing both development of poet's art, and national literature that promotes interliterary dialogue of various cultures.

Key words: interliterary dialogue; dialogue of cultures; national literature; translation; national literature text.

Ослепительным метеором
промелькнул гений Лермонтова на
сумрачном небе тридцатых годов XIX века.

А. Луначарский

Одним из важных условий существования и развития любой культуры является общение, диалог взаимодействия. Идея диалога культур подразумевает открытость культур друг другу. Культурное многообразие – важное условие для самопознания человека: чем больше культур он узнает, чем больше стран посетит, чем больше языков выучит, тем лучше поймет себя и тем богаче будет его духовный мир. Русский философ М. М. Бахтин считал, что только в диалоге культура приближается к пониманию себя самой, глядя на себя глазами иной культуры и преодолевая тем самым свою односторонность и ограниченность. Не существует изолированных культур – все они живут и развиваются только в диалоге с другими культурами: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [1, с. 360].

Важную роль в диалоге культур играет национальная литература, поскольку именно она (и язык в том числе) отражает и формирует характер и идентичность народа, открывает художественный мир культуры, представляет сознание той или иной нации, воплощенное в текстах. Предметом любой литературы является мир человека, как внутренний, так и внешний (окружающий). Национальный литературный текст несет информацию об этом мире, отражает ее, активно формируя национальный характер и национальную идентичность.

Роль любого национального литературного произведения в диалоге культур трудно переоценить. При переносе произведения в другую культуру происходит как трансляция заложенной автором информации в другую культурную среду, так и взаимный культурный обмен, коим обогащается принимающая культура. Возможности литературы с этой точки зрения особенно велики. «Ни одна великая национальная литература не развивалась вне творческого взаимодействия с литературами других народов», – отмечает В. М. Жирмунский [3, с. 71]. Действительно, развитие национальных литератур во многом происходит за счет межлитературного диалога, который обогащает их иными формами и жанрами, мотивами и образами. В истории многих национальных литератур выделяются периоды, когда межлитературный диалог становится причиной невероятного скачка.

Войти в другую культуру литературное произведение может только благодаря его переводу на язык той или иной культуры. Именно переводное произведение попадает на суждение реципиенту и раскрывает информацию, заложенную автором в оригинале. Переводная литература играет немаловажную роль в общем развитии литературы той или иной страны. Переводные произведения очень часто включаются в процесс развития отечественной литературы, а также влияют на нее и привносят свои веяния, а зачастую становятся и частью культуры того народа, который получает перевод. С этой точки зрения уместно привести слова Б. Слуцкого:

*Работаю с неслыханной охотою
Я только потому над переводами,
Что переводы кажутся пехотою,
Взрывающей валы между народами* [11, с. 10].

Качественный, адекватный, эквивалентный и культурно-обусловленный (отражающий все культурно-специфические единицы текста) перевод играет большую роль в том, как будет воспринят текст оригинала, насколько точно передана информация об одной культуре другой и какова будет жизнь этого оригинала в иной культуре. Так, В. Г. Белинский отметил с этой точки зрения и огромную роль переводчика: «другая великая заслуга русскому обществу со стороны Жуковского: благодаря ему немецкая поэзия – нам родная, и мы умеем понимать ее без того усилия, которое обуславливается чуждою национальностью» [2, с. 221; 6]. В. К. Третьяковский, в свою очередь, тоже акцентирует внимание на переводчике: «Переводчик от творца только

именем рознится» [11, с. 21]. Перевести текст означает не только выразить его средствами другого языка, но и включить в него информацию, которая будет нести тот культурно-специфический фон, который был заложен в тексте исходной культуры. С этой точки зрения на переводчика возлагается ответственность за выбор необходимых лексических единиц, чтобы перенести средствами иностранного языка именно культурную информацию о жизни того или иного народа для понимания глубинных основ культуры оригинала, ее традиций.

Изучение роли переводного произведения М. Ю. Лермонтова в межкультурном диалоге является центром внимания данного исследования. Выбор автора не случаен, 2014 г. был ознаменован 200-летием со дня рождения великого русского поэта, прозаика, драматурга, художника Михаила Юрьевича Лермонтова. По сей день Лермонтов остается одним из самых читаемых отечественных классиков. (К юбилею поэта в России учреждена памятная медаль «200-летие М. Ю. Лермонтова»). Наследие Лермонтова – это летопись отошедшей в прошлое эпохи, его произведения – это национальная гордость. Лермонтов выступил в русской литературе как наследник и продолжатель А. С. Пушкина в эпоху, когда дворянская революционность (после разгрома декабристского движения в 1825 г.) искала новые пути развития. Лермонтов выразил новый этап в развитии русского общественного сознания, и это определило глубокое своеобразие его поэзии. В творчестве Лермонтова тесно переплелись гражданские, философские и субъективные, глубоко личные и общественные мотивы. Он внес в русскую поэзию «железный стих», отмеченный яркой энергией выражения мысли. Отвечая насущным потребностям духовной жизни русского общества и освободительного движения, поэзия и проза Лермонтова подготавливали новый расцвет отечественной литературы. Произведения Лермонтова сыграли значительную роль и в развитии театрального искусства. Наследие Лермонтова нашло многообразную интерпретацию в живописи, театре, кинематографе. Его стихи обогатили русскую музыку, послужив основой для оперного симфонического и творчества, многие стихи были положены в основу песен и стали народными песнями. Влияние Лермонтова также прослеживается и в творчестве Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. А. Блока, В. В. Маяковского).

Популярность Лермонтова в межкультурном пространстве зависела от интенсивности культурных связей России (а в прошлом СССР).

Влияние Лермонтова испытывали и испытывают поэты Армении, Грузии, Азербайджана, Украины и многих других народов. Поэт вышел за пределы своего времени. Лермонтов приобрел общечеловеческое признание в межкультурном пространстве: «Мцыри», «Демон», «Герой нашего времени» и многие другие произведения были переведены на иностранные языки. Еще при жизни поэта во Франции, Германии, Чехии, Польше, Венгрии появились первые сведения о Лермонтове. В XIX в. особый резонанс творчество Лермонтова вызвало в славянских странах, отстаивающих национальную независимость, где он воспринимался как борец против деспотизма.

Международное признание Лермонтов получил главным образом благодаря роману «Герой нашего времени», который считается наиболее ценным его вкладом в мировую литературу, оказавшим влияние на многих зарубежных писателей. Так, ссылаясь на библиографию, составленную на основе фондов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук СССР, Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР, с учетом специальных библиографий, посвященных переводам произведений русских писателей на иностранные языки, а также национальных библиографий и материалов, сообщенных национальными библиотеками некоторых зарубежных стран, можно примерно обозначить масштабы переводной практики произведения «Герой нашего времени». Составитель библиографии переводов романа «Герой нашего времени» на иностранные языки Б. Л. Кандель в полной мере представил количество переводов произведения [4]. Например:

– два перевода на албанский язык «Un héros deno tre temps» (первый перевод был осуществлен в 1947 г.);

– 35 переводов на английский язык (первый полный перевод – в 1854 г.).

Первым на английский язык было опубликовано стихотворение «Дары Терека» (The gift of the Terek) в шотландском журнале «Blackwood's Edinburgh magazine» (1843, v. 54) в переводе Т. Шоу. Начиная с 1870-х гг. имя Лермонтова встречается в немногочисленных английских и американских статьях о русской литературе. В них обычно Лермонтов рассматривается как последователь Дж. Байрона. Пропагандист русской литературы в Великобритании, друг и переводчик

И. С. Тургенева – В. Ролстон посвятил Лермонтову статью «Шотландец за границей», в которой рассказал легенду о шотландском происхождении Лермонтова. В 1870–1890-е гг. в Великобритании переводятся наиболее известные поэмы Лермонтова: «Демон» (1875, 1881, 1886, 1895), «Мцыри» (1875), «Песня про... купца Калашникова» (1899), а также сказка «Ашик-Кериб» (1893). «Демон» приобретает большую популярность у английской публики благодаря постановке одноименной оперы в Ковент-Гардене в 1881 г. Первый полный перевод произведения «Герой нашего времени» («A hero of our own times»), был осуществлен в 1854 г. [13]. Образ Лермонтова как поэта, в концентрированной форме выразившего дух своей эпохи, судьбу своего поколения в России, был в 1860 г. закреплён в английской литературной критике благодаря также статье А. И. Герцена и М. Мейзенбург «Русская литература: Михаил Лермонтов» [15].

Творчество Лермонтова было малоизвестно в арабских странах, в связи с этим в библиографии переводов романа «Герой нашего времени» на иностранные языки Б. Л. Кандель обозначил лишь один перевод на арабский язык (1959), хотя надо отметить, что произведения Лермонтова входили в программу по русской литературе для учителей семинарий Православного палестинского общества (конец XIX – начало XX вв.).

Учитывая тесные контакты болгарской интеллигенции с обществом и культурными деятелями России, а также близость русского и болгарского языков, Б. Л. Кандель обозначил 23 перевода произведения «Герой нашего времени» на болгарский (первый перевод был осуществлен в 1888 г.). Болгарский писатель Л. Стоянов отмечал: «Вообще никто из европейских поэтов, кроме, может быть, Пушкина, не мог бы соперничать с Лермонтовым в его влиянии на культурное развитие болгарской интеллигенции» [8, с. 7]. Уже в 1840-х гг. некоторые произведения Лермонтова были известны в оригинале по учебникам русского языка, который преподавался в болгарских школах. В 1888 г. вышли поэма «Мцыри» (в переводе И. Драгнева и роман «Герой нашего времени» в переводе Т. Странского.

В общей сложности, указанный роман Лермонтова имеет следующее количество переводов:

- два перевода на албанский язык (первый перевод в 1947 г.);
- 35 переводов на английский язык (первый полный перевод в 1854 г.).

- один перевод на арабский язык (первый перевод в 1959 г.);
- 23 перевода на болгарский язык (первый перевод в 1888 г.);
- восемь – на венгерский язык (первый перевод в 1855 г.);
- четыре – на голландский язык (первый перевод в 1908 г.);
- два – на греческий язык (первый перевод в 1935 г.);
- семь – на датский язык (первый перевод в 1855 г.);
- два – на испанский язык (первый перевод в 1918 г.);
- девять – на итальянский язык (первый перевод в 1886 г.);
- три – на китайский язык (первый перевод в 1907 г.);
- два – на корейский язык (первый перевод в 1956 г.);
- три перевода на македонский язык (первый перевод в 1948 г.);
- один перевод на монгольский язык (1958).
- 40 переводов на немецкий язык (первый перевод в 1840 г.).

В немецкой печати имя Лермонтова впервые было названо Н. А. Мельгуновым, составившим обзор русской литературы в журнале «Blätter für literarische Unterhaltung» [14]. Статья Н. А. Мельгунова и беседы с ним дали основание писателю К. А. Фарнхагену фон Энзе указать на Лермонтова как на надежду русской литературы [17], который впервые перевел произведение «Бэла» на немецкий язык и опубликовал его в сборнике «Достопамятные записки и разные сочинения» [16]. Переводы лермонтовкой лирики вошли в сборники Ю. Хардта «Восток и Запад» («Orient und Occident», 1885), А. Чернова «Из русских поэтов» («Aus russischen Dichtern», 1890), Г. Гершмана «Русская лирика» («Russische Lyrik», 1895), А. Вальда «Замечательные поэты России от Ломоносова до нашего времени» («Rußlands bedeutendste Dichter von Lomonosow bis auf die Gegenwart», 1880), Г. Эдварда «Из русских поэтов. Пушкин и Лермонтов» («Aus russischen Dichtern. Puschkin und Lermontoff», 1898) и др. Таким образом, к концу века три четверти лермонтовского наследия были опубликованы на немецком языке.

Во Франции творчество и судьба Лермонтова вызывают живой интерес начиная с 1840-х гг. На французский язык переведены более 70 произведений, многие по несколько раз. Чаще других переводились «Герой нашего времени» (21 раз), «Демон» (17), «Мцыри», «Пророк», «Молитва», «Парус», «Ветка Палестины» (по 6 раз), «Смерть поэта», «И скучно и грустно», «Когда волнуется желтеющая нива» (по 5 раз).

При этом было произведено 15 переводов на чешский язык (первый перевод в 1844 г.), 10 переводов на японский язык (первый

перевод в 1920 г.) [7, с. 232; 12]. Исходя из представленного материала о количестве переводных версий произведения М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», а также общей информации о переводах, можно судить о большой популярности его в международном литературном пространстве (особенно у славянских стран, там переводы появились раньше). В XX в. известность Лермонтова за рубежом возросла по мере роста международного интереса к Советскому Союзу и русской культуре. Наиболее полный перечень литературы о связях творчества Лермонтова с зарубежными литераторами представлен в книге О. В. Миллера «Библиография литературы о М. Ю. Лермонтове» [6].

В свою очередь, Лермонтов также занимался переводами произведений иностранной литературы (Ф. Шиллер, И. В. Гете, А. Мицкевич, Дж. Байрон, Г. Гейне, Й. К. Цедлиц, Р. Бернс). Его стихотворные переводы очень тесно связаны с собственным поэтическим творчеством, что явно заметно по тематическим направлениям и стилистическим особенностям выбранных произведений. Как и у многих других русских поэтов первой трети XIX в., переводы у Лермонтова большей частью не столько воспроизводят оригинал, сколько отражают общий смысл оригинала (вольное подражание). Переводы стихов (которых более 30) являются частью литературного наследия Лермонтова. Переводы Лермонтова позволяют судить о том, как и в каком направлении развивался его интерес к зарубежной поэзии. Первый поэт, которого начал переводить Лермонтов, был Ф. Шиллер («Перчатка», «К Нине», «Встреча», «Дитя в люльке», «Делись со мною тем, что знаешь...», «Три ведьмы» – отрывок из шиллеровского произведения «Макбет»).

Лермонтова привлекает и творчество И. В. Гете («Горные вершины» Гете – «Подожди немного, отдохнешь и ты» Лермонтов), А. Мицкевича («Вид гор из степей Козлова» – «Крымские сонеты» (сонет V)), Дж. Байрона («Дон Жуан», «Мрак. Тьма»/«Darkness», «Душа моя мрачна» Гете – «Моя душа темна» (Еврейские мелодии), «В альбом» («Как одинокая гробница»), «Прощание Наполеона», поэма «Гуяр», «Берегись! Берегись! Над бургосским путем» Лермонтов), Г. Гейне («Ein Fichtenbaum steht einsam», «Sie liebten sich beid» Гейне – «Сосна», «Они любили друг друга так долго и нежно» Лермонтов), Й. К. Цедлиц («Воздушный корабль» Лермонтов – фабула, входящая к балладе «Корабль призраков» Цедлиц), Р. Бернса (эпиграф

к поэме Байрона «Абидосская невеста»). Произведение «Баллада» также было переведено Лермонтовым с немецкого языка (старинная немецкая народная песня «Die drei Ritter» / «Три рыцаря»).

Подход к переводу у Лермонтова имеет специфический характер и представляет свои особенности: сильная переработка иноязычного материала, отступления от общего смысла подлинника, свободная трактовка оригинала (вольный перевод), усиление общей эмоциональности, введение дополнительных метафор, отсутствующих в оригинале, собственные вставки. «Твердой грани между переводом и собственным творчеством для Лермонтова нет... в ряде случаев перевод легко переходит у него в самостоятельную вариацию на мотив иностранного поэта, а иногда в полемику с ним. Во всех переводах, переделках и вариациях Лермонтов выступает как необыкновенно сильная поэтическая индивидуальность, а внимательное сопоставление их с оригиналами в конечном счете позволяет выделить именно лермонтовский элемент» [10, с. 273].

Говоря о переводе, сам Лермонтов пользовался термином «перевод в прозе» (он ему и принадлежит) – нестихотворный перевод, в котором сохраняется только поэтическая образность и эмоциональная окраска. Свои переводы Лермонтов обозначал как самостоятельные произведения, обладающие художественной ценностью, несмотря на отхождение от общепринятых норм перевода в ту эпоху (ср. переводческие стили В. А. Жуковского, П. А. Катенина, Н. И. Гнедича, К. Н. Батюшкова). В свою очередь, он в какой-то степени изменил взгляды на цель и значение стихотворного перевода: «Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное...» [5, с. 13]. Так, например, ряд переводов (осуществленных в вольной форме) вошли в золотой фонд русской поэзии: «Еврейская мелодия», «Умиравший гладиатор», «Из Гете» («Горные вершины»), «Воздушный корабль», «На севере диком», «Они любили друг друга» и др.

В произведении, посвященном творчеству М. Ю. Лермонтова, А. В. Федоров определяет, что за всю историю изучения лермонтовского наследия (особенно – в дореволюционный период) поиски «влияний» и «заимствований» существовали всегда. Вообще вопрос о «влияниях», и русских, и иностранных, ставился применительно к Лермонтову так часто, как он не ставился, пожалуй, по отношению ни к одному из выдающихся русских поэтов и прозаиков [9, с. 13].

Таким образом, продемонстрированный диалог культур на уровне поэтического текста является необходимым явлением, которое должно существовать, развиваться и способствовать взаимному литературному обогащению и развитию литературных связей. Такое равноправное литературное общение разнообразных культур, художественных миров, неодинаковых сознаний, различных представлений, концепций мира и его образов, воплощенных в текстах, способствует лишь движению исторического развития литературы, диалогу культур и литератур. Роль переводной литературы в этом случае велика. Именно перевод, как вид человеческой деятельности, позволяет узнать гения русской литературы в пространстве других культур, в диалоге других литератур. Ибо такой русский гений, великий писатель, как Лермонтов, должен жить своими шедеврами не только в русской, но и в мировой литературе, перенося их из одной эпохи в другую и разделяя их между разными культурами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
2. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. – М. : Академия наук, 1955. – Т. 7. Сочинения Александра Пушкина. – С. 132–222.
3. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л. : Наука, 1979. – 500 с.
4. *Кандель Б. Л.* Библиография переводов романа «Герой нашего времени» на иностранные языки // М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 203–218.
5. *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. – Л. : Наука, 1985. – 299 с. – (В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии).
6. *Миллер О. В.* Библиография литературы о М. Ю. Лермонтове. – СПб. : Наука, 1980. – 518 с.
7. *Потапова Г. Е.* Изучение Лермонтова в Великобритании и США // Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте современной культуры: сб. ст. к 200-летию со дня рождения / под ред. Л. В. Богатыревой, К. Г. Исупова. – СПб. : РХГА, 2014. – 312 с.
8. *Стоянов Л.* Лермонтов. М. Ю. Съчинения. Пълно събрание: в 5 т. – София : Злоторог, 1942. – Т. 5. – 316 с.
9. *Федоров А. В.* Лермонтов и литература его времени. – Л. : Худ. лит., 1967. – 364 с.

10. Федоров А. Творчество Лермонтова и западные литературы // М. Ю. Лермонтов. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – Кн. I. – С. 129–226. – (Лит. наследство; Т. 43/44).
11. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/selected/gnv/gnv-203-.htm>.
12. Чуковский К. И. Высокое искусство. – СПб.: Авалон, 2008. – 448 с.
13. *From the Russian. Now first transl. into English.* – London: Bogue, 1854. – 231 p.
14. *Melgunoff N. Die russische Literatur und ihre gegenwärtigen Richtungen // Blätter für literarische Unterhaltung.* – 1840. – № 122/125. – S. 489–490; № 176/179. – S. 711–712.
15. *National Review.* – 1860. – Vol. 11. – P. 330–374.
16. *Varnhagen von Ense L. И. Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften.* – 1840, Bd 6. – 574 S.
17. *Varnhagen, von Ense L. И. Neueste Ruische Literatur // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland.* – 1841. – Bd. I. – № 1. – S. 231–390.

УДК 821.161.1

С. Г. Рябова

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: Ryabova.sg@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ ПУТИ ГЕРОЯ В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

В статье рассматриваются особенности художественного воплощения идеи Пути героя И. А. Бунина через анализ пространственно-временной организации романа «Жизнь Арсеньева». Раскрывается семантическая сложность ключевых доминант бунинской прозы «эстетическое» и «божественное», в том числе и через анализ образа иконы как противопоставления света природного, физического, сотворенного и света нетварного, Божественного, организующего целостное романа, необходимого для осмысления идеи непрерывного пути героя как попытки соединить в творчестве красоту природно-предметного мира и мира божественного Слова.

Ключевые слова: художественное время; художественное пространство; пространство-образ; идея Пути; образ иконы; развитие художественного образа; эстетическое; божественное; И. А. Бунин; роман «Жизнь Арсеньева».

Ryabova S. G.

Candidate of Philology, Associate Professor, MSLU EALI;
e-mail: Ryabova.sg@mail.ru

THE ARTISTIC EXPRESSION OF THE CHARACTER'S PATH IDEA IN BUNIN'S «THE LIFE OF ARSENIIEV»

The article discusses the peculiarities of the artistic expression of the character's path idea through the analysis of space-time organization of the novel «the Life of Arseniev». I attempt to delineate the semantic complexity of the key dominants of Bunin's prose, i.e. "the aesthetic" and "the divine" via the icon image as the opposition 'natural / physical light vs divine light'. The latter opposition harmonizes the whole of the novel which is crucial for the idea of a continuous character's path as creative attempt to help the beauty of the natural world with the Divine Word coalesce.

Key words: artistic time; artistic space; space-image; Path idea; icon image; the development of artistic image; «the aesthetic»; «the divine»; Ivan Bunin; the novel «the Life of Arseniev».

Художественное время и пространство романа «Жизнь Арсеньева» для современного читателя и исследователя осознается как открытие автора, его взгляд на личность формирующуюся, творческую, для которой свойственно особое художническое и эстетическое

миропереживание. Пути постижения сущности могут быть разными, однако это всегда сопряжено с откровением, озарением и преображением. Для И. А. Бунина как русского человека и писателя и его героя Алексея Арсеньева подобный Путь носит не рациональный характер, а интуитивный; онтологическое открывается в озарении и откровении, которое понимается как постижение метафизического абсолюта, основанное на эмоциональном мировосприятии. Характерное для XIX и особенно XX в. усложнение пространственно-временной организации произведения наблюдается и у И. А. Бунина. Подобное усложнение можно определить как напряженное сопряжение (проявление страстного миропереживания героя – Алексея Арсеньева), когда из будущего через прошлое пятидесятилетний Арсеньев восстанавливает настоящее. Откровение сущностным образом связано со словом, которое у И. А. Бунина особенно явлено в молчании и тишине:

«Во всем мире была такая тишина, что, казалось, просыпался от чрезмерности этой тишины»; «тишина и блеск», «а за раскрытыми окнами сиял и звал в свое безмолвное царство лунный сад <...> какое молчание – так может молчать только что-нибудь живое!» [6, с. 104–105].

Ключевой образ этого фрагмента – образ тишины. Он обладает объемом: красота тишины в художественном пространстве определяется образом лунного сада: от природного мира (блеск, галки) переживание Алексея Арсеньева устремляется вверх (безмолвное царство, лунный сад). И в этом молчании и тишине рождается слово истины, пространство наполняется звуком; на предельной границе тишины Арсеньеву открывается свет истины.

Вечное идет навстречу герою И. А. Бунина и постепенно открывается ему в созерцании природного мира, который наделен божественной красотой. Всепоглощающее переживание жизни и одновременно остранённое наблюдение ее, собственная душевная реакция на окружающую красоту вызывает страстное желание приобщения к природному совершенству, возбуждает в человеке желание счастья, оно дает человеку это счастье, наполняя обычную жизнь божественным смыслом. Так формируется бунинское пространство-образ. Пространственно-временная целостность, как мы уже заметили, постоянно усложняется автором. Мотивный комплекс получает свое развитие относительно идеи Пути героя, который раскрывается через осмысление красоты, истины, Бога.

Путь к истине у каждого свой, ведь, по словам героя рассказа «Божье древо», «Бог и колосьев не сравнял». Для лирника Родиона, «не отделяющего земли от неба», истина в служении добру; впечатление от истории девочки-сироты, которая молит бога соединить ее с упокоившейся матерью, рассказчик усиливает сочетанием интонации «славянского укора», «мешая органичные угрозы и назидания» [2, с. 283]. Героиню «Чистого понедельника» тихий свет истины приводит в монастырь. Примеры можно продолжить, однако у И. А. Бунина всегда открытие и постижение смысла жизни сопровождается напряженной работой души и связано со стремлением героев понять божественную красоту мира. При этом страстность, свойственная герою И. А. Бунина, обнаруживает противоположные полюсы его личности, которые находятся в постоянном конфликте и одновременно нераздельности. Это и определяет движение в бунинском пространстве как движение от внутреннего к внешнему.

Полагаем, что заявленную тему следует рассматривать, исходя из решения следующих составляющих: пространственно-временная организация романа может быть осмыслена через обращение к образу иконы, который получает свое развитие (от появления образа иконы в жизни маленького Алеши Арсеньева до **явления** иконы как противопоставления света природного, физического, сотворенного и света нетварного, Божественного); Путь человека связан с **проживанием** и **переживанием** мира, в котором явлена красота как эстетическая категория и Красота, созданная Богом.

Божественный – одно из ключевых слов всего творчества И. А. Бунина и романа «Жизнь Арсеньева» в том числе. Помимо прямого значения – «относящийся к религии, церковный» – оно выражает высшую степень восторга [8, с. 48]. Эстетическое значение связано с восприятием божественного как символа Божественной благодати (у В. И. Даля «божественный – благодатный, благословенный» [4, с. 92]). Таким образом, в обыденном сознании семантика божественного, помимо ядерного значения – связанный с религиозным, церковным; имеющим отношение к Богу – наполняется еще и духовным, эстетическим – обладающий высшей степенью достоинства, отличия; передает восторженное состояние героя. Причиной подобной сопряженности является страстное сознание героя И. А. Бунина. Автор «Жизни Арсеньева» осложняет и обогащает интонационно-ценностные смыслы русского языкового сознания. В художественном

тексте романа немало эпизодов, где находим сочетание в одном контексте обоих значений:

Помню: солнце пекло все горячее траву и каменное корыто на дворе, воздух все тяжелел, тускнел, облака сходились все медленнее и теснее и, наконец, стали подергиваться острым малиновым блеском, стали где-то, в самой глубокой и звучной высоте своей погромыхивать, а потом греметь, раскатываться гулким гулом и раздражаться мощными ударами да все полновеснее, величавей, великолепнее... О, как я уже *чувствовал это Божественное великолепие мира и Бога, над ним царящего и его создавшего* с такой полнотой и силой вещественности! Был потом мрак, огонь, ураган, обломный ливень с трескучим градом, все и всюду металось, трепетало, казалось гибнущим... Зато какое облегчение настало потом, когда все стихло, успокоилось, всей грудью вдыхая невыразимоотрадную сырую свежесть пресыщенных влагой полей (выделено нами. – С. Р.) [3, с. 17].

Это и есть бунинское сакральное пространство-образ. «Полнота и сила вещественности» подчеркивается автором как важнейшая часть Божественного великолепия мира. Страстное миропереживание не свойственно христианскому восприятию мира, однако подобное качество переживания природного дает возможность так остро чувствовать Бога, над миром царящего и его создавшего. Гибельный восторг и отрада душевного покоя! Эти нераздельные бунинские противоположности.

Градуальность словесных рядов, выраженных в разных грамматических формах (номинативы, сравнительная степень прилагательных и глаголы), подчеркивают, с одной стороны, «густоту авторского стиля», с другой – именно это и позволяет говорить о пространстве-образе, необыкновенно объемном, в котором совокупность пространственных (вертикальных и горизонтальных) и звуковых образов являет собой целостность божественного замысла. Это и есть «благо бытия». Алексей Арсеньев переживает катарсис.

Образ-пространство получает свое развитие. Первая рефлексия Алеши Арсеньева болезненна: не удастся объять сознанием видимый мир. Это отчетливо явлено в раннем наброске «Зеркало», который затем почти без изменения вошел в роман. Зеркальное пространство связано с восприятием обратной перспективы. Пытаясь заглянуть ЗА зеркало, Арсеньев видит себя – маленького мальчика, но выше и взрослее, чем с этой стороны, «отраженную комнату», которая

кажется просторнее, выше и заманчивее. Пространственно-временной феномен символа зеркала наполняется философским смыслом: текучесть времени, вечность космического мира и короткая озаренность этого мира отдельной человеческой жизнью (связь с религиозной традицией):

Я видел себя в этом зеркале ребенком ... Я видел себя в зеркале отроком. ... Видел юношей. ... Настанет день – и навсегда исчезнет из мира и оно [лицо] [3, с. 260].

Пространство-образ является частью иконичного пространства, где происходит преображение героя, всех его телесных, душевных и духовных сил [5, с. 153].

Пространственная зеркальность отрицает идею прерывистости, отражает сложный духовный Путь человека, который стремится к «психологической вертикальности» (термин Н. Каухчишвили), формированию и сохранению целостности, осмыслению своего высшего назначения. П. А. Флоренский в диссертации «Идея прерывистости как элемент мирозерцания» утверждает, что «нет никаких оснований ожидать, чтобы все явления оказались непрерывными, потому что это крайне невероятно...» [10, с. 160]. И. А. Бунин, который утверждал, что всю свою жизнь разрушает привычные формы, верен себе. Искажая привычный глазу мир, он открывает его неясные, невидимые обычному зрению контуры. Однако для нас мнение П. А. Флоренского крайне важно, так как подобными искажениями изображается внутренняя сила, которую он определяет как энергию, обладающую внутренним стремлением к духовному совершенствованию. П. А. Флоренский стремление к духовному подъему оценивает как стремление к творчеству. Молодой Арсеньев принимает решение:

Без всяких притязаний, кое-что вкратце записывать – всякие мысли, чувства, наблюдения [6, с. 110].

Это происходит с мысленного благословения материнской иконы (и стремительный перенос во времени):

Как это ни удивительно, и теперь висит в моей спальне: темно-оливковая, гладкая, окаменевшая от времени дощечка в серебряном грубом окладе – наследие рода моей матери, ее благословение мне на жизненный путь, на исход в мир из того подобию иночества, которым было мое детство, отрочество... сокровенная пора моего земного существования [3, с. 208].

Почему иночества? Очевидно, что автор романа подчеркивает не только и не столько простоту и даже ограниченность детского мира Арсеньева, сколько его чистоту. Приготовление к творчеству началось еще в детстве, отсюда понимание творчества как божественного замысла. Память связывает желание творить с обращением к высшему религиозному идеалу – иконе – как факту острейшего переживания и устремленности к религиозному.

Авторская мысль созвучна мысли П. А. Флоренского о необыкновенной творческой направляющей силе, которая сосредоточена в русской иконе; она являет собой «перспективный образ мира... естественный, из существа его вытекающий образ. Истинное слово мира» [10, с. 124].

Божественность мира неотделима от мира Божественного Слова. И. А. Бунин подчеркивает его образную природу, метафоричность, эмоциональную убедительность, часто философскую глубину; слово Божественное, как правило, отражает значительное и существенное:

«Пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших»;
«Слава в вышних Богу – и на земли мир – в человецех благоволение» [3, с. 6].

Бунинский контекст в полной мере реализует не только религиозное, но и эстетическое, художественно-образное содержание божественного Слова, раскрывает его чувственную, обобщенно-нравственную сущность. В художественном пространстве романа есть немало эпизодов, в которых семантика «божественного» усложняется, наполняется всеми оттенками «прекрасного, эстетического».

Мир Божественного Слова реализуется также в православном богослужении. Определяющее значение слова во всех элементах христианского культа подчеркивают богословы русской православной церкви. Слово должно быть определяющим и в молитве, и в церковной службе, и в обрядах, и в церковном пении. Д. В. Алеманов пишет: «Слово Божие, составляющее всякое священное песнопение, занимало господствующее положение... богослужение надеется через употребление пения в числе других средств лучше выполнить свою задачу, состоящую в питании верующих “глаголами жизни”» [1, с. 17]. А. Страхов указывает на важность не только мелодии, но и слова, текста в практике религиозной жизни: «В пении церковном главная задача совсем не красота или еще прелесть, а глубина, сила, важность

и притом не мелодий самих по себе, а в связи с текстом, со словом. Слово, текст так важны в церковном пении, что при выборе двух крайностей лучше, полезнее одни слова прочитанные, чем мелодия, превосходно исполненная, без ясного и отчетливо слышанных слов» [9, с. 15]. Определяющее значение фоники слова подчеркивается богословом и философом П. А. Флоренским: звучащее слово-фонема «независимо от смысла слова... сама по себе, подобно музыке, настраивает известным образом душу» [11, с. 360]. Подобное восприятие характерно для Алеши Арсеньева, он слушает службу «как зачарованный»: погружение в мир слова Божия требует от него не только вслушивания, но и послушания. А. В. Моторин считает, что «слушание переходит в послушание невольно, поскольку слушание невозможно без В-нимания, по-нимания, то есть без при-нимания» [7, с. 82]. Внутреннее состояние «в-нимания», вбирания в себя главного невозможно без тишины и молчания (с этого мы начали наше исследование).

Идея Пути в художественном творчестве И. А. Бунина сопряжена, как мы видим, с образом иконы. Исследователи определяют древнюю икону как откровение русского национального искусства, подчеркивая при этом, что она не утратила своей современности. Это позволяет оценить икону как эстетический, смыслообразующий элемент, объединяющий русское культурное пространство. Обращение к иконе для человека связано с желанием духовного преображения, созерцание икон напоминает об истинном смысле земного бытия, божественного предназначения человека и Божественности мира.

Роман «Жизнь Арсеньева» являет собой оригинальную пространственно-временную организацию. Как история человечества всякий раз возвращается к своему началу, так и Путь Арсеньева не сводим к линейному движению: первые проблески сознания связаны с чувством одиночества, тревоги, которые сглаживаются присутствием матери, материнской иконы, обращение в путешествии к любимой звезде матери – Сириусу, в конце романа – сравнение Богоматери и Лики. Движение в романе опирается на преднаходимые, уже имеющиеся в русской культуре модели, а также те, в которых реализуется культурный и духовный опыт человечества. У И. А. Бунина эта связь обнаруживается в близости к восточному мировосприятию. С подобным типом пространства связаны и свойства времени: всевременность души, вневременность конфликта героя – раздор между мечтой об идеальной любви и действительностью. Однако оставаясь русским

человеком, автор романа наделяет своего героя преимущественно христианским типом миропереживания, поэтому невозможно говорить о Пути Арсеньева вне развития образа русской иконы.

Материнская икона является в романе организующим элементом целого. С иконой связана концепция циклического времени и идея непрерывности Пути героя. «Внимание и послушание» Алексея Арсеньева происходит в последних строках романа. Только в последнем эпизоде происходит преобразование героя: **переживание** встречи во сне с Ликой и **проживание** опять чувства любви к ней лишено мучительной страстности. Арсеньев понимает, что он переживает чувство тихой нежности и светлой радости к когда-то любимой женщине.

Появление в тексте романа образа благословляющей иконы не случайно. Благоговейное отношение к семейной реликвии характерно для молодого Ивана Бунина, но и вдали от дома для Бунина-странника «суздальская древняя иконка в почерневшем серебряном окладе... святыня, связующая меня нежной и благоговейной связью с моим родом, с миром, где моя колыбель, мое детство, – иконка эта уже висит над моей корабельной койкой!» [2, с. 450].

В «Водах многих» И. А. Бунин обращается к образу матери и отца, замыкая, таким образом, художественное время–пространство:

А в рубке были, кроме рулевого, отец и мать, давно, как я хорошо понимал, умершие, но живые все-таки, – я никогда не вижу их во сне мертвыми и никогда не дивлюсь во сне, видя их живыми. И я чувствовал к ним необыкновенную нежность в ответ на те ласковые, милые улыбки, с которыми они смотрели на меня... И было в их улыбках и еще что-то, смутный смысл чего был, кажется, таков: да благословит тебя Бог, живи, радуйся, пользуйся тем кратким земным сроком, что и ты получил в свой черед от Него! [2, с. 450].

И здесь родительское радуйся – это привязанность к земному, природному; нельзя осознать высшие ценности, не пережив страстей, страдания, любви и разочарования. Автор определяет место своего героя в родовой цепи – «*земной срок, что и ты получил от Него!*» (выделено нами. – С. Р.) [Там же]. Идея Пути воплощается в мотиве пути, который обретает сакральный смысл и одновременно подчеркивается его повторяемость в каждой человеческой жизни, оформляется непрерывность структуры как единства видимого мира и неявленного, внешнего и внутреннего.

25 февраля 1911 г. И. А. Бунин пишет в своем дневнике:

Ночь, вечная, неизменная – все такая же, как и тысячелетия тому назад! – ночь, несказанно-прекрасная... а ветер, истинно Божие дыхание всего этого прелестного и непостижимого мира, веет во все наши окна и двери [2, с. 75].

Вечна эта картина ночного неба, звезд, золотом отливающей воды, однако зыбким кажется бытие человека, кратким мгновением его жизнь озарит светом картину Вечности. Что останется от нее? Ничего, кроме «портрета на стене в гостиной» или «царапины на стекле» (вспомним отрывок «Зеркало» в ранней редакции романа). Страх перед конечностью человеческой жизни, всегда преследовавший Бунина, отчетливо звучит в этих выводах (вспомним мысль П. А. Флоренского: «нет никаких оснований ожидать, чтобы все явления оказались непрерывными, потому что это крайне невероятно» [10, с. 60]).

Однако автор романа дает возможность своему герою преодолеть это творчеством, тем самым объединяя земное назначение человека с божественным смыслом творчества. Внешние впечатления молодого И. А. Бунина, навеянные путешествием в Вифлеем и Хеврон, где жарким утром, под «воркование голубей» в садах Соломона все сущее приветствовало проходящую с младенцем на руках Марию, оформились трансцендентальной рефлексией:

Жизнь совершила огромный круг, создала на этой земле великие царства и, разрушив, истребив их, вернулась к первобытной нищете и простоте [2, с. 416–417].

Через 22 года в романе «Жизнь Арсеньева» почти повторились эпизоды путешествий Бунина («Воды многие», «Тень птицы») в мучительных размышлениях Арсеньева о покинувшей его Лике:

Потом была другая ночь ... Я лежу и смотрю в передний угол – в его треугольнике висит старая икона, на которую она молилась перед сном: старая, точно литая доска, с лицевой стороны крашенная киноварью, и на этом лаково-красном поле образ Богородицы в золотом одеянии, строгой и скорбной, – большие, черные, запредельные глаза в черном ободке. Страшный ободок! И страшное, кощунственное соединение в мыслях: Богородица – и она, этот образ – и все то женское, что разбросала она тут в безумной торопливости бегства [3, с. 244].

Обращение к образу Богородицы – религиозному канону – сопряжено с идеей «всего Женского». Эстетическое восприятие,

наполненное жизненным содержанием, обретает черты художественной убедительности: состояние внутренней борьбы между восприятием реального женского образа (Лики) и религиозного, воплощенного в романе, оттого так убедительно, что именно религиозный образ является толчком подобного острого переживания. В данном эпизоде романа образ иконы мы рассматриваем как явление света сотворенного и света нетварного, Божественного. Образ иконы важен для понимания главного – Путь к преображению сложен, противоречив, сопряжен со страданием. Образ иконы раздвигает границы повествования, преодолевая порог храма, устремляясь к осмыслению духовного пути.

Подобное проявление иконичности В. В. Лепяхин определяет как принцип познания мира: вселенную и человека можно видеть, изучать, описывать как картину, уделяя главное внимание своему видению мира (что свойственно буинскому герою особенно в юности) или как образ божий (финал многих буинских творений) [5, с. 164]. Интуитивное восприятие мира героем И. А. Бунина как мира Божественного формирует его отношение к миру, что и определяет Путь к духовности. Так И. А. Бунин «поднимает» героя от природного мира к повествователю в мир духовный, показывает, сколь мучителен путь к самопознанию, однако это же и позволяет утверждать, что движение не заканчивается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алеманов Д. В.* Русское хоровое церковное пение. – М.: Тов-во Я. А. Левенсон, 1910. – 95 с.
2. *Бунин И. А.* Полное собр. соч.: в 13 т. – М.: Воскресенье, 2006. – Т. 3. – 552 с.
3. *Бунин И. А.* Полное собр. соч.: в 13 т. – М.: Воскресенье, 2006. – Т. 5. – 480.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Терра, 1994. – Т. 1: А – З. – 880 с.
5. *Лепяхин В. В.* Иконология и иконичность // Икона и образ. Иконичность и словесность: сб. ст. / ред.-сост. В. В. Лепяхин. – М.: Паломник, 2007. – С. 129–165.
6. *Мифология: энциклопедия* / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 2008. – 746 с.
7. *Моторин А. В.* Духовные направления в русской словесности XIX века: монография. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. – 504 с.

8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд. испр. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.
9. *Страхов А.* Мысли о церковном пении. – М., 1891. – 254 с.
10. *Флоренский П.А.* Введение к диссертации «Идея прерывистости как элемент миросозерцания» / публ. и прим. С. С. Демидова и А.Н. Паршина: сб. ст. / отв. ред. А. П. Юшкевич. – Вып. 30. – М.: Наука, 1986. – С. 159–164.
11. *Флоренский П.А.* Строение слова // Контекст 72. – М.: Наука, 1973. – 334 с.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ. Выпуск 10 (721)
Языкознание и литературоведение

Редакторы: *И. Л. Андриевич, Е. М. Евдокимова*
Компьютерная верстка: *И. Л. Андриевич, Г. П. Лопатина*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВПО МГЛУ

Подписано в печать 29.04.2015 г.
Объем 11,9 п. л. Формат 60х90/16
Заказ № 1359

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

Издание входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Перепечатка материалов
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания
Ссылка на издание при перепечатке обязательна